

**Казанский (Приволжский) федеральный университет
Философский факультет**

Каримов А.Р.

ВВЕДЕНИЕ В АНАЛИТИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФИЮ
(учебное пособие)

Казань, 2012

УДК 1/14
ББК 87.22
К23

Печатается по решению Ученого Совета философского факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Автор:
кандидат философских наук *А.Р. Каримов*

Рецензенты:
доктор философских наук
Э.А. Тайсина,
кандидаты философских наук
В.А. Казакова, А.Ш. Назарова

К23 Каримов А.Р. Введение в аналитическую философию
(учебное пособие) / А.Р. Каримов – Казань: Казанский университет,
2012. – 115 с.

ISBN 978-5-9222-0589-4

В пособии дается общее представление об аналитической философии, рассматривается ранний период ее становления, связанный с творчеством Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна. Предназначено для студентов, обучающихся по специальности "Философия", магистрантов, аспирантов, а также всех, интересующихся проблемами языка, логики, познания.

ISBN 978-5-9222-0589-4
УДК 1/14
ББК 87.22

© Казанский университет
© Каримов А.Р.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Аналитическая философия: мифы и реальность....	8
1.1. Мифы и стереотипы об АФ.....	8
1.2. Проблема определения термина «аналитическая философия». Историческая периодизация АФ	13
1.3. Аналитическая философия и другие философские направления XX в.....	22
1.4. География АФ и перспективы развития.....	31
Глава 2. Анализ и становление АФ в трудах Г. Фреге.....	35
2.1. Понятие анализа в европейской философии.....	35
2.2. Анализ и логицизм в учении Г. Фреге.....	45
2.3. Логика и семантика в учении Г. Фреге.....	52
Глава 3. Аналитический метод Б. Рассела.....	67
3.1. Рассел о субъектно-предикатной логике и проблеме отношений.....	67
3.2. Теория определенных дескрипций Рассела.....	73
3.3. Онтология Рассела.....	80
Глава 4. Философия «Трактата» Л. Витгенштейна.....	89
Приложение. Проблема тождества личности в аналитической философии.....	108

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время (начиная с 2000-х гг.) в российской философии все больше возрастает интерес к аналитической философии (АФ). Такие философы второй половины XX в., как У.В.О. Куайн, Х. Патнэм, Д. Дэвидсон уже стали классиками наряду с основоположниками аналитической философии – Г. Фреге, Б. Расселом, Л. Витгенштейном и др. В пособии дана общая характеристика современной аналитической философии – одного из ведущих направлений в философии XX столетия и наиболее популярного в современной англоязычной философии. Подробнее рассматривается ранний период становления аналитической философии. В приложении в общих чертах представлена проблема тождества личности в аналитической философии сознания, ее истоки и современные подходы к ее решению.

Степень знакомства с аналитической философией в России отстает от потребностей времени. Только о Расселе, Витгенштейне, Рамсее, Патнэме и Рорти написаны отдельные монографии. Творчество большинства аналитических философов малоизвестно. В 1990-х – 2000-х гг. появляется много переводов: в частности, серия «Библиотека аналитической философии», в рамках которой были изданы труды Рамсея, Куайна, Айера, Армстронга и др. Библиография русскоязычной литературы по аналитической философии постоянно растет и на момент, пока пишутся эти строки, насчитывает уже 886 переводных и авторских источников¹. Издано две обзорных монографии и учебник². Издается электронный журнал³. Ряд монографий посвящен отдельным проблемам аналитической философии. В 2012 г. в СПбГУ прошла первая в России научная конференция, посвященная аналитической философии: «Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в Рос-

¹ Здесь и далее все ссылки на электронные ресурсы активны на момент подачи пособия в печать. Часть электронных ресурсов доступна только для подписчиков.

Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/analytica/bibl.html>

² Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. – М.: Высшая школа, 2006. – 375 с.

Никоненко С.В. Аналитическая философия – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 546 с.

Аналитическая философия. Учебное пособие (под ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка). – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 622 с.

³ Электронный ресурс: <http://www.analytica-journal.org> Электронный журнал «Analytica» издается с 2007 г. в г. Екатеринбург. Аналитической философии в России посвящен выпуск журнала «Логос» №2 за 2009 г.

сии»⁴. Однако критической литературы все же не хватает, и сообщество аналитических философов в России невелико.

Представление об АФ в российском философском сообществе часто является искаженным, так как данное философское направление в литературе советского периода рассматривалось как один из этапов развития позитивизма⁵. Хотя нельзя отрицать, что отдельные представители АФ, в частности ранний Л. Витгенштейн, существенным образом повлияли на становление логического позитивизма, в целом, такая характеристика АФ является неверной. АФ – широкое направление в философии XX в., в котором сочетается разнообразие проблем, методов, мировоззренческих ориентаций. И если позитивизм является частью истории философии, то АФ – динамично развивающееся направление в современной философии. Более того, современные исследователи АФ в России (А.Ф. Грязнов, С.В. Никоненко, В.В. Васильев) склонны считать, что именно аналитическая философия продолжает традиции классической философии в наше время, несмотря на то, что АФ на самом начальном этапе ее развития призывала к разрыву с прежней метафизикой. В этом призыве АФ была не одинока – практически все философские направления XX века выступили с критикой метафизики в том или ином смысле. Но порывать с той или иной формой метафизики не значит еще порывать со всей философской традицией.

Разрыв с традиционной метафизикой произошел не в АФ, а уже у Канта. Начиная с Канта, философия (по крайней мере, основные ее направления) навсегда порывает с традиционной метафизикой в той форме, какой ей занимались, например, схоласты. Вся последующая философия: абсолютный идеализм Гегеля, Ницше, фрейдизм (в т.ч., в нео- и пост- вариантах), феноменология Гуссерля, фундаментальная онтология Хайдеггера, постструктурализм, и, наконец, логический позитивизм и аналитическая философия – есть ни что иное как критика традиционной метафизики и попытка построения нового проекта в фи-

⁴ Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. Тезисы пленарных докладов и секционных выступлений всероссийской научной конференции с международным участием (29-31 мая 2012 г., С.-Петербург). – СПб.: Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. 220 с.

⁵ Современная буржуазная философия. Под ред. А.С. Богомолова, Ю.К. Мельвиля, И.С. Нарского. – М.: «Высшая школа», 1978. – 582 с.

лософии. Подчеркнем еще раз эту мысль: любой проект в философии после Канта в определенном смысле является антиметафизическим.

И для Гегеля, и для Хайдеггера – великих «метафизиков» после Канта – философия это проект, который должен быть построен совершенно заново. И даже самый язык философии для них должен быть изменен на новый. Прежний язык отражал прежнюю картину мира. Новая философия нуждается в новом методе, поэтому теоретико-познавательная проблематика, поставленная Кантом на авансцену философии, остаётся в центре философствования. Новый взгляд – феноменологический, диалектический – также требует нового языка. И целью уже будет не Бог, а (познающий себя) Разум и прогресс в познании свободы (Гегель), и забытое философами Бытие (Хайдеггер). Поэтому эти философы крайне осторожно относились к термину «метафизика». Не говоря уже о других философских направлениях (те, которые «не-» и «постне-»).

Проект метафизики был заложен в философии Платона и Аристотеля. Суть его составляет идея, что философия есть, в сущности, богопознание (теология). Именно эта идея вдохновляла философский гений великих греков, а не абстрактный поиск оснований бытия и познания. Этот, по сути, теологический проект, который и является настоящей классической философией, последними представителями которой были Р. Декарт, Б. Спиноза Г. Лейбниц, был поставлен под сомнение Кантом и последующими философами. Хотя, точнее, еще раньше это сделали философы английского эмпиризма, в особенности, Дж. Локк и Д. Юм. Новый проект, как известно, утверждает автономию разума. Человеческий разум объявляется последним судьей в любом философском споре. Так возник «Проект Просвещения». Суть этого проекта сформулировал И. Кант. В статье «Что такое Просвещение?» он определяет Просвещение как выход человека из своего несовершеннолетия, в котором тот находится по собственной вине⁶. Несовершеннолетие это состоит в том, что человек не способен пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. «*Sapere aude!*» – «Имей мужество пользоваться своим умом!» – вот девиз Просвещения.

Но что значит быть разумным? Не ведет ли этот призыв к навязыванию какого-то одного взгляда на мир в ущерб другим? Если русский

⁶ Кант И. Ответ на вопрос, что такое просвещение. 1784. Электронный ресурс: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000508/>

философ П.Я. Чаадаев высочайшим повелением был объявлен сумасшедшим, то действительно ли разум на стороне большинства, которое объявило его сумасшедшим? Не ведет ли это в диктатуре одного мировоззрения в ущерб другим? Эти и другие претензии к Просвещению выставляет в соответствующей статье М. Фуко⁷, а также вся неклассическая философия. Фашизм – вот чем в результате заканчивается полное торжество разума. Но нужно ли отказаться от разума и впасть в неразумие? Если плоды Просвещения так невкусны, то каковы плоды Анти-Просвещения? Именно поэтому М. Фуко призывает не ставить вопрос таким образом: Просвещение или отказ от него. Мы не должны полностью принять традицию Просвещения или полностью от нее отказаться, ее необходимо критически исследовать.

Аналитическая философия – это своего рода попытка возрождения проекта Просвещения (от которого отвернулась «неклассика»), основанная на критике традиционной метафизики, но сохранившая рациональные принципы, заложенные еще в античной философии. Бросив вызов постмодернизму, АФ внесла наибольший вклад в то, что философия к началу XXI в. сохранилась в качестве академической дисциплины, а не пошла по линии департамента искусств и кафедры литературной критики.

Автор выражает признательность В.А. Казаковой, Э.А. Тайсиной, А.В. Кирилловичу, А.Ш. Назаровой за ценные замечания при подготовке рукописи к печати.

⁷ Фуко М. Что такое Просвещение? Электронный ресурс: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nachala.txt>

ГЛАВА I. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

1.1. Мифы и стереотипы об АФ

Существует стереотипное представление об аналитической философии относительно того, что она не смогла преодолеть кризис логического позитивизма. Таких стереотипов множество. Рассмотрим их подробнее.

И.Г. Гаспаров выделяет восемь основных стереотипов, или мифов, об аналитической философии⁸.

1. Аналитическая философия – это всего лишь одно из многочисленных направлений.

На это следует возразить, что аналитическая философия не является школой, наряду с другими, такими как, например, марксизм, неотомизм, экзистенциализм и т.д., так как не существует такого философского тезиса, который бы были обязаны разделять все аналитические философы. Добавим, что именно это и является главной трудностью при определении сути аналитического метода.

2. Аналитическая философия – это не более чем логика. АФ не занимается философскими проблемами по существу, но предлагает только анализ этих проблем.

На это следует возразить, что аналитическая философия пользуется достижениями логической науки для решения своих проблем, но лишь настолько, насколько это необходимо. В аналитических текстах часто можно увидеть логические формулы, но они не заменяют рассуждение, а помогают точнее формулировать какой-либо тезис. Результатом рассуждения является не формула, а содержательное высказывание. Если для чтения литературы по АФ в большинстве случаев достаточно знания логики хотя бы на уровне логики предикатов первого порядка, то для чтения научной литературы по логике уже необходимо специальное образование. Кроме того, можно назвать ряд крупнейших аналитических философов, которые вовсе не использовали логику: например,

⁸ Гаспаров И.Г. Аналитическая философия сегодня: между философией языка и метафизикой//Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. Тезисы пленарных докладов и секционных выступлений всероссийской научной конференции с международным участием (29-31 мая 2012 г., Санкт-Петербург). – СПб.: Изд-во филос. Ф-та СПбГУ, 2012. С. 15-21.

Дж.Э. Мур и другие представители школы обыденного языка. В целом, использование математической логики в текстах по философии вполне оправдано, так как она давно стала универсальным языком науки.

3. Аналитическая философия подменяет подлинные философские проблемы концептуальным анализом.

Возражение состоит в том, что в данном тезисе один из методов выдается за всю АФ. Были достаточно влиятельные аналитические философы, которые считали себя противниками концептуального анализа (например, У.В.О. Куайн). В то же время само понятие концептуального анализа нуждается в определении. Можно ли назвать то, чем занимались Сократ, Платон и Аристотель, концептуальным анализом? Разве это нельзя назвать прояснением наших понятий? Тогда чем отличается концептуальный анализ у Рассела и Сократа? На этот вопрос не существует простого ответа. В последующих главах данного пособия мы попытаемся частично ответить на этот вопрос.

4. Аналитическая философия – это философия языка.

Данное утверждение также нуждается в уточнении. Если речь идет о том, что в аналитической философии язык является предметом пристального исследования, то это верно. С другой стороны, было бы вовсе неправильным утверждать, что все аналитические философы считают, что абсолютно все философские проблемы решаются с помощью анализа языка. Действительно, часть вопросов, связанных с семантикой, теорией значения всегда были в центре аналитических исследований. Но также верно и то, что при решении чисто эпистемологических проблем, в вопросах метафизики и философии сознания, анализ языка отступает на второстепенный план или вовсе отсутствует.

5. Аналитическая философия носит аисторический характер, пренебрегая наследием прошлого.

На это следует возразить, что аналитические философы обсуждают практически все вопросы (метафизические, эпистемологические, этические), известные в истории философии: проблема существования мира, независимого от наших убеждений о нем, проблема универсалий, природа времени, природа морали и даже проблема теодицеи⁹. Кроме

⁹ Ср. рассуждение А. Платинги о теодицее и Божественном предопределении с использованием учения Лейбница о возможных мирах и аппарата современной символической логики. См. Горбатова Ю.В. Платинга о возможных мирах и всемогуществе//Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 142-160.

того, современная АФ нередко обращается к наследию истории философии: к Юму, Канту, Гуссерлю.

6. Аналитическая философия игнорирует экзистенциальные проблемы.

Речь идет о том, что АФ игнорирует такие проблемы, как смысл жизни, смерть и т.п. Действительно, в АФ отсутствует экзистенциальный пафос. На наш взгляд, это связано со специфическим отношением к метафизике, поскольку вопрос «в чем смысл жизни?» предполагает изначально, что мы ответили на вопросы «что такое реальность?», «что такое человек?», «что такое сознание?», «что такое смысл?». Как полагают многие аналитические философы, у нас нет однозначных ответов на эти вопросы, а без этого обсуждать проблему смысла жизни в каком-то продуктивном ключе бессмысленно. Тем не менее, этическая проблематика составляет важную составляющую исследований аналитических философов, начиная еще с Э. Мура, поэтому экзистенциальная тематика присутствует в достаточном объеме¹⁰.

7. Аналитическая философия – это сциентизм.

Здесь также необходимо определиться с терминами. Если понимать сциентизм в узком смысле как учение о том, что только естествознание есть истинная наука, то многие аналитические философы с этим бы не согласились. Если же сциентизм понимать широко – как учение о том, что философия сама является наукой, а не искусством, что философия может опираться на точные научные данные в своей аргументации, пользоваться строгим языком, то это вряд ли можно считать большим грехом. Если философы причисляют себя к корпорации ученых, преподают в университетах, получают гранты на исследования, ученые степени докторов наук, публикуются в рецензируемых журналах, то это должно обязывать к элементарной научной дисциплине. Могут возразить, что многие философы первой величины, такие, например, как Хайдеггер и Ницше, часто не демонстрировали научный стиль изложения. Но вспомним, что те же Ницше и Хайдеггер получили свои докторские степени не за поэтически вдохновенные эссе, а за конкретные исследования в области древнегреческой литературы и схоластической теологии, соответственно.

8. Аналитическая философия – это материализм.

¹⁰ Ср. Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию. – М.: Идея-Пресс, 2001.

Этому следует возразить, что в аналитической философии можно встретить представителей разных философских позиций. Чаще аналитические философы делят себя не на материалистов и идеалистов, а на реалистов и анти-реалистов.

Л. Ламберов рассматривает еще несколько мифов, которые традиционно ассоциируются с АФ¹¹. Например, считается, что термин АФ впервые введен в 1945 г. Густавом Бергманом, который использовал его для обозначения всех философов, занимавшихся анализом языка, и в особенности, логических позитивистов¹². Однако ранее этот термин уже употреблялся Э. Нагелем для обозначения философии, которая занимается анализом результатов конкретных наук, что соответствует раннему периоду развития аналитической философии.¹³ Так же он описывает АФ как философию, в рамках которой, «профессора не внушают догмы о жизни, религии, расе или обществе»¹⁴.

Отдельная разновидность мифов об аналитической философии связана с ее отношением к метафизике и позитивизму. Как отмечает Л. Ламберов, распространено мнение, что аналитическая философия является видом позитивизма и отрицает какие-либо метафизические изыскания. Правильнее говорить, что в истории мейнстрима аналитической философии было три этапа, характеризовавшихся особым отношением к метафизике: (а) принятие метафизики, (б) отрицание метафизики как бессмыслицы, (с) возрождение метафизической проблематики¹⁵. Среди философов, которые принимали метафизику, можно назвать Г. Фреге и Б. Рассела. Философы «Венского кружка» (М. Шлик, Р. Карнап и др.), напротив, занимали непримиримую позицию в отношении метафизики. Действительно, в своей известной статье «Преодоление метафизики логическим анализом языка» Р. Карнап обрушивается с

¹¹ Ламберов Л. О мифах и проблемах определения термина аналитическая философия//Analytica, №2, 2010. Электронный ресурс: <http://www.analytica-journal.org/pdf/2010-04-03.pdf?attredirects=0>

¹² Куслий П. От редакции//Логос. №2, М., 2009. С. 4

¹³ Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I// The Journal of Philosophy, 33, 1, 1936; Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. II// The Journal of Philosophy, 33, 2, 1936

¹⁴ Цит. по Ламберов Л. О мифах и проблемах определения термина аналитическая философия//Analytica, №2, 2010. Электронный ресурс: <http://www.analytica-journal.org/pdf/2010-04-03.pdf?attredirects=0>

¹⁵ Там же.

резкой критикой на своего современника М. Хайдеггера¹⁶. Разбирая отрывок из работы М. Хайдеггера «Что такое метафизика?», он показывает, что если попытаться понять его текст с точки зрения тех значений, которые мы приписываем словам в обычном и в научном языке, то получаем бессмыслицу¹⁷.

Возрождение интереса к метафизике в АФ связывают, в частности, с именем Д. Армстронга, который вновь поднял в современной АФ проблему универсалий. В целом, метафизическая проблематика в современной АФ широко распространена¹⁸. Х. Прайс в статье «Метафизика после Карнапа: ходячее привидение?» не без юмора отмечает, что если бы Карнап был заморожен в конце 40-х и его разморозили в США в 2000-ные, то самое удивительное для него было бы то, что метафизика еще жива¹⁹. «Везде есть философ, который придерживается какой-то метафизической позиции – один объявляет себя реалистом, другой – антиреалистом... В университетских городах Нью-Джерси и Новой Англии больше онтологических позиций, чем сортов кофе, а метафизиков больше, чем бездомных [перевод мой – А.К.]»²⁰. И виновна в этом в т.ч. критика Карнапа со стороны Куайна, который тоже не был другом традиционной метафизики. Но именно после его статьи «О том, что есть», опубликованной в 1948 г., в аналитической философии вновь возник всплеск интереса к онтологической проблематике²¹. Как отмечает Х. Патнэм, Куайн единолично сделал онтологию вновь уважаемой дисциплиной²². Хотя вопрос о том, можно ли считать аналитическую метафизику наследницей классической метафизики, является спорным.

¹⁶ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/carnap/01.html>

¹⁷ Критика Карнапа в адрес Хайдеггера, во многом, несправедлива, но показательна в том отношении, что демонстрирует различия в стиле между АФ раннего периода, которая опиралась преимущественно на логический анализ языка, и феноменологией.

¹⁸ См. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. - С. 159-174. Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/lang/stroud.html>; Иванов Д.В. Судьба метафизики в аналитической философии: Карнап, Куайн, Крипке // Философские науки. 2009, №4.

¹⁹ Price H. Metaphysics after Carnap: the ghost who walks? // Metametaphysics. New essays on foundations of ontology. Clarendon Press, Oxford, 2009. P.320-346

²⁰ Там же.

²¹ См. русский перевод: Куайн У.В.О. О том, что есть // С точки зрения логики. М.: Канон, 2010. С. 21-45.

²² Price H. Metaphysics after Carnap: the ghost who walks? // Metametaphysics. New essays on foundations of ontology. Clarendon Press, Oxford, 2009. P.321

Ряд течений в современной АФ откровенно анти-метафизичны, например, стремительно набирающий популярность дефляционизм.

Ламберов также отмечает неправомерность отождествления АФ с логическим позитивизмом. После статьи Куайна о «Двух догмах эмпиризма» ему можно поставить в заслугу то, что аналитическая философия преодолела логический позитивизм. В целом, после позднего Витгенштейна, Куайна, У. Селларса аналитическая философия уже «не равно» позитивизм.

Обращение аналитической философии языка к проблемам онтологии отмечает Э. Тайсина:

«В последнее время лингвистическая философия, развивающаяся в англосаксонском мире, опираясь на идеи «позднего» Витгенштейна, стала, кроме прочего, и своеобразной онтологией». И далее: «В последние десятилетия XX в. аналитическая философия объединилась с философией языка, а та, в свою очередь, из позитивистской методологии превратилась в мировую схематику, в которой все элементы (мира) предстали одновременно в качестве форм языка. Это своеобразная новая метафизика»²³.

Завершая разговор о мифах, следует подчеркнуть, что аналитические философы в своих исследованиях не ограничиваются рамками логико-лингвистической проблематики и обращаются к вопросам истории (Ф. Анкерсмит), права (Дж. Остин, Г. Харт), политики (Дж. МакКаллум). Исследователи даже употребляют термин «аналитическая философская антропология»²⁴.

1.2. Проблема определения термина «аналитическая философия». Историческая периодизация АФ

Что же представляет собой аналитическая философия на самом деле? В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» АФ определяется как «расплывчатый и многозначный термин, служащий чаще

²³ Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии. В 4-х ч. Очерк III. Гносеология экзистенциального материализма / Э.А. Тайсина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2011. С. 92.

²⁴ Ладов В.А. Аналитическая философия человека (предисловие к публикации статьи П.М.С. Хакера «On having a mind, having a body, and being a person») // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 2. С. 144-146. Электронный ресурс: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11968239>

всего для обозначения определенного стиля философствования»²⁵. Отмечается, что философы-аналитики могут принадлежать к самым разным философским направлениям – материализму, идеализму, эмпиризму, рационализму, могут рассматривать разные философские проблемы – от вопросов онтологии и теории познания до эстетики и политики. Среди основных особенностей аналитического стиля мышления выделяются: стремление к доказательности и обоснованности высказываемых суждений, опора на теорию доказательства, разработанную современной логикой, и логические схемы рассуждений. С этой точки зрения, предшественниками АФ были Бэкон, Декарт, Локк, Лейбниц, Юм, Кант. Также особенностью стиля АФ называется особое внимание к используемому языку. Эта сторона АФ связывается с деятельностью Г. Фреге, Б. Рассела, Дж.Э. Мура и, в особенности, Л. Витгенштейна, которые полагали, что многие философские проблемы порождаются в результате злоупотребления языком²⁶. Также важно, что свои идеи аналитические философы выражают предложениями, а не текстами. Каждое предложение должно иметь ясный смысл и быть обоснованным утверждением. Это отличает тексты АФ от текстов феноменологов и постструктуралистов, например, Хайдеггера или Делеза, где отдельные предложения, вырванные из контекста, не имеют никакого смысла. Смысл имеет только весь текст.

Подобного «стилевого» определения АФ придерживаются и авторы учебника «Аналитическая философия»: «Термин «аналитическая философия», не будучи строгим, подразумевает традицию систематического применения аналитико-языковых методов при решении всевозможных, в том числе философских проблем, посредством их ясной репрезентации, адекватного соотнесения вербального и реального и последовательного преодоления возникающих здесь трудностей»²⁷. Характерными аспектами стиля АФ признаются: склонность к лаконичности, детальности и углублению в поиски тонких отличий; использование языков, которым присуща терминологическая ясность и определенность, а также схем и формализмов; склонность считать философию всеобщим предприятием, в основе которого лежит попытка определить

²⁵ Никифоров А.Л. Аналитическая философия// Энциклопедия, эпистемология, философия науки Издательство: М: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 49.

²⁶ Данный взгляд имеет давние традиции в философии. Вспомним «идолы площади» Ф. Бэкона. У Локка так целый раздел называется: Опыт, Книга третья. Глава десятая, «О злоупотреблении словами».

²⁷ Аналитическая философия. Учебное пособие (под. ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка). – М.: Изд-во РУДН, 2006. с. 9-10.

единую почву обсуждения; запрет на широкие, основанные на интуитивной вере, семантически неточные обобщения; устранение из аргументации метафор и аналогий. Источник идей АФ авторы видят уже в диалектике Платона, у Аристотеля, в схоластических идеях Д. Скота и У. Оккама и новоевропейской философии.

Исследователи подчеркивают внимание аналитической философии к детальному обсуждению довольно частных вопросов, углубление в поисках тонких отличий. Например, дискуссия по поводу референции собственных имен, или дискуссии по поводу валидности отдельных аргументов – аргумент Витгенштейна о следовании правилу в языке, аргумент Геттье²⁸ и т.п. Здесь нет поэтического размаха, ярких метафор, вдохновенных интуиций, зато есть ювелирная точность, акцент на аргументированности, мастерстве доказательства. АФ – это философия, последовательно изгоняющая из аргументации метафоры и произвольные аналогии²⁹.

Такого же подхода придерживается и С.В. Никоненко – автор монографии по АФ. АФ также понимается им как определенный стиль философствования, для которого характерна предельная конкретика при постановке проблемы, детальный критический разбор основных понятий и категорий, обоснование методологии и теории логического вывода, опыта и языка³⁰. В то же время, как отмечает Никоненко, АФ является, по определению Кембриджского словаря философии, «общим понятием (*umbrella term*) для определения разнообразного ассортимента философских методологий и тенденций»³¹. Плюрализм позиций заложен в самой сути АФ. В связи с этим, идеальным аналитическим философом Никоненко называет одного из основоположников АФ Дж.Э. Мура, который, в общем, не создал никакого целостного философского учения, но своим примером вдохновил большинство аналитических философов. Отмечается также такая важная черта АФ, как внутренняя дискуссия различных подходов. На наш взгляд, это одно из основных отличий АФ от континентальной европейской неаналитической философии, например, феноменологии, постструктурализма. Ти-

²⁸ Обсуждению этого аргумента посвящена панельная дискуссия журнала «Эпистемология и философия науки» №3, 2009.

²⁹ Аналитическая философия. Учебное пособие (под ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка). – М.: Изд-во РУДН, 2006. – с. 10.

³⁰ Никоненко С.В. Аналитическая философия – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 4.

³¹ Там же С. 5.

пичный феноменологический или постмодернистский текст «вне критики», прежде всего потому, что он, строго говоря, ничего не доказывает. Он скорее показывает, предъявляет некий взгляд на мир как авторское произведение искусства. Его можно либо принимать, либо не принимать, но невозможно с ним полемизировать³².

Тот факт, что аргументация и обоснование являются центральной проблемой для АФ, подчеркивает Д. Фоллесдал³³. Когда аналитический философ оценивает ту или иную философскую концепцию, он спрашивает, какие основания существуют для принятия или отклонения этой концепции, как ее можно усилить или ослабить. Именно поэтому возникает такой интерес к языку, так как избегание неточностей и двусмысленностей является ключевым моментом для правильной аргументации. Об этом пишет М. Шлик в первом томе своего журнала «Erkenntnis»: «Философия есть та активность, посредством которой раскрываются или определяются значения утверждений. Посредством философии утверждения объясняются, посредством науки они проверяются»³⁴. Этим же объясняется интерес аналитических философов к проблеме истины.

М. Даммит также подчеркивает связь АФ с философией языка. По Даммиту, в АФ имеется «основной догмат», согласно которому решение философской проблемы невозможно без анализа языка. «Основной догмат» АФ сводится к трем положениям: «1) рассмотрению языка не предшествует рассмотрение мысли; 2) рассмотрение языка исчерпывает рассмотрение мышления; 3) не существует иных адекватных способов, посредством которых может быть достигнуто адекватное рассмотрение мысли»³⁵. Важен императив: не следует приступать к анализу без определения значения терминов и критериев того языка, которым ты будешь пользоваться³⁶. Однако, как подчеркивает Никоненко, отсюда нельзя сделать вывод, что уточнение значения высказываний является единственной целью АФ. Более того, исследователи отмечают, что да-

³² Данное замечание не относится к текстам Гуссерля или Делеза, речь идет о характеристике общего стиля философствования, характерного, в большей или меньшей степени, для современной философской литературы в рамках данных направлений.

³³ Фоллесдал Д. Аналитическая философия: Что это такое и почему этим стоит заниматься? // Язык, Истина, Существование, 2002. Электронный ресурс: <http://www.katrechko.narod.ru/library/analitic/tomsk/9.htm>

³⁴ М.Шлик. Поворот в философии // Аналитическая философия: Избранные тексты, 1993. Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/schlick/shlik1.html>.

³⁵ Никоненко С.В. Аналитическая философия – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. с. 5-6.

³⁶ Там же с. 6.

же Б. Рассел, строго говоря, не подпадает под это определение³⁷, как и Фреге³⁸.

Кроме того, аналитический метод преследует и синтетические цели. «Во-первых, адекватный анализ увеличивает наше знание о реальности, но не за счет добавления другой фактической информации, а за счет уточнения различных аспектов, которые ускользнули бы при построении общих теорий. Во-вторых, аналитический метод допускает и даже считает необходимыми обобщения и общие схемы, если их основания достаточно проанализированы. Поэтому аналитический метод совместим с синтетическими целями метафизики; метафизика при этом приобретает особый «дескриптивный» характер»³⁹. Также подчеркивается, что аналитики уделяют большое значение анализу конкретных высказываний, а не текстов. При этом существует установка на исключение проблемы авторства. Последнее является объектом критики со стороны таких европейских философских направлений, как герменевтика и структурализм. С другой стороны, данное обстоятельство сближает АФ с феноменологией.

При всех его достоинствах, исследователи отмечают и недостатки стилистического подхода к определению АФ. В частности, такой подход приводит к тому, что в число философов-аналитиков могут включаться те, кто к ним не принадлежит. Внимание к исследованию проблем языка мы находим еще у Сократа, Платона, Аристотеля, стремление придерживаться логического метода – у схоластов, стремление к аргументированности и точности высказываний характерно вообще для всей истории философии до не- и постнеклассики. Кроме того, как отмечает Д. Фоллесдал, у аналитиков сложно найти какой-то один метод философствования. Если общим методом АФ считать концептуальный анализ как анализ философских концептов⁴⁰, то, как уже отмечалось, это не характерно для У. Куайна, принадлежность которого к АФ ни у кого не вызывает сомнения.

³⁷ См. Monk R. Was Russell an analytical philosopher//Ratio, Vol. 9 Issue 3, pp. 227-242
Электронный ресурс: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9329.1996.tb00161.x/abstract>

³⁸ Hacker P. M. S. The rise of twentieth century analytic philosophy//Ratio, Vol. 9 Issue 3, pp. 243-268
Электронный ресурс: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9329.1996.tb00162.x/abstract>

³⁹ Там же с.8-9.

⁴⁰ Ср. высказывание Дж.Э. Мура, что мы можем препарировать понятие «лошадь» точно также, как мы можем препарировать реальную лошадь.

В связи с этим в дополнение к «стилевому» предлагается еще один, «историко-генетический» подход к определению АФ. С точки зрения этого подхода, определить сущность аналитической философии можно путем рассмотрения истоков АФ и динамики ее развития с начала XX в. до наших времен. Такой подход представляется нам более справедливым, поскольку он исторически более точен, а также учитывает динамику развития АФ, показывает эволюцию ее методов и основополагающих идей.

Большинство исследователей полагают, что основы АФ были заложены в трудах Г. Фреге, Б. Рассела и Дж. Мура. Фреге и Рассел предприняли попытку анализа научного языка средствами математической логики, а Мур – обыденного, повседневного языка. Логико-философские идеи Рассела находят развитие у раннего Витгенштейна, Мура – в теории речевых актов Дж. Остина.

Следующим этапом развития АФ считается разработка логического позитивизма в «Венском кружке» в 30-е – 40-е гг. (М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап, Г. Хан, Ф. Вайсман, К. Гёдель). Сюда принадлежат также сотрудничавшие с ними «Общество эмпирической философии в Берлине» (Г. Рейхенбах), «Львовско-Варшавская школа» и А. Айер (Оксфорд). Главной задачей философии они считали борьбу с метафизикой, очищение языка науки от псевдопредложений. Здесь впервые на первый план выходят проблемы философии науки. Необходимо отметить, что такое пристальное внимание к философии науки характерно только для логического позитивизма. В дальнейшем интерес аналитических философов сместился в сторону эпистемологии и философии языка.

Третий период связывается с деятельностью позднего Витгенштейна, Г. Райла, Дж. Остина, Дж. Уиздома. Их работы положили начало тому, что впоследствии стало называться «лингвистической философией»⁴¹. В этот период, особенно под влиянием Витгенштейна, в

⁴¹ Термины «философия языка» и «лингвистическая философия» часто путают. Философия языка – это раздел философии, который занимается философским анализом языка (начиная еще с Платона и Аристотеля). Лингвистическая философия – это философское течение в англо-американской философии 50-60-х гг. Дж. Сёрл также различает философию языка как название объекта изучения и лингвистическую философию как особый метод познания. Так, язык был объектом изучения еще у Платона. Лингвистическая философия же является специфическим методом решения философских проблем путем анализа значений слов естественных языков и логических отношений между ними. В этом смысле философия языка ближе к теоретической лингвистике, а лингвистическая

АФ доминирующей стала точка зрения, что все философские проблемы сводятся к проблемам языка. В «Трактате» язык рассматривается как то, что устанавливает границы нашего познания мира. В «Философских исследованиях» язык рассматривался как форма жизни, которая с помощью языковых игр создает реальность окружающего мира. Вообще, Витгенштейн занимает особую позицию в аналитической философии. Он заложил основу для «лингвистического поворота», оказал значительное влияние на деятельность логических позитивистов на раннем этапе своего творчества, на развитие лингвистической философии в поздний период. Но наследие Витгенштейна в современной АФ, в целом, оценивается неоднозначно. Можно даже сказать, что развитие АФ с 60-х гг. связано с преодолением того кризиса, в который завел АФ Витгенштейн. Также важно упомянуть Дж. Остину, обратившего внимание на то, что язык состоит не только из декларативных высказываний. С помощью языка можно обещать, клясться, и т.д., а не только утверждать и отрицать. Кстати, параллельно с этим начала интенсивно развиваться интенциональная логика, которая создала новые средства для анализа структур обыденного языка.

С 60-х гг. начинается новый этап в развитии АФ. Знаковым моментом признанно считается издание книги У.В.О. Куайна «С точки зрения логики» в 1963 г., где были собраны статьи, часть из которых были опубликованы еще 40-50х гг., давшие новое направление АФ⁴². Во-первых, это статья «Две догмы эмпиризма», где Куайн выступил с критикой основополагающих идей логического позитивизма. Во-вторых, это статьи «О том, что есть» и «Тождество, остенсия и гипостазирование», после которых возродился интерес к проблемам онтологии и метафизики. В-третьих, это ряд статей по проблеме значения. Критику логического позитивизма поддержали Н. Гудмен, У. Селларс. П. Стросон и Д. Армстронг. Они заложили основы для новой – «дескриптивной» – метафизики. В теории значения основной спор разгорелся между сторонниками реализма – Д. Дэвидсоном, Х. Патнэмом, С. Крипке, – и анти-реализма, представленного прежде всего, М. Даммитом и Н. Гудменом. Оба направления черпали вдохновения в трудах ранних аналитических философов – Фреге и Рассела – и полемизировали с ними.

философия – к философии. См. Философия языка. Под ред. Дж. Сёрла. – М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 6-7.

⁴² Куайн У.В.О. С точки зрения логики. М.: Канон+, 2010. – 272 с.

С 1970-х гг. аналитическая философия в содружестве с когнитивной наукой обратилась к проблеме сознания. С этого момента появляется стремительный вал текстов по философии сознания (Т. Нагель, Ф. Джексон, Дж. Фодор, Дж. Сёрл, Д. Чалмерс и др.). С одной стороны, это привело к положительному эффекту, поскольку у специалистов в конкретных областях знания появился интерес к чисто философским проблемам. С другой стороны, стремление решать философские проблемы эмпирическими методами, в определенной мере, стало возвратом к логическому позитивизму. Но эту тенденцию поддержали отнюдь не все аналитические философы⁴³. Особняком в этот период стоят фигуры Дж. Сёрла и Х. Патнэма. Они сумели создать собственные влиятельные и оригинальные концепции и в философии языка, и в философии сознания, и по праву считаются живыми классиками аналитической философии⁴⁴. Также в этот период аналитические философы обращаются к проблемам этики, права, истории, политики, эстетики, религии и т.д.

С.В. Никоненко попытался обобщить развитие АФ в ХХ, выделив три парадигмы, которые последовательно сменяли друг друга⁴⁵. Первая парадигма – парадигма Реальности – охватывает период с 1903 по 1935 г. и формируется в борьбе между абсолютным идеализмом и неореализмом. В этот период ведущие позиции занимает эпистемология. Вторая парадигма – парадигма Языка – охватывает период с 1935 по 1970 гг. и проходит в бурной полемике сторонников логического анализа и лингвистической философии. В этот период аналитики постепенно отходят от эпистемологического реализма и переходят на позиции лингвистического идеализма. Третья парадигма – парадигма Плюрализма – начинается с 1970 г. после распада лингвистической философии. В этот период возникают антиреалистические, индетерминистские и постмодернистские позиции, расширяется сфера применения аналитического метода, возникает интерес к проблемам сознания, антропологии, истории, политики, права и этики. И, наконец, в последние два десятилетия многие аналитические философы склонны отвер-

⁴³ См. Jackson F. From metaphysics to ethics: a defense of conceptual analysis. Oxford University Press, USA, 2000. 192 p.

⁴⁴ Оба философа, несмотря на почтенный возраст, продолжают активно публиковаться и выступать. В 2011 г. Дж. Сёрл выступил с докладом в Академии наук и МГУ им. М.В. Ломоносова.

⁴⁵ Никоненко С.В. Аналитическая философия – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. с. 14-16.

гать релятивизм и искать новые «классические» ориентиры для реалистической позиции.

Рассмотрев основные парадигмы, Никоненко выделяет семь базисных теорий АФ: теорию соответствия, теорию логического анализа, теорию анализа обыденного языка, антиреалистическую теорию, натуралистическую теорию, неопрагматистскую теорию и теорию внутреннего реализма. Данные теории сменяли друг друга в ходе развития АФ.

Развитие АФ можно также охарактеризовать как смену ее методов. В.А. Суровцев приводит классификацию специфических методик, используемых аналитическими философами⁴⁶:

1. Метод трансгрессии. Этот метод заключается в анализе выражения в рамках контекста его употребления. Примером является теория дескрипций Б. Рассела, в которой референциальные особенности отдельных выражений определяются только в зависимости от контекста.

2. Метод концептуального анализа. Этот метод предполагает выявление концептуального ядра термина путем сравнения различных контекстов его употребления. Примером являются работы Дж. Мура.

3. Метод экстраполяции. Этот метод предполагает распространение методов анализа одних типов дискурса на другие типы дискурса. Примером может служить анализ сказки Г. Хартом с помощью аппарата формальной логики.

4. Метод дериваций. Этот метод предполагает отделение базы теории от ее производных с последующим варьированием производных. Пример: реформа Рамсеем теории типов.

5. Метод редукции. Этот метод заключается в сведении одного уровня знаний к другому. Примером может служить логический эмпиризм Венского кружка.

6. Метод «семантического восхождения». Этот метод основан на различии и сравнении автонимного и гетеронимного употребления выражений. Пример: различие объектного языка и метаязыка при определении семантических предикатов У. Куайна.

7. Метод предела стандартной интерпретации выражения. В этом случае моделируется ситуация, при которой термин перестает вы-

⁴⁶ Суровцев В.А. О методах аналитической философии//Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. Тезисы пленарных докладов и секционных выступлений всероссийской научной конференции с международным участием (29-31 мая 2012 г., С.-Петербург). – СПб.: Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. С. 78-79.

полнять стандартную денотативную функцию в принятых моделях. Пример: мысленные эксперименты Н. Гудмэна и Х. Патнэма.

8. Метод фальсифицирующей модели. Этот метод предполагает построение такой модели для рассматриваемой теории, в которой исходные посылы данной теории выполняются, а следствия приводят к противоречию. Примеры: мысленные эксперименты «Мозги в бочке» Х. Патнэма и «Китайская комната» Дж. Сёрла.

9. Метод демаркации. Этот метод предполагает определение границ осмысленных выражений и выделение критериев, отличающих осмысленные выражения от бессмысленных. Пример: ранний Витгенштейн и Венский кружок.

10. Метод «языковых игр». Этот метод предполагает конструирование гипотетических коммуникативных ситуаций, при которых демонстрируется, что одно и то же выражение в зависимости от употребления изменяет смысл (поздний Витгенштейн).

1.3. Аналитическая философия и другие философские направления XX в.

Взаимоотношения аналитической философии с другими философскими направлениями XX столетия складывались непросто. Рассмотрим вкратце отношения АФ с феноменологией, психоанализом, экзистенциализмом, герменевтикой и постструктурализмом.

АФ и феноменология.

Наиболее близкие отношения у АФ сложились с феноменологией. Во-первых, у них были общие истоки. Б. Больцано в значительной мере повлиял на Г. Фреге⁴⁷, которого М. Даммит считает основоположником АФ, а оба они, в свою очередь оказали влияние на раннего Э. Гуссерля⁴⁸. Фоллесдал называет Больцано выдающимся аналитическим философом, предвосхитившим многие идеи Фреге, Карнапа, Куайна, Тарского и др.⁴⁹. Во-вторых, АФ и феноменология обладают определенным тематическим единством. На это обстоятельство обращает

⁴⁷ Символично, что Фреге родился в 1848 г. – в год, когда умер Больцано. М. Даммит назвал Больцано прадедушкой аналитической философии.

⁴⁸ Гуссерль даже выразил благодарность Больцано в своих «Логических исследованиях».

⁴⁹ Фоллесдал Д. Аналитическая философия: Что это такое и почему этим стоит заниматься? // Язык, Истина, Существование, 2002. Электронный ресурс: <http://www.katrechko.narod.ru/library/analitic/tomsk/9.htm>

внимание В.А. Ладов в своей статье «Аналитическая философия и феноменология»⁵⁰. И феноменология, и АФ имеют дело не с миром как таковым, а с его представленностью в сознании и языке. Ладов называет это феноменологической и лингвистической редукцией, соответственно. Феноменология и АФ обе имеют дело не с трансцендентным миром, а занимают позицию трансцендентализма: источником обеих является кантианство. И у Гуссерля, и у Фреге мы находим трехчленную эпистемологическую конструкцию: для Гуссерля это интенциональный акт – идеальное мыслительное содержание (сущность [Wesen], смысл [Sinn]) – интендированный предмет; в случае Фреге это: определенный знаковый комплекс – смысл [Sinn] знаков – значение [Bedeutung] знаков. При этом оба исследователя концентрируют свое внимание на опосредующем элементе – смысле, который обретается в сознании (по Гуссерлю) и в языке (по Фреге). Оба они выступили против психологизма в математике. Как отмечает Фоллесдал, «многое из того, что Фреге говорил о смысле имени и его референте, может непосредственно применяться к теории ноэмы акта и его объекта. Каждому акту принадлежит отдельная ноэма, а ноэме – отдельный объект (если акт имеет объект; ноэма у акта может быть и в том случае, если акт не имеет объекта). Но отдельному объекту может соответствовать несколько различных ноэм и актов. Следовательно, когда мы намереваемся описать акт, недостаточно указать на его объект; необходимо указать его ноэму. Если м-р Смит начинает опасаться человека в серой шляпе, было бы ошибочным при описании этого акта утверждать, что он боится своего соседа. Также в случае, если Том верит, что утренняя звезда является планетой, мы не можем при описании данного акта утверждать, что Том верит, что вечерняя звезда является планетой»⁵¹.

На этапе, связанном с работами Б. Рассела, произошло расхождение между АФ и феноменологией. Как отмечает Кюннг, «самым крупным камнем преткновения в диалоге между феноменологией и логической философией выступает то обстоятельство, что семантическая терминология обоих движений развивалась в противоположных направлениях. В логической философии трехуровневая семантика знака, смысла и референта Фреге уступила место двухуровневой семан-

⁵⁰ Ладов В.А. Аналитическая философия и феноменология. Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/ladov/analyt.html>

⁵¹ Фоллесдаль Д. Введение в феноменологию для философов-аналитиков // Логос. 2001, №4. - С.21-36. Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/foll/foll.html>

тике знака и референта Рассела. В феноменологии же Гуссерля понятие «смысла» было не отброшено, а расширено – в особенности посредством понятия «ноэмы»⁵². На следующем этапе Куайн вновь возродил в АФ различие между значением и референцией, где значение стало опосредующим элементом наподобие фрегевского смысла. «Правильное понимание различий между значением и референцией требует, чтобы проблемы, относящиеся к тому, что нестрого называется семантикой, были распределены между двумя областями, настолько фундаментально различающимися между собой, что они не заслуживают даже общего наименования. Эти области можно было бы назвать теорией значения и теорией референции»⁵³. Тем не менее, есть то, что объединяет Фреге, Гуссерля, Рассела – это отношение к абстрактным сущностям в духе Платона. Фреге считается одним из основных представителей платонизма в математике – идеи о том, что математическое творчество есть поиск объективно предзаданного результата⁵⁴. Задолго до К. Поппера Фреге отстаивал убеждение, что математика не является ни физической, ни умственной, а конструирует «третий мир» абстрактных объектов. На такие квази-объективные сущности – эйдосы – направлена эйдетическая редукция Гуссерля. Также и для Рассела значением предложения является не его логическая валентность (абстрактные объекты истина и ложь), а пропозиции – тоже квазиобъективные сущности⁵⁵.

Определённый разрыв АФ философии с феноменологией происходил в 20-60 гг. и был связан с неприятием аналитическими философами творчества М. Хайдеггера (особенно со стороны философов Венского кружка). Хотя в еще 1927 г., вскоре после опубликования «Бытия и времени», Г. Райл написал обстоятельную рецензию в журнале «Mind», где, в целом, дал положительную оценку данной работы, отмечая влияние Гуссерля и Brentano. В современной аналитической философии яркую антихайдеггерианскую позицию занимает оксфордский профессор Саймон Блэкберн – автор «Оксфордского словаря философии». В рецензии на английский перевод одной из поздних работ Хайдеггера

⁵² Кюнг Г. Мир как ноэма и референт // Аналитическая философия: становление и развитие М.: ДиК, 1998. С.302

⁵³ Quine W. O. From a logical point of view. Cambridge (Mass.), 1953. P. 130

⁵⁴ Михайлова Н.В. Математический платонизм и проблема внутренней непротиворечивости математики. Электронный ресурс: www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/1_08/05_mihaylov.pdf

⁵⁵ Историки философии отмечают, что Рассел внимательно изучал философию Гуссерля.

Блэкберн пишет, что Хайдеггер отошел от феноменологии Гуссерля, чтобы стать не философом и поэтом, а оракулом⁵⁶. Основное обвинение направлено на непонятность текстов Хайдеггера: «ничто из того, что он пишет, не может быть верифицировано, фальсифицировано или как-то иначе оценено»⁵⁷. Отмечая многочисленные повторы одних и тех же выражений в тексте, Блэкберн называет его набором мантр, а почитателей Хайдеггера – правоверными. Правда, Хайдеггер сам давал поводы для таких оценок и был убежден, что для философии стать понятной – это самоубийство. Кроме того, негативное восприятие Хайдеггера англоязычными философами может быть частично объяснено тем, что он поддерживал нацистов. Тем не менее, даже среди аналитических философов встречаются хайдеггерианцы (К. МакДэниэл).

Новый этап взаимоотношения АФ с феноменологией связан с интересом к философии сознания, возродившимся с конца 1970-х гг. Практически все аналитические философы придают важное значение категории интенциональности для объяснения сознания. Это схоластическое понятие, которое в современную философию ввели Ф. Brentano и Гуссерль, считается центральным для понимания природы сознания в современной АФ. Именно самонаправленность на некий объект отличает сознание человека от искусственного интеллекта. Было даже введено понятие «интенциональной системы», чтобы отличить ее от других типов систем. Среди аналитических философов исследованию этой категории наибольшее внимание уделяет Дж. Сёрл, который даже написал книгу с одноименным названием. Как отмечает В.А. Ладов, между теорией Сёрла и феноменологией Гуссерля много общего: «Сёрл, как и Гуссерль, считает именно сознание и его структуры отправной точкой философствования. В обеих теориях центральной темой является интенциональность как определяющая характеристика сознания. Оба мыслителя настаивают на единственной абсолютной данности – это данность первичного интенционального содержания в субъективных переживаниях»⁵⁸.

⁵⁶ Блэкберн С. Review of Contributions to Philosophy: From Enowning . Trans. Parvis Enad and Kenneth Maly. Bloomington: Indiana University press, 369pp. Электронный ресурс: <http://www.phil.cam.ac.uk/~swb24/reviews/Heidegger.htm>

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ В.А. Ладов Интенциональность в философии Дж. Сёрля. Электронный ресурс: <http://fsf.tsu.ru/faculty/philosophy/caf/otksp/prepods/ladov/searle.pdf>

Тем не менее, Сёрл считал, что его подход существенно отличается от гуссерлевского. Для Сёрла интенциональность осуществляется на натуралистической основе, поэтому не существует противоречия между интенциональностью и каузальностью. Как известно, сам Гуссерль различал внешние, каузальные отношения, возникающие между объектами, и внутренние, интенциональные отношения, которые не зависят от реального существования объектов. Согласно Гуссерлю, когда некто представляет себе, например, кентавра, начинает существовать интенциональный объект «кентавр», независимо от того, существует ли кентавр в действительности или нет, и между интенциональным объектом и мной нет каузальной связи (иначе пришлось бы предположить реальное существование кентавров). Сёрл пытается показать, что каузальность тесным образом связана с интенциональностью. Однако, как отмечает Ладов, ему не удастся опровергнуть Гуссерля. На примере каузального отношения двух природных объектов (движущегося автомобиля и человека и соответствующего интенционального состояния – акта внимания) Сёрл пытался показать, что каузальное отношение является внутренним содержанием интенционального акта восприятия. Но этим он не опровергает Гуссерля, а наоборот, делает природу интенциональным содержанием субъективности – совсем как у Гуссерля. Как заключает Ладов, «Натурализируемая интенциональность оборачивается, скорее, интенционализируемой натуральностью, и достаточно обоснованного преодоления столь раздражающего англо-американских философов трансцендентализма достичь снова не удастся»⁵⁹.

АФ и экзистенциализм.

Взаимоотношения аналитической философии с экзистенциализмом – это комплексная проблема. Во-первых, как отмечает С. Кавелл, объективное сопоставление этих двух направлений вряд ли возможно, так как оно всегда будет осуществляться с предвзятостью, учитывая почти враждебные отношения между этими двумя направлениями⁶⁰. Трудность также заключается в том, что понятие экзистенциализм, по крайней мере, в философии, не является однозначно определённым. Как известно, не все философы, которых считают экзистенциалистами, признавали себя в качестве таковых (например, сам Хайдеггер). Общим для АФ и экзистенциализма является то, что они выступили с критикой

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Cavell S. Existentialism and analytic philosophy//Daedalus, vol. 93 №3, 1964, pp. 946-974

традиционной метафизики, однако эта критика преследовала разные цели. Если Хайдеггера в традиционной метафизике не устраивало то, что она не раскрывает человеку суть своего бытия⁶¹, то для АФ критика метафизики имела преимущественно методологические и эпистемологические цели.

Критическое отношение АФ к экзистенциализму связано и с выраженной антисциентистской направленностью последнего. Тем не менее, исследователи рассматривают позднего Витгенштейна в качестве компромиссной фигуры между АФ и экзистенциализмом в связи с его учение о языке как определенной формой жизни⁶². Кроме того, в современной АФ мы видим критику жесткого разделения фактического и ценностного в знании, характерного для раннего этапа АФ. Определяя истину как идеализацию рациональной приемлемости, Х. Патнэм показывает, что наше знание имеет ценностную обусловленность. Патнэм также считает, что ценностные высказывания могут иметь эпистемическую значимость (с точки зрения когерентной теории истины): «Внимательное изучение этического – и любого другого ценностного дискурса, независимо от того, связан ли он с моралью или прекрасным или (даже) с «хорошими манерами» этикета – показывает, что он позволяет ввести «истину» и «ложь», соблюдая лингвистическую пристойность, без того, чтобы затемнять наши высказывания... Поэтому давайте согласимся, в почтении к нашему языку, что этические суждения могут быть истинными или ложными»⁶³.

АФ и психоанализ. Как отмечает А.Ф. Грязнов, уже на раннем этапе становления АФ у нее проявились точки соприкосновения с психоанализом⁶⁴. Речь идет о направлении «терапевтов» в АФ (Д. Уиздом, М. Лазеровиц, Э. Эмброуз), которые были последователями позднего Витгенштейна. Как известно, Витгенштейн считал Фрейда своим учителем. В «Философских исследованиях» он пишет: «Философ лечит проблемы, как болезни» (§225). В 1953 г. Дж. Уиздом выпустил книгу «Философия и психоанализ». Следуя Витгенштейну, «терапевты» сравнивали свою деятельность с деятельностью врача, который выявляет

⁶¹ См. Сайкина Г.К. Трудно быть человеком... (Метафизические маршруты человека) / Г.К. Сайкина. – Казань: Казан. Ун-т, 2012. С.43-50

⁶² Там же.

⁶³ Putnam H. Reason, Truth and History reprinted in Pragmatism: A Reader ed. Louis Menand, Random House: New York; 1997 338-362.

⁶⁴ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. – М.: Высшая школа, 2006. С. 22-23

болезни – в данном случае, «метафизическую болезнь». Однако, уже к началу 1960-х гг. в результате ослабления позитивистских тенденций в АФ, это направление утратило свое влияние.

АФ и герменевтика.

Между АФ и философской герменевтикой также складывались интересные отношения. А.Ф. Грязнов отмечает, что проблема понимания объединила АФ и герменевтику в лице позднего Витгенштейна⁶⁵. И витгенштенианцы, и современные герменевтики делают акцент на специфическом характере процедур понимания в гуманитарных науках. Ученик Витгенштейна П. Уинч считал, что сближение подходов АФ и герменевтики может принести пользу при исследовании «иных культур», или «иных форм жизни». Грязнов отмечает также, что аналитический стиль философствования характерен для крупнейшего герменевтика наших времен П. Рикёра. Работы немецкого философа К.-О. Апеля также служат своеобразным мостиком между герменевтикой и АФ. Вообще, Апель уникальная в этом смысле фигура в философии, поскольку в его творчестве совмещаются как аналитическая традиция, так и традиции континентальной философии.

Тем не менее, исследователи указывают на определенные различия между АФ и герменевтикой. Г. фон Вригт считал, что АФ, в целом, несовместима с герменевтикой по двум причинам: «во-первых, герменевтика отстаивает тезис о различии между гуманитарными и социальными науками, с одной стороны, и естественными, с другой. АФ отстаивает единство науки [на основании естественных наук]; во-вторых, те аналитические философы, которые занимались проблемами понимания и интерпретации – Куайн, Селларс, Дэвидсон – были натуралистами, тогда как герменевтика рассматривает человека как историческое и культурное существо»⁶⁶. Фоллесдал возражает на это, что: 1) не все аналитические философы придерживаются строгого следования методу точных и естественных наук; многие являются критиками дедуктивно-номологического метода в науке, а гипотетико-дедуктивный метод рассматривают в когерентном ключе (истинность допущений проверяется их совместимостью с другими утверждениями); 2) многие понятия герменевтики, например, «круг понимания», совместим с идеями аналити-

⁶⁵ Там же. С. 23-24

⁶⁶ Цит. по Follesdal D. Analytic philosophy: what is it and why should one engage in it? // Ratio. Vo. 9 Issue 3, 2006. p. 205 Электронный ресурс: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9329.1996.tb00159.x/abstract>

ческих философов, например, Л. Витгенштейна, У. Куайна, которые отстаивали теоретический холизм⁶⁷. Фоллесдал говорит даже об «аналитической герменевтике». Также и натурализм Д. Дэвидсона не помешал литературной критике обратиться к его идеям, в поиске новых оснований после Деррида⁶⁸.

АФ и постструктурализм.

Сложно складывались отношения между АФ и постструктурализмом. Несмотря на то, что оба эти направления уделяли внимание анализу языковых структур, роли языка в человеческой культуре, это сходство чисто внешнее. Особенно противостояние между АФ и постструктурализмом обострилось в 70-80 гг. А.Ф. Грязнов отмечает, что в США к этому времени сложилась ситуация «конфликта факультетов», когда кафедры английского языка и литературы выступили в качестве идейных оппонентов кафедр философии, где доминирует анализ⁶⁹. Это напоминает противостояние позиций риторики (постмодернисты) и диалектики (аналитики) в средневековой европейской культуре⁷⁰. Кроме того, в англо-американской философии можно выделить тех, кто находился в оппозиции к аналитическому мейнстриму. Это, прежде всего, П. Фейерабенд и Р. Рорти. Например, Р. Рорти пишет: «Я не думаю, что все еще существует нечто, отождествляемое с именем «аналитическая философия», за исключением некоторых социологических или стилистических деталей... Аналитическое движение в философии (подобно любому другому движению в любой дисциплине) разработало диалектические следствия множества посылок, и сейчас мало, что осталось делать в этой области»⁷¹.

Показательна в этом отношении дискуссия между Дж. Сёрлом и Ж. Деррида. В 1972 г. Деррида написал критическое эссе о теории речевых

⁶⁷ Там же. Также см. Mantzavinos C. What Kind of Problem is the Hermeneutic Circle? In Chrysostomos Mantzavinos (ed.), *Philosophy of the Social Sciences: Philosophical Theory and Scientific Practice*. Cambridge University Press (2009)

⁶⁸ См. *Literary theory after Davidson*. Ed. by Dasenbrock R.W. Pennsylvania State University Press, Pennsylvania, 1993.

⁶⁹ Ср. высказывание Деррида во время лекции в Калифорнийском университете Беркли: «Поскольку у вас сейчас философствуют на отделениях английского языка, то я не вижу необходимости в существовании особого философского отделения». Цит. по: Грязнов А.Ф. *Аналитическая философия*. – М.: Высшая школа, 2006. С. 366

⁷⁰ Грязнов А.Ф. *Аналитическая философия*. – М.: Высшая школа, 2006. С. 24

⁷¹ Цит. по Никоненко С.В. *Аналитическая философия* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. с. 9.

актов Дж. Остина⁷². За своего учителя вступился Дж. Сёрл. Интересна оценка результатов этой дискуссии и философии Деррида в целом со стороны Сёрла. Вот несколько характерных высказываний, с которыми согласились бы большинство аналитических философов:

«Каждый, кто читает деконструктивистские тексты непредвзято, будет поражен тем феноменом, который вызвал мое удивление: низкий уровень философской аргументации, намеренная невразумительность письма, преувеличенные заявления и постоянное стремление создать видимость глубины путем выдвижения парадоксальных утверждений, которые при дальнейшем исследовании оказываются тривиальными или глупыми»⁷³.

«Деррида трудно неверно интерпретировать, потому что он так тѐмен. Каждый раз, когда вы говорите: «Он считает так-то и так-то», он всегда отвечает: «Вы меня неправильно поняли». Но попытаться установить правильную интерпретацию нелегко. Я как-то сказал об этом Мишелю Фуко, который был еще более враждебно настроен к Деррида, чем я сам, и Фуко сказал, что Деррида практиковал метод *obscurantisme terroriste* (терроризм невразумительности). Мы говорили по-французски. И я спросил: «Что, черт возьми, вы имеете в виду?» И он сказал: «Текст написан настолько невразумительно, что нельзя даже сказать, в чем состоит основной тезис – эта невразумительная часть. А когда кто-то пытается его критиковать, автор говорит: «Вы меня не понимаете. Вы идиот» – а это терроризм [перевод мой – А.К.]»⁷⁴.

А.Ф. Грязнов выделяет два типа отношения к постструктурализму и постмодернизму в АФ⁷⁵. Первый – нежелание воспринимать постмодернистскую философию как конкурента серьезной академической философии (каковой в англосаксонских странах считается АФ). Второй – попытки найти все-таки точки соприкосновения. Однако, в целом, такая дискуссия почти отсутствует. По оценке Грязнова, в Англии около 90% философских кафедр ориентируются на концептуальный анализ, в

⁷² Derrida, Jacques. *Limited, Inc.* Northwestern University Press, 1988.

⁷³ Searle J. The word turned upside down// *The New York Review of Books*, October 27, 1983. Электронный ресурс: <http://www.nybooks.com/articles/archives/1983/oct/27/the-word-turned-upside-down/>

⁷⁴ Там же.

Подробнее о дискуссии Сёрла и Деррида см. Alfino M. Another look at the Derrida-Searle debate// *Philosophy and rhetoric*. Vol.24 №26 1991. P. 143-152. Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/40237667?uid=3738936&uid=2129&uid=2134&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21101179214073>

⁷⁵ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. – М.: Высшая школа, 2006. С. 364-370

США ситуация более плюралистична, но и там примерно 70% аналитиков.

1.4. География АФ и перспективы развития

География АФ. О географическом распространении АФ хочется сказать отдельно. Исторически АФ занимает ведущие позиции, прежде всего, в англоязычном мире (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка). Отметим, что в первой половине XX в. АФ процветала в континентальной Европе (Германии, Австрии, Польше⁷⁶). В США в то время доминировал прагматизм. Распространение АФ в США после второй мировой войны связывают с эмиграцией многих философов из Европы в США. Как отмечает Н.С. Юлина, одним из факторов закрепления аналитической философии в различных странах во второй половине XX в. является реформа университетского образования в сторону более точного и научно-ориентированного подхода к образованию. В частности, в США в 60-х гг. вводится новая система образования, которая характеризуется узкой специализацией, интенсивным изучением логики, философии и методологии науки, сокращением часов по истории философии, истории культуры и гуманитаристике⁷⁷.

Тем не менее, как отмечают исследователи, аналитический подход во второй половине XX в. распространяется и в странах с иной национальной философской традицией (Германия, Франция, Италия, Испания, Польша, Португалия, Россия)⁷⁸. Существует европейское общество аналитической философии, которое издает журнал «Диалектика». Как показывает М.Е. Соболева, в настоящее время в Германии аналитическая философия представляет собой одно из интенсивно развивающихся направлений⁷⁹. Существует аналитическая онтология (В. Карл, В. Кунне, Г. Патциг, Р. Трапп), аналитическая теория познания (Ф. фон Кутчера, А. фон Савиньи, А. Ньюен), аналитическая антропология

⁷⁶ Львовско-Варшавская школа.

⁷⁷ Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+, 2009. С. 289.

⁷⁸ Аналитическая философия. Учебное пособие (под. ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка). – М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 36. Цит. по Ламберов Ј. О мифах и проблемах определения термина аналитическая философия//Analytica, №2, 2010. <http://www.analytica-journal.org/pdf/2010-04-03.pdf?attredirects=0>

⁷⁹ Соболева М.Е. Философия как критика языка в Германии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 183-221.

(Х. Хекманн, Т. Метцигер, Х. Тетенс), аналитическая этика (А. фон Кутчера, Э. Тугендхат), аналитическая эстетика (Ю. Циммерман). Как отмечает Соболева, современная АФ в Германии не является продолжательницей довоенной традиции, своим становлением она обязана рецепции англо-американской послевоенной философии. Особенное влияние на развитие АФ в Германии оказала философия языка (Рассел, Витгештейн, Карнап, Куайн, Дэвидсон, Дж. Остин, П. Стросон, Дж. Сёрл и др.). Соболева также говорит о наступлении постаналитического периода в философии языка в Германии с 70-х гг. XX в. Характерными чертами нового стиля философствования являются: синтез континентальной, и прежде всего, герменевтической философии и аналитической англо-американской философии; сглаживание редукционистских тенденций, присущих аналитизму; широкое применение данных эмпирических наук, в частности, лингвистики.

Вызывает интерес распространение АФ во Франции. Со второй половине XX в. АФ воспринималась во Франции как чуждое национальным философским традициям явление. Тем интереснее поворот в сторону аналитических исследований, произошедший во Франции с 80-х гг. Исследователи связывают эти процессы с двумя группами факторов⁸⁰. Во-первых, это институциональные факторы: учреждение Института истории и философии науки и техники, Института Ж. Нико; создание на философских факультетах магистерских программ по аналитической философии. Во-вторых, теоретические факторы: апелляция к классической рационалистической традиции (Декарт) и требование рациональности; апелляция к недавнему прошлому и поиск забытых фигур в истории французской философии XX в. (Жан Кавайес, Эмиль Мейерсон и др.). Как отмечает Т. Соколова, опыт Франции может рас-

⁸⁰ Соколова Т. Аналитическая философия во Франции: новые перспективы дисциплины// Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. Тезисы пленарных докладов и секционных выступлений всероссийской научной конференции с международным участием (29-31 мая 2012 г., С.-Петербург). – СПб.: Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. 214-216 с.

Там же Т. Соколова отмечает знаменательный факт избрания в 2011 г. на должность заведующего кафедрой Метафизики и теории познания Коллеж де Франс Клодин Тьерселан (Claudine Tiercelin). Во-первых, само название кафедры уже показательно. Во-вторых, Тьерселан предложила определение философии, чуждое философской традиции: философия является не поиском мудрости, а поиском истины, который должен вестись на научных основаниях. В-третьих, ее проект основывается, в основном, на исследованиях современных американских философов и игнорирует влиятельную во Франции традицию исторической эпистемологии.

сма­три­вать­ся как позитивный пример изменения мейнстрима национальной философии и переориентации локального философского сообщества на международные практики⁸¹.

Перспективы развития. Каковы перспективы аналитической философии? На этот вопрос философы дают разные ответы. Пессимистический ответ формулирует Р. Рорти, который самым использованием термина «постаналитическая философия» указывал тем самым на ее конец. В одноименном труде он отвергает всю западную (платоновско-декартовско-кантовскую) рационалистическую традицию и противопоставляет ей принципиально новую идеологию, которую он называет «пост-аналитическим прагматизмом», «постмодернистским прагматизмом» или просто «постфилософией»⁸². Как отмечает Н.С. Юлина, главное заблуждение всей (в т.ч. аналитической) философии, по мнению Рорти, это заданный Платоном импульс поиска «истины» и «объективности». Эту традицию подорвали Ницше – развенчавший трансцендентное, Дьюи – прагматизировавший опыт, постмодернисты – подорвавшие идею «фундамента знания», Кун – историзировавший науку. Чтобы пойти по новому пути, философия должна отбросить понятия «объективность», «истина», «рациональность», «реализм» и вместо них реабилитировать понятия «верования», «мнения», «представления сообщества» на основе солидарности различных коммуникативных стратегий и устранить демаркацию между философией, наукой, искусством, политикой⁸³. Кроме Р. Рорти, радикальный разрыв с АФ в американской философии провозгласили А. Данто, С.Кейвл, Г. Блум.

Есть свои аргументы и у защитников аналитической философии. Как полагает Дж. Сёрл, доводы, которые представили постмодернисты против «Западной Рационалистической Традиции», неубедительны. А что касается отсутствия консенсуса в аналитической философии, то это даже продуктивно, так как самоопровержение исходных посылок и появление новых альтернатив, постоянная самокоррекция делают ее живой, продолжающейся уже больше ста лет традицией⁸⁴. Сходной позиции придерживается Дж. Коэн: «Некоторые критики аналитической философии предполагают, что ее тематика по большей части уже исчерпана... Однако, если судить по публикуемой литературе, реально

⁸¹ Там же.

⁸² Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+, 2009. С. 348-349.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же С. 354-355.

продолжающийся диалог аналитических философов разрушает ожидание конца и не испытывает нехватки в новых проблемах, новых аргументах и новых решениях»⁸⁵. Оптимистически оценивают перспективы АФ и российские философы-аналитики. В своем докладе на заседании Ученого Совета Института философии РАН в 2009 г. В.В. Васильев провозглашает, что будущее систематической философией связано именно с прогрессом аналитической философии. Однако он видит угрозу в чрезмерной интеграции современной АФ с экспериментальной наукой и выражает надежду на возрождение концептуального анализа, характерного для представителей ранней АФ. Перспективы развития АФ он связывает также с более глубокой интеграцией ее с феноменологией⁸⁶.

В целом, как показывает данный обзор, АФ, по праву, является одним из ведущих направлений современной философской мысли, и интерес к ней не ослабевает. А что касается спора между «риториками» и «диалектиками» в философии, то он длится столько, сколько существует сама философия и никогда не завершится консенсусом, да и вряд ли к такому консенсусу стоит стремиться.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ «Я очень надеюсь, что концептуальный анализ, т. е. априорное прояснение наших базовых понятий о мире и сознании, еще будет востребован аналитическими философами. Только не надо пытаться возродить его в старом виде – вариации на эту тему, которые мы находим, к примеру, у Ф. Джэксона, обречены на непонимание. Традиционный концептуальный анализ был связан с разбором словоупотребления. Но слова – это поверхностный уровень наших концептуальных схем. На более глубоком уровне сущностных характеристик наших интенциональных состояний эти схемы рассматривали феноменологи. Но делали они это исключительно дескриптивно. Однако дескрипции не позволяют ничего прояснить. Если что-то мыслится неясно, то дескрипция лишь фиксирует эту неясность. Аналитические философы, напротив, всегда были нацелены на аргументацию, которая позволяет что-то прояснить – но их прояснения, повторю, ограничивались поверхностным уровнем концептов. Чтобы двинуть дело вперед, надо более решительно, чем это было до сих пор, скрещивать аналитическую философию с феноменологией, создавая нечто вроде аналитической феноменологии. Тогда мы сможем действительно прояснить концептуальные схемы и, в частности, устанавливать место той или иной схемы в ряду других схем и, стало быть, обнаруживать связи между ними – а это уже шаг к системе». Васильев В.В. Есть ли будущее у систематической философии? // Философский журнал. №2(3), 2009. С. 5-12. Электронный ресурс: <http://www.intelros.ru/pdf/fg/03/01.pdf>

ГЛАВА II. АНАЛИЗ И СТАНОВЛЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТРУДАХ Г. ФРЕГЕ.

2.1. Понятие анализа в европейской философии.

Понятие анализа, которое дало наименование аналитической традиции, нуждается в определении⁸⁷. Словарное определение анализа как расчленения целого на составные части (противоположность синтеза), не является ни общим для различных видов анализа (математического, химического, психологического, лингвистического и т.д.), ни проясняющим его суть. Слово «анализ» происходит от греч. «analysis». Приставка «an» означает «вверх», а корень «lusis» ослаблять, отпускать, разделять. Проанализировать означает отпустить, распустить (узел, проблему). Интересно, что английское «to solve» (решить) в соединении с приставкой dis- (ср. рус. «дизъюнкция») дает «dissolve» (растворить, раз-решить), т.е. проблема, разрешаясь, растворяется, исчезает.

Понятие анализа в европейской философии впервые приобретает значимость в связи с известными трактатами Аристотеля (первая и вторая «Аналитики»). Анализ здесь понимается как восхождение в познании к первопринципам. Примером анализа является редукция силлогизмов второй и третьей фигур к первой фигуре. Противоположная процедура – синтез – понималась Аристотелем как движение от первых начал к конкретным выводам. Примером синтеза является система Евклида, в которой рассуждение идет от исходных посылок (аксиом) к более сложным выводам. Тем не менее, в греческой математике понятие анализа тоже изначально присутствовало. Папп Александрийский в своем «Математическом собрании» (ок. 300 г. до н.э.) определяет анализ как движение от того, что является первым в порядке знания к тому, что является первым в порядке бытия, движение назад от консеквента к антецеденту. Например, в ходе доказательства теоремы Пифагора по ходу рассуждения приходим к ранее доказанным теоремам. Такой подход к анализу можно назвать регрессивной концепцией анализа.

В другом значении анализ понимался как объяснение сложного через более простое. Так, сложные силлогизмы объяснялись Аристотелем из простых, простые – из суждений, их составляющих, суждения – из понятий. Такой подход можно назвать дезинтеграционной концепцией

⁸⁷ При подготовки текста автор использовал материалы статьи «Analysis» «Стэнфордской энциклопедии философии» Электронный ресурс: <http://plato.stanford.edu/entries/analysis/>

анализа (от лат. расщепление, разделение, раздробление). Впоследствии, в этом смысле термин «анализ» употребил Декарт при формулировке своих знаменитых правил мышления. Существовал еще и трансформационный подход к анализу, широко использовавшийся в математике, например, преобразование одних математических выражений в другие (чем, в сущности, и занимается современный математический анализ).

Очень важной стороной анализа у Аристотеля является использование контрпримеров. Таким способом он отбирает все правильные модусы в трех фигурах силлогизма, т.е. неправильные модусы таким образом отсеиваются. Устранение «лишнего», концентрация на решении определенной узкой проблемы составляет одну из важнейших черт концептуального анализа.

Исследование греческих корней термина «анализ» было бы неполным, если не упомянуть Платона. И хотя сам он не пользовался термином «analysis», метод делений и сократический метод определений имеют непосредственное отношение к философскому анализу. Стремление четко и ясно сформулировать проблему, найти точный смысл общеупотребительных понятий – вот суть сократических диалогов. Ярчайшим примером этого является диалог «Менон», где Сократ путем наводящих вопросов помогает мальчику-рабу доказать геометрическую теорему.

Средневековая схоластика продолжала традиции анализа, заложенные древними греками. Упражняясь в богословских спорах, схоласты приходили к тончайшим различиям и разветвленным классификациям. Бесконечные споры по поводу определения богословских терминов дискредитировали саму идею анализа, и к началу эпохи Возрождения подорвали доверие к логическим методам познания, в целом. Мистики противопоставили схоластическим умствованиям живое созерцание Божества, а ученые и инженеры живое созерцание природы. Примером первых являются Мейстер Экхарт и Якоб Бёме, вторых – Парацельс и Леонардо да Винчи.

Реабилитация анализа происходит лишь в Новое время. Особый вклад в разработку аналитического метода внес Р. Декарт – создатель аналитической геометрии. Декарт также считает анализ основным методом в своих «Размышлениях». Среди четырех правил научного мето-

да⁸⁸, которые выдвигает Декарт, первые два считаются аналитическими (вторые два – синтетическими):

1. Никогда не принимать за истинное ничего, в чем с очевидностью не уверен; иными словами, старательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не может дать повод к сомнению.

2. Делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить.

В «Правилах для руководства ума» ряд правил также можно, по праву, считать составными частями анализа. В частности, №6⁸⁹, №8⁹⁰, №9⁹¹, №13⁹², №17⁹³.

Дж. Локк в своем «Опыте» также использует анализ, хотя и не употребляет сам этот термин⁹⁴. В частности, он говорит о необходимости разделять сложные идеи на простые, чтобы показать, как комплексные идеи возникают из простых. Лингвистическая концепция Локка стала отправным пунктом для развития аналитической философии языка. Именно с критики локковской теории языка начал Г. Фреге. Поэтому здесь выделим кратко ее основные положения:

⁸⁸ В «Основных правилах метода» он называет только четыре. В «Правилах для руководства ума» их всего 21.

⁸⁹ «Для того чтобы отделять самые простые вещи от запутанных и исследовать их по порядку, необходимо в каждом ряде вещей, в котором мы прямо вывели некоторые истины из других, усматривать, что в нем является наиболее простым и насколько удалено от этого все остальное - более, или менее, или одинаково». Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/descartes/rukov.html>

⁹⁰ «Если в ряде вещей, подлежащих изучению, встретится какая-либо вещь, которую наш разум не в состоянии достаточно хорошо рассмотреть, тут необходимо остановиться и не изучать другие вещи, следующие за ней, а воздержаться от ненужного труда». Там же.

⁹¹ «Следует целиком обратить взор ума на самые незначительные и наиболее легкие вещи и дольше задерживаться на них, пока мы не приучимся отчетливо и ясно усматривать истину». Там же.

⁹² «Если мы вполне понимаем вопрос, его надо освободить от любого излишнего представления, свести к простейшему вопросу и посредством эnumерации разделить на возможно меньшие части». Там же.

⁹³ «Нужно прямо обозреть предложенное затруднение, отвлекаясь от того, что какие-то его термины являются известными, а какие-то - неизвестными, и усматривая благодаря правильным рассуждениям взаимную зависимость каждого из них от других». Там же.

⁹⁴ Локк чаще использует термины «separate» (разделять), «resolve» (разрешать) в значении «анализ».

1. Язык рассматривается с точки зрения функции, которую он выполняет.
2. Основная функция языка заключается в коммуникации.
3. Слова непосредственно обозначают не реальность, а мысли (идеи, в терминологии Локка).
4. Произвольная (конвенциональная) связь между языком и мышлением.

Пункт №3 формулирует теорию значения, согласно которой, слова обозначают не реальность, а наши идеи. Т.о., слова есть знаки идей, а идеи есть знаки чувственных впечатлений. Чувственные ощущения воспринимаются непосредственно и соответствуют реальности. Это соответствие основано на том, что хотя вторичные качества субъективны, первичные качества реально существуют в телах. Здесь Локк формулирует положение о том, что язык может быть редуцирован к данным опыта. Также Локк в явном виде формулирует корреспондентскую теорию истины, которая лежит в основе понимания языка. В тоже время в пункте №4 говорится о произвольности языка: т.е. структура языка может не соответствовать структуре реальности. Здесь Локк намечает идею, которую впоследствии развили поздний Витгенштейн и другие лингвистические философы.

Компендиум основных положений гносеологии Д. Локка, сделанный Г. Визи.⁹⁵

Here are seven ingredients in Locke's version of what Manser calls "sense-datum empiricism". The recipe may be represented in a diagram of Locke's version of the "sense-datum" idea of language:

<i>1. Impression theory of perception: perception is (i) passive reception of (ii) separate (iii) particulars</i>
<i>2. Thought-transference theory of communication</i>
<i>3. "Awareness of objects of understanding" theory of thinking</i>
<i>4. Theory that words have meaning by being signs of ideas</i>
<i>5. Identification, as "ideas", of "objects of understanding" in thinking with separate particulars passively received in perception</i>
<i>6. Doctrine of "abstraction": the mind can consider the particular</i>

⁹⁵ Оригинал и перевод цит. по: Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии в 4-х ч. Очерк I. Основная синтагма: наложение принципов систематизации философского знания. /Э.А. Тайсина. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. С. 37.

ideas received in perception in separation from one another

7. Pattern-agreement-noting capacity of mind

Перевод. В принадлежащей Локку версии того, что Мэнсер именует «эмпиризмом, основанным на чувственных данных», имеется семь составных частей. Свод этой версии <рецепт> может быть представлен в диаграмме локковской версии языка (букв: идеи языка, основанной на «чувственных данных»):

1. Теория восприятия как впечатления: восприятие есть (i) пассивное принятие (ii) отдельных (iii) элементов (частиц)

2. Теория коммуникации как передачи мыслей

3. Теория мышления как «осознания существования объектов понимания»

4. Теория слова, имеющего смысл в качестве знака идей

5. Идентификация «объектов понимания» в качестве «идей» в процессе мышления, наряду с признанием отдельных элементов (частиц), пассивно обретаемых в процессе восприятия

6. Доктрина «абстрагирования»: ум в состоянии рассматривать отдельные идеи, обретенные в процессе восприятия, в изолированности друг от друга

7. Способность ума к уподоблению (букв.: нотации согласно паттерну, копированию)

Г. Лейбниц дал новое обоснование анализа. В «Заметках об анализе»⁹⁶ он выделяет два вида Искусства открытия (*ars inveniendi*): комбинаторику и анализ. Комбинаторика заключается в искусстве поиска проблем, а анализ – в искусстве поиска решений для проблем. Анализ заключается в скрупулезном разделении целого на части, а комбинаторика (синтез) в присоединении чего-то внешнего к объекту с целью его объяснения. Он даже выделяет два соответствующих типа ума: Галилей, по его мнению, представляет больше комбинаторный тип, а Декарт – аналитический. Он также выделяет в особый вид лингвистический анализ, где мы исследуем не мысли, а знаки. В последнем суть анализа заключается в поиске для одних знаков эквивалентных им по значению (или функционально) других знаков и замене одних выражений другими. Эту мысль стоит подчеркнуть особо, так как Лейбниц полагал, что в

⁹⁶ Электронный ресурс:

<http://www.philosophy.leeds.ac.uk/GMR/hmp/texts/modern/leibniz/analysis/analysis.html>

необходимых суждениях предикат может быть поставлен вместо субъекта, таким образом, выделяя группу аналитических суждений, где субъект суждения в скрытом виде содержит в себе предикат. Пример такого анализа является доказательство утверждения $4=2+2$ »⁹⁷:

- 1) $4=2+2$;
- 2) $3+1=2+2$ (по определению, $4=3+1$);
- 3) $(2+1)+1=2+2$ (по определению, $3=2+1$);
- 4) $2+(1+1)=2+2$ (по ассоциативности);
- 5) $2+2=2+2$ (по определению, $2=1+1$).

В последнем утверждении мы приходим к тождественному высказыванию, что и является целью анализа.

И. Кант оказал огромное влияние на аналитическую философию, а также стал одним из основных объектов критики в АФ (особенно в логике Г. Фреге). И. Кант использует понятие анализа, чтобы отличить аналитические суждения от синтетических. По Канту, аналитические суждения это суждения, отрицать которые противоречиво с точки зрения логики. Аналитические суждения являются лишь поясняющими. Только синтетические суждения расширяют наше знание о реальности. К последним относятся суждения, в которых субъект скрыто не содержит в себе предикат. Поскольку он был убежден, что математика расширяет наше познание, то математические высказывания он считал синтетическими. Так, никакой анализ не поможет нам вывести из понятия треугольник то, что сумма его углов равна двум прямым. Для этого геометру надо (мысленно) сконструировать понятие «треугольник» и провести соответствующие линии. Интересно, что весь этот процесс Кант называет синтезом. Хотя, как мы отмечали выше, греки называли это анализом. Отсюда ясно, почему Кант считал анализ практически бесполезным занятием. Тем не менее, благодаря Канту, дихотомия аналитических и синтетических суждений установилось на длительное время как незыблемая истина. Его наследовала аналитическая философия в лице логических позитивистов, и оно просуществовало до тех пор, пока Куайн в своих знаменитых «Двух догмах эмпиризма» не подверг сомнению это деление.

⁹⁷ Лейбниц Г. «Новые опыты», Книга IV, глава vii, параграф 10.

«Аналитика», по Канту, является одним из разделов логики⁹⁸. В общей логике аналитика «разлагает всю формальную деятельность рассудка и разума на элементы и показывает их как принципы всякой логической оценки нашего знания»⁹⁹. Данная процедура, по Канту, является негативным критерием истины, так как оценивает лишь формально-логическую правильность рассуждения. Но в философии нас больше интересует трансцендентальная (т.е. собственно философская) логика, составной частью которой является трансцендентальная аналитика. Кант определяет ее следующим образом:

«В трансцендентальной логике мы обособляем рассудок (как в трансцендентальной эстетике – чувственность) и выделяем из области наших знаний только ту часть мышления, которая имеет свой источник только в рассудке. Однако условием применения этого чистого знания служит то, что предметы нам даны в созерцании, к которому это знание может быть приложено. В самом деле, без созерцания всякое наше знание лишено объектов и остается в таком случае совершенно пустым. Поэтому часть трансцендентальной логики, излагающая начало чистого рассудочного знания, и принципы, без которых нельзя мыслить ни один предмет, есть трансцендентальная аналитика и вместе с тем логика истины. В самом деле, никакое знание не может противоречить ей, не утрачивая вместе с тем всякого содержания, т.е. всякого отношения к какому бы то ни было объекту, стало быть, всякой истины»¹⁰⁰.

В этом определении можно выделить несколько важных мыслей. Во-первых, объектом философской аналитики являются априорные понятия и суждения (которые имеют свой источник только в рассудке). Во-вторых, предметной областью аналитики является применение априорных понятий и суждений к области данного в опыте (к данному в созерцании). В-третьих, аналитика выявляет условия применения априорных понятий и суждений к данному в опыте (и в этом случае исследует критерии истины). При этом суждения, которые являются предметом трансцендентальной аналитики, являются синтетическими (хотя и априорными). Т.о., предметом анализа у Канта выступает имен-

⁹⁸ Кант чаще пользуется термином «аналитика», чем термином «анализ», чтобы отличить ее от обычного анализа, который применяется в логике в смысле разложения понятий и суждений.

⁹⁹ Кант И. Критика чистого разума. Часть вторая трансцендентального учения о началах. Трансцендентальная логика. §§3-4 Электронный ресурс: <http://psylib.org.ua/books/kanti02/txt05.htm#3>

¹⁰⁰ Там же.

но синтетическая деятельность рассудка, т.е. продуцирующая, по Канту, новое знание. Эта деятельность основана, по Канту, на работе способности воображения, благодаря которой у нас есть возможность осуществлять чистый синтез представлений.

Итогом Кантовского исследования, как известно, стало ниспровержение традиционной метафизики, обоснование невозможности априорным путем вывести какую-либо истину о мире («вещах-в-себе»), признание обоснованности применимости философского анализа лишь к «миру возможного опыта», т.е., фактически, к обоснованию научного знания. Не будем забывать, что основная часть «Критики чистого разума» посвящена обоснованию возможности априорных суждений математики и естествознания, которые Кант считал нужным защитить от юмовского скептицизма. Будучи ученым, убежденным в истинности ньютоновской физики, он не мог допустить, чтобы эта истина оставалась лишь предметом веры и привычки. Что касается метафизики, то она сохранила свои позиции, но лишь в области морально-этического дискурса (в сфере ноуменальной свободы).

Необходимо отметить, что хотя ранние аналитики выступили с критикой принципа синтетического априорного знания у Канта, поскольку Кант основывает этот принцип на априорном созерцании (*Anschauung*), они не считали аналитическое знание чисто тавтологичным (по крайней мере Фреге, а также Рассел до знакомства с Витгенштейном). Согласно Фреге, анализ в математике увеличивает наше знание о мире, в частности, о мире чисел. Идея о том, что математика, а значит аналитическое знание в целом, имеет дело с тавтологиями, принадлежит Витгенштейну. Т.о. жесткая дихотомия аналитического и синтетического, утвердившаяся в АФ после Витгенштейна и до Куайна, была не свойственна Фреге и раннему Расселу.

Диалектическое единство синтеза и анализа является главным методом познания и в философии Гегеля. Степень влияния Гегеля на аналитическую философию можно обозначить только в отрицательном смысле, т.е. АФ зародилась в полемике с основными идеями Гегеля (через посредство британских гегельянцев Ф. Брэдли, Б. Бозанкета и др.). Например, философию Б. Рассела можно определить как антигегельянство в философии. Хотя в чем-то гегелевская критика британских эмпиристов была воспринята аналитиками позитивно. Б. Рассел говорил, что есть два типа философов: первые считают, что мир – это банка желе (*bowl of jelly*), а вторые – что мир это ведро с дробью (*bucket of*

shot). Согласно Расселу, Гегель является представителем первой категории *par excellence*. Так же, как желе нельзя разрезать на части, так и мир является единым целым, связанным во всех его частях с этим целым. Гегелевская критика анализа выражается в полемике с британским эмпиризмом и Кантом. Воздавая должное эмпиризму в том, что он призывает нас перестать вращаться в пустых абстракциях, Гегель отмечает существенные недостатки аналитического метода:

«В опыте эмпиризм пользуется преимущественно формой анализа. В восприятии мы имеем многообразное конкретное, определения которого мы должны разобрать подобно тому, как снимают слои с луковицы. Это расчленение имеет, следовательно, тот смысл, что мы разъединяем сросшиеся определения, разлагаем их и ничего к ним не прибавляем, кроме субъективной деятельности разложения. Анализ есть, однако, переход от непосредственности восприятия к мысли, поскольку определения, объединенные в анализируемом предмете, получают форму всеобщности благодаря тому, что их отделяют друг от друга. Эмпиризм находится в заблуждении, полагая, что, анализируя предметы, он оставляет их такими, каковы они есть, тогда как, на самом деле, он превращает конкретное в нечто абстрактное. Благодаря этому получается, что живое умерщвляется, ибо живо лишь конкретное, единое. И однако, это разделение должно совершиться для того, чтобы мы достигли познания, и сам дух есть разделение в себе. Это, однако, лишь одна сторона, а главным является объединение разделенного. Так как анализ не идет дальше ступени разделения, то к нему применимы слова поэта:

Что в химии зовется, как на грех, Encheiresin naturae — просто смех. Знакомы части ей, известен ли предмет? Безделки в нем, духовной связи, нет.

Анализ исходит из конкретного, и обладание этим материалом дает ему большое преимущество перед абстрактным мышлением прежней метафизики. Анализ устанавливает различия, и это очень важно; но эти различия сами, в свою очередь, представляют собой лишь абстрактные определения, т. е. мысли. Так как эти мысли признаются тем, что предметы суть в себе, то перед нами снова предпосылка прежней метафизики, утверждающая, что истинное вещей лежит именно в мышлении»¹⁰¹.

¹⁰¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 2-х т. Т. 1. М., 1974, с. 149-150

Гегелевскую критику анализа можно свести к нескольким моментам:

1. Традиционное понятие анализа основано на том, что предмет берется как уже готовый, данный продукт и затем разделяется на части, подобно луковице. Против этого, Гегель обосновывает идею о том, что предметы познаются в становлении, движении.

2. Анализ ошибочно понимается как процедура, в ходе которой предмет остается неизменным. По Гегелю, в ходе анализа осуществляется превращение чего-то конкретного в абстрактное.

3. В ходе анализа разрушается внутренняя связь («дух») вещи, поэтому анализ должен быть дополнен синтезом – объединением разрозненных частей в целое.

4. Анализ, по сути, остается в рамках «прежней» метафизики, поскольку устанавливает различие. Определения, полученные в результате этого различия, являются абстрактными (т.е. односторонними). В противовес этому Гегель предлагает спекулятивную диалектику, где все различия снимаются в диалектическом тождестве, которое является конкретным единством абстрактно различных сторон явления.

Все эти критические замечания основываются на онтологической позиции, согласно которой мир есть, прежде всего, единство, целое. Познание этого целого путем разрезания на части, подобно анатомированию лягушки, достигает лишь того, что предмет умерщвляется, а на месте единства остаются обломки. Истина есть сама реальность в целом, поэтому ни одно понятие не может быть отделено от другого понятия. Все различия и отношения – внутренние. С этой точки зрения, анализ сам по себе бесполезен и становится, в крайнем случае, вспомогательной процедурой на пути обретения синтетического единства познания. Эти идеи были восприняты британскими философами XIX в. Т. Грином, Ф.Г. Брэдли, и Б. Бозанкетом и на время стали доминирующими в Оксфорде в конце XIX – первом десятилетии XX вв.

Таким образом, перед зарождающейся АФ стояла непростая задача – после Канта и Гегеля реабилитировать анализ как основной метод в философии. И на основе этого метода попытаться решить ряд традиционных философских проблем. Решением этой задачи непосредственно занялись основоположники АФ – Г. Фреге, и Б. Рассел, и присоединившийся к ним Л. Витгенштейн. Здесь необходимо добавить, что в поздний период (после Витгенштейна и Куайна), теории холизма в онтологии и когерентная теория истины в эпистемологии вновь вошли в

пространство АФ, правда без теологических и мистических элементов, присущих гегельянству.

2.2. Анализ и логицизм в учении Г. Фреге.

Как отмечают исследователи, существуют возражения против того, чтобы считать Фреге (1848-1925) основоположником аналитической философии¹⁰². Он не разделял многих установок, которые обычно ассоциируются с аналитической философией: позитивизм, эмпиризм, номинализм, отрицание метафизической проблематики. Тем не менее, большинство историков аналитической философии согласны, что Фреге в значительной степени повлиял на АФ¹⁰³. М. Даммит даже называет всю аналитическую философию пост-фрегевской. Б. Рассел и Л. Витгенштейн считали его своим учителем. В чем же заключалось его влияние? Поскольку Фреге считается основателем влиятельной школы в философии математики под названием логицизм, то рассуждение об Фреге правильно было бы начать именно с этого его учения.

Как полагает А. Коффа, логицизм, или концептуализм, определяется путем указания на противника, цель и стратегию¹⁰⁴. Противником является Кант. Целью является элиминация чистого созерцания из научного познания. Стратегией является создание семантики как самостоятельной дисциплины.

Критика кантовского понимания анализа. В основе кантовской теории значения лежит понятие представления. Познание нам дается в двух формах: созерцания и понятия. Единичные объекты схватываются только в созерцании, но недоступны для понятий («понятия без чувств пусты»). Созерцания и понятия могут быть темными и отчетливыми. Для того, чтобы сделать наши представления более четкими, необходим анализ. В «Логике» Кант приводит следующий пример. Когда мы видим издали дом, то мы не различаем окна, двери, и т.д. И хотя дом

¹⁰² Макеева Л.Б. Язык, онтология, реализм. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2010. С. 19.

¹⁰³ О значимости философского наследия Г. Фреге говорит тот факт, что в 2012 г. влиятельный журнал «Journal of Philosophy» посвятил ему специальный выпуск под общим названием «Фреге и современная философия».

¹⁰⁴ Alberto Coffa J. Kant, Bolzano and the emergence of logicism. The Journal of Philosophy, Vol. 79, No. 11, Seventy-Ninth Annual Meeting of the American Philosophical Association, Eastern Division (Nov., 1982), pp. 679-689 Published by: Journal of Philosophy, Inc. Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/2026544>.

действительно состоит из частей, мы их не различаем, поэтому наше представление дома является нечетким. То же и с понятиями. Если мы не различаем, из каких признаков состоят, к примеру, понятия «прекрасное», «добродетель», то мы его сознаем неотчетливо¹⁰⁵. Таким образом, Кант разделяет чувственную отчетливость и интеллектуальную отчетливость. Интеллектуальная отчетливость покоится на расчленении понятия в отношении содержащегося в нем многообразия.

Понятия в суждении могут быть связаны аналитически и синтетически. В аналитических суждениях из одного понятия извлекается другое понятие, которое уже мыслилось в нем. Отношения между этими понятиями могут быть объяснены на основе закона тождества и непротиворечия. Синтетические суждения образованы по другому принципу. В синтетических суждениях мы должны выйти за пределы понятия, чтобы рассмотреть совершенно другое, нежели то, что уже мыслилось в нем. Если необходимо выйти за пределы данного понятия, чтобы сравнить его с другим понятием, необходимо нечто третье, в чем может возникнуть синтез двух понятий. Основанием для апостериорных синтетических суждений служит эмпирическое созерцание, для априорных – чистое созерцание (интуиция), соответственно. Этот принцип Кант называет высшим основоположением всех синтетических суждений. Для Канта этот принцип – краеугольный камень всей теории познания. На основании этого принципа Кант выводит возможность синтетических априорных суждений, поскольку они как синтетические, во-первых, укоренены в созерцании, а во-вторых, как априорные, основаны исключительно на чистом созерцании, в отличие от эмпирических суждений.

Против этого принципа выступил Б. Больцано, и позже Г. Фреге. В частности, Больцано и Фреге подвергают критике положение, что из одних понятий возможно только аналитическое знание. Больцано критиковал положение о том, что аналитические предложения представляют собой пустые тавтологии. Он утверждает, что ни в одной науке нет предложений, которые были бы только аналитическими. Представление о полном отделении формы от содержания в познании является ошибочным. Причиной этого является то, что Кант ошибочно отождествил суждения, которые: 1) являются истинными только на основании понятий и 2) являются истинными на основании определения, а также суж-

¹⁰⁵ Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. М.: ЧОРО, 1994 с. 291.

дения, которые 3) в которых понятие-предикат не содержится в понятии субъекта и 4) суждения, которые расширяют наше познание. Так, схемы Канта Больцано считает не более, чем генетическими определениями. Схема круга является методом построения круга, ибо, согласно этой схеме, круг определяется как линия, которую описывает точка в своем движении. Представление метода или определения нельзя назвать схемой¹⁰⁶.

Первым полем битвы с Кантом стала философия математики. В частности, Фреге выступил против положения Канта о том, что утверждения арифметики являются синтетическими, т.е. предполагают интуицию. Утверждение Канта и Фишера, будто числа возникают в процессе счета – прибавления единицы к единице, Фреге называет «агрегативным, механическим мышлением». *«Подсчитывать можно все – не только то, что в пространстве расположено одно за другим, не только то, что следует одно за другим во времени, не только то, что находится вне нас, но и то, что в нас: психические процессы, явления и понятия, которые не соотносятся друг с другом во времени и в пространстве, а лишь логически связаны между собой. <...> Таким образом, область того, что поддается счету, – такова же, что и область понятийного мышления, и познавательный источник (ограниченный, например, пространственно-наглядными представлениями, чувственным восприятием) недостаточен для того, чтобы обеспечить общезначимость арифметических положений»*¹⁰⁷. Фреге, в противоположность Канту, утверждает, что суждения арифметики чисто аналитичны, т.е. осуществляются из одних понятий, без привлечения созерцания. Он резко выступил против психологического направления в логике и математике.

Логицизм в учении Г. Фреге. Фреге стал одним из основоположников математической логики, введя в неё исчисления для обоснования вывода одних логических формул из других. Он также расширил понятие закона логики. Поскольку все формулы логики выводимы из более простых формул, то любая истинная формула есть закон логики. Следовательно, существует бесконечное множество законов логики. Его основным проектом стало сведение арифметики к логике. Сведение математики к логике в философии математики получило название «логи-

¹⁰⁶ Колядко В. И. *Бернард Больцано*. М.: 1982. С. 88

¹⁰⁷ Цит. по Фреге Г. *Логика и логическая семантика: Сборник трудов*. – М.: Аспект Пресс, 2000, с. 23.

цизм». Однако, как отмечает Альберто Коффа, следует различать два значения этого термина. В первом значении логицизм означает, что каждая математическая теорема может быть переформулирована в понятиях логики и доказана из чисто логических предпосылок и правил вывода. Как известно, этот проект был задуман для арифметики, и его пытались осуществить Фреге и Рассел. Принято считать, что этот проект закончился провалом. Но есть совершенно другое значение логицизма, которое применяется ко всей математике, а не только к арифметике. В этом втором смысле логицизм означает, что логики достаточно для того, чтобы сформулировать и доказать все пропозиции чистой математики. Это логицизм Рассел называет условным. Патнэм назвал его «еслиитозм». Суть его в следующем. Математик имеет дело, прежде всего, с выводом. Это вывод осуществляется по схеме «если, то», т.е. носит характер условного суждения, или импликации. С этой точки зрения, любую математическую теорию можно рассматривать в виде формулы $A \rightarrow T$, где A – это набор аксиом, а T – это теоремы, которые выводятся из данных аксиом. Причем набор аксиом может быть произвольным: например, для евклидовой геометрии один набор, для неевклидовой – другой. Фреге признавал, что внутри аксиоматической системы установить истинность аксиом невозможно. Логика не может дать ответа на вопрос об истинности аксиом¹⁰⁸. Математик не решает, какой набор аксиом истинный, но он устанавливает – чисто логическими средствами – какие положения выводятся из данных аксиом¹⁰⁹. Вопрос об истине T заменяется вопросом о возможности логического обоснования T . Согласился ли бы с этой теорией Кант? Дело в том, что для Канта роль созерцания заключается не просто в том, чтобы выбирать между разными наборами аксиом. Когда Кант демонстрирует доказа-

¹⁰⁸ В философии эта точка зрения стала основанием конвенционализма.

¹⁰⁹ Более того, с этой точки зрения, логицизм применим в любой дисциплине: физике, биологии, географии. По Расселу, любая аксиоматизируемая теория сводима к логике. Причем не важно, как эти аксиомы приобретаются – уже Фреге был очень хорошо осведомлен о неевклидовой геометрии. Логичизм Фреге имеет много общего с программой Гильберта по аксиоматизации геометрии. Фреге и Гильберта разделяло разногласие по поводу того, что нужно считать первичным для математической теории: непротиворечивость (Гильберт) или содержательный смысл (Фреге). Как отмечает Б.В. Бирюков, в определённый период до середины XX в. подход Гильберта получил более широкое признание. Однако во второй половине XX в. появлялось все больше сторонников того, что понятия интерпретации, истинности и существования (особенно существования как результата конструктивного построения) предшествуют понятию непротиворечивости. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000, с. 486.

тельство теоремы о треугольнике, созерцание для него не просто выбор определенной эвристики, но неотъемлемая часть всего процесса доказательства. Даже если отказаться от всех аксиом, то мы смогли бы сформулировать все теоремы Евклида, опираясь исключительно на чистую интуицию. Однако алгебраизация логики Буля и аксиоматизация арифметики Пеано убедила Рассела в том, что интуиция, на которую опирался Кант, является излишней, что Кант ошибался в том, что ход рассуждения в математике отличен от того, что происходит в логике. В частности, значительную часть своей «Principia Mathematica» он посвятил тому, чтобы изгнать из математики чувственность и интуиции пространства-времени.

Я. Хинтикка предложил свою интерпретацию синтетичности Канта, согласно которой Фреге и Рассел не только не подрывали основы кантовской философии математики, но скорее подтверждали их. Согласно этой интерпретации, Кант имел в виду то, что математическое знание синтетично, что в ходе математического рассуждения появляются новые математические объекты (конструктивистский характер математики). Первопорядковая логика Фреге и Рассела также синтетична, поскольку она устанавливает много соответствующих синтетических свойств. Поэтому и логика, и математика по сути синтетичны. Но на это можно возразить, что в таком случае непонятно, почему Кант не принял точку зрения, что с помощью логики можно делать любые математические выводы без посредства чувственности или воображения. По Хинтикке, следует различать у Канта два учения об интуиции. Первое изложено в трансцендентальной эстетике, и оно предполагает, что интуиция всегда связана с чувственностью. В трансцендентальной логике интуиция не связана с чувственностью. Именно во втором смысле интуиция применима к математике. Как полагает Хинтикка, трансцендентальная эстетика представляет собой пример самого дикого психологизма в математике, который только можно себе представить. Поэтому необходимо избавиться от концепции, изложенной в трансцендентальной эстетике. В любом случае, как отмечает Коффа, и для Канта и для Рассела логика была чисто понятийной дисциплиной. У них не было разногласий по поводу понятия логики, но явно были разногласия по поводу сферы применимости логического метода. Вопрос в том, может ли математика пониматься как процесс вывода, который основывается на понятиях, которые не являются «слепыми», но все же не связаны с чувственностью. Вопрос сводится к достаточности и полноте логики. И

если по поводу последнего у нас появились сомнения после К. Гёделя, то по поводу первого в современной философии математики доминирует все же Рассел¹¹⁰.

Во введении к «Основаниям арифметики» в числе главных принципов Фреге формулирует следующий: надлежит резко отделять психологическое от логического, субъективное от объективного. Психологический элемент логики, по Фреге, заключается в том, что суждения рассматриваются связь представлений. Эту теорию отстаивал Дж. Локк. В противовес Локку, Фреге утверждает, что в суждении высказываемое относится к самим вещам, а не к представлениям (или идеям, в терминологии Локка). Когда рассуждает математик, он рассуждает о самих числах, а не о понятии числа, или когда историк рассуждает о Карле Великом, он рассуждает о реальном человеке. «В предложении «эта травинка зеленая» я не высказываю ничего о моем представлении», полагает Фреге¹¹¹. Можно привести в пример также рассуждение Больцано: «понятие «все истины» состоит из двух частей, а его предмет из бесконечного множества»¹¹².

По Фреге, единичные понятия обозначают объекты, а общие понятия – функции. Объекты обладают свойством насыщенности, наполненности, а функции – ненасыщенностью, неполнотой. Например, понятие «человек» есть функция от x «быть человеком», где x – переменная которая «пробегает» по области всех предметов. Функции в логике, как в математике, имеют аргумент и значение. Если аргументом функции « x есть человек» является, например, Сократ, то функция получает значение «истина», если Буцефал, то «ложь». Понятия могут выражаться с помощью одноместных и многоместных предикатов, например « x раньше, чем y », « x посередине между y и z ». Таким образом, когда я говорю о том, что «Сократ человек», я говорю о функции « x есть человек» и то, что существует объект «Сократ», такой, что если его подставить на место x , то получится истинное высказывание.

О синтетическом характере логики. С пониманием понятия как функции у Фреге связан и другой аспект критики кантовского понимания аналитических суждений. Для Канта все аналитические суждения – определения. По Фреге, это вовсе не так. Он четко разводил термины

¹¹⁰ Alberto Coffa J. Russell and Kant. Reviewed work(s):Source: Synthese, Vol. 46, No. 2, Bertrand Russell's Early Philosophy, Part II (Feb., 1981), p.255-260.

¹¹¹ Там же с .31

¹¹² Колядко В. И. Бернад Больцано. М.: 1982. С. 56.

Definition – дефиниция, и Erklärung – разъяснение. По Фреге, дефиниция – это сокращенное обозначение. В логике есть процедура введения новых знаков по определению (выражается с помощью знака =Df). В таких определениях действительно нет никакого приращения информации. Но с помощью таких определений можно вводить только искусственно созданные понятия, например, понятия математики и логики: функция, аргумент, консеквент и т.п. С точки зрения Фреге, такие аксиомы, как «точка есть то, что не имеет размера», или «линия есть длина без ширины» – не являются определениями. Они являются прояснениями понятий «точка» и «линия» в евклидовой геометрии. Спросим, являются ли холостяки неженатыми мужчинами? Если мы договорились о значении термина «холостяк» (какой объект является референтом данного термина), то да. А до этого? Нет. То, что высказывание «все холостяки – неженатые мужчины» не является просто тавтологией, видно при сравнении с предложением: «все холостяки суть холостяки». Но то же самое касается следующих суждений: «физические объекты имеют цвета», «тела, на которые не воздействует никакая сила, движутся инерционно» и т.п. если мы договорились о значении термина «физическое тело», то для нас все эти суждения тоже являются аналитическими, хотя они, безусловно, расширяют наше знание о мире¹¹³. Ни холостяки, ни физические тела не являются специально созданными понятиями, они существуют в действительности. Высказывания о них есть высказывания не о понятиях, а о предметах. Но приведённые выше высказывания являются истинами в силу того, что мы вкладываем в значение понятия «холостяк», «физическое тело», т.е. аналитическими. По Больцано, в мысли связывается то, что уже заранее объективно связано в истине. «Предикат и субъект, которые нужно связать в суждении, заранее имеются в сознании, оба понятия рассудок имеет и знает. Только потому, что рассудок имеет понятия, он может о них судить. Из простых понятий мы образуем синтетическое суждение»¹¹⁴.

О синтетическом (в смысле, расширяющем наше познание) характере логики пишет Рассел. В частности, аксиомы логики являются синтетическими. Критикуя взгляды Пуанкаре на дедукцию, он пишет: «Пуанкаре не приводит оснований, почему дедуктивные выводы не приво-

¹¹³ Конвенциональный характер всех истин отстаивал еще Пуанкаре. Согласно Пуанкаре, все определения конвенциональны, в т.ч. все геометрические аксиомы, которые являются скрытыми определениями.

¹¹⁴ Колядко В. И. *Бернард Больцано*. М.: 1982. С. 89

дят к новому знанию. Общие принципы дедукции аналогичны тому, что он понимает под математической индукцией¹¹⁵». По поводу Ф. Брэдли он пишет: «Я не могу согласиться с тем, что все, что может быть выведено, в каком-то смысле уже содержится в посылках¹¹⁶». Рассмотрим пример. Мы знаем, что дважды два четыре. Мы также знаем, что Иван и Петр – двое людей, и что Павел и Андрей – двое людей. Отсюда мы выводим, что Иван, Петр, Павел и Андрей – четверо людей. Это новое знание, которое не содержится в посылках. Поэтому жесткое различие между аналитическим и синтетическим в традиционной логике, с точки зрения логицизма, неправильно.

2.3. Логика и семантика в учении Г. Фреге

Более важным является противопоставление логического и экстралогического (интуитивного). Фреге создал инструменты (аппарат математической логики), с помощью которых он смог выразить на чисто логическом языке то, что Кант вынужден был объяснять с помощью интуиции. С помощью логики Фреге смог определить понятия натурального числа, одно-однозначного соответствия и др. понятий, которые до него нельзя было определить чисто логически. Но для этого потребовалось расширить границы логического, и здесь Фреге сделал огромный шаг вперед в развитии логики¹¹⁷. Фреге отверг положение Канта о том, что логика является чисто формальной, и придал ей семантическое содержание. По Канту, в логике мы целиком отвлекаемся от содержания высказывания. Например, в высказывании «трава зеленая» мы отвлекаемся от того, что термин «трава» обозначает траву, а что «зеленое» обозначает свойство быть зеленым, и рассматриваем только то, как эти понятия соединены в суждении (в данном случае, это общеутвердительное ассерторическое суждение). С этой точки зрения, действительно, логика не может расширять наше познание о реальности. С точки зрения Фреге, логика может давать нам новое знание об определённых объектах, например, числах. Для этого ему понадобилось наделить зна-

¹¹⁵ Цит. по Alberto Coffa J. Russell and Kant. Reviewed work(s):Source: Synthese, Vol. 46, No. 2, Bertrand Russell's Early Philosophy, Part II (Feb., 1981), p.248 Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/20115587>

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Ср. утверждение Канта о том, что формальная логика была уже, по сути, сформирована Аристотелем и к ней ничего нельзя добавить.

чением (семантикой) чисто логические понятия. Например, кванторы, которые Кант и традиционная логика считали просто указанием на тип суждения, Фреге считал функциями от понятий к истинностным значениям. Логика, по Фреге, связана с онтологией, т.е. с указанием на реальность, она говорит о том, что существует. Например, логика формулирует утверждения с квантором существования. Так, высказывание традиционной логики «Некоторые люди писатели» во фрегевской логике переформулируется в высказывание «Существует по крайней мере один объект такой, что он человек и он писатель». Дж. Макфарлейн указывает на различие в понимании универсальности и общезначимости логики Кантом и Фреге¹¹⁸. Для Канта всеобщность логики заключается в абстрагировании от содержания суждения, а для Фреге в неограниченной квантификации любых объектов и понятий. Поэтому, по Канту, законы логики ничего не говорят о реальности, а по Фреге, в логических суждениях идет речь о реальности: отношении тождества, соподчинения, отрицания и др.¹¹⁹, которые присущи высказываниям конкретных наук, но анализируются только в логике.

Фреге отвергает взгляд, согласно которому для логики любое понятие есть такое же, как и любое другое понятие и любой объект – такой же, как любой другой объект, важна лишь форма их связи в суждении. Иначе само сведение арифметики к логике было бы невысказуемо, так как числа – это объекты, а традиционную формальную логику не интересовали объекты. В этом смысле понятие всеобщности логики по Фреге включает кантовское понятие, но расширяет его: логика предписывает нормативы мышления, и одновременно описывает реальность. Любая истинная формула логики 1) описывает определенное положение дел; 2) предписывает определенный способ рассуждения. Например, $\sim(p \wedge \sim p)$ описывает, что не бывает так, чтобы высказывание принимало одновременно и значение истина и значение ложь, и одновременно предписывает определенный способ рассуждения, хотя в этой формуле ничто не читается как «должно», «необходимо», «следует». Поскольку законы логики таковы, а не иные, необходимо рассуждать так, а не иначе. То же самое относится и к законам физики. Они описывают, что в

¹¹⁸ John MacFarlane Frege, Kant, and the Logic in Logicism// The Philosophical Review, Vol. 111, No. 1 (Jan., 2002), pp. 25-65 Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/3182569>

¹¹⁹ Фреге рассматривает их как знаки реальных отношений между понятиями и объектами.

мире дела обстоят так-то и так-то и предписывают или запрещают те или иные события, соответственно и высказывания, которые противоречат этим законам. Поэтому, по Фреге, законы логики нельзя отличать от законов физики на основании того, что первые описательные, а вторые предписывающие. И те, и другие являются описательными по форме и предписывающими по следствиям, вытекающим из них. Они отличаются только сферой приложения: законы физики задают нормы мышления о физическом мире, а законы логики задают нормы мышления как таковые. МакФарлейн обращает внимание на то, что чисто формальное понимание логики Кантом не было традиционным пониманием логики в то время. Идея о том, что логика полностью абстрагирует форму от содержания это, во многом, новация самого Канта. В полемике с догматической метафизикой Лейбница он отверг идею о том, что путем логического анализа понятий можно прийти к какому-нибудь знанию о существенных свойствах реальности. По Лейбницу, логика должна отвлечься от всего частного содержания, но не от всякого содержания вообще. В частности, логика не абстрагируется от понятий действительность, возможность, отношение, тождество, род, вид. Аристотелевская «Метафизика» в значительной степени посвящена логике, и раздел «Метафизика» Баумгартена также начинается с изложения законов непротиворечия и исключенного третьего. Последние рассматриваются не как принципы мышления, а как утверждения о мире: «ничто не может одновременно существовать и не существовать»¹²⁰.

Объяснение фрегевской семантики нужно начать не с его разделения смысла и значения, а с определения понятия как функции. Иначе вся его теория значения останется непонятой. Особенно для лингвистов, для которых непривычно слышать, что значение выражения есть некий объект¹²¹. В статье «Функция и понятие» Фреге еще раз излагает свое основополагающее учение о том, что понятия можно трактовать как математические функции. В этой статье Фреге выражает недовольство традиционным определением понятия функции, а именно, что под функцией от x понимается аналитическое выражение, которое содержит

¹²⁰ Ср. у Лейбница: «всё существующее имеет достаточное основание для своего существования».

¹²¹ В русском языке значение слова и есть его смысл, закрепленный в словарной статье. Логика устранили эту путаницу, введя термины интенционал и экстенционал. Однако за пределами логики неправомерно отождествлять смысл с интенционалом и значение с экстенционалом.

x , – формула, включающая букву x . В этом определении, по Фреге, нет никакого намека на содержание: «выражение само по себе, как форма для некоторого содержания, не отвечает существу дела, – таковым может быть только само содержание»¹²². Содержание значения выражений «18» и «3·6» то же самое. Это можно показать с помощью равенства «3·6=18». Эти выражения хоть и равны, но не одинаковы. Фреге решительно выступает против тенденции принимать за числа знаки самих чисел: «ни о каких арифметических свойствах чисел нельзя говорить, не обращаясь к значению числовых знаков»¹²³. Стало быть, утверждает Фреге, мы должны отличать значения числовых знаков от них самих, мы обязаны признать одно и то же за выражениями «2», «1+1», «3-1», «6:3». Но разница все же есть. И эта разница проявляется, если функцию записать с неопределенным указателем « x ». Например:

$$\langle 2 \cdot x^3 + x \rangle$$

Мы называем x аргументом функции и узнаем в выражениях:

$$\langle 2 \cdot 1^3 + 1 \rangle$$

$$\langle 2 \cdot 4^3 + 4 \rangle$$

$$\langle 2 \cdot 5^3 + 5 \rangle$$

одну и ту же функцию, только с различными аргументами: 1, 4, 5. Мы видим, что только вместе с аргументом функция образует завершённое целое. Функция сама по себе является незавершённой, нуждающейся в восполнении, ненасыщенной. Две части – знак аргумента и выражение функции – неоднородны, поскольку аргумент есть какое-то число, завершённое в себе целое, каким функция не является. Завершённая функция, восполненная своим аргументом, получает значение. Рассмотрим функцию $x^2=1$. Если мы подставим на место x одно за другим числа -1, 0, 1, 2, то получим:

$$(-1)^2=1,$$

$$0^2=1,$$

$$1^2=1,$$

$$2^2=1.$$

Из этих равенств первое и третье истинны, остальные ложны. Фреге полагает, что значение нашей функции есть некоторое значение истинности и отличает истинностное значение «истинность» и истинностное значение «ложность», которые он кратко называет истина и

¹²² Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000, с. 216.

¹²³ Там же.

ложь: «понятие есть функция, значение которой всегда какое-то истинностное значение»¹²⁴. В соответствии с этим, $2 \cdot 2 = 4$ означает «истину», а $2 \cdot 2 = 1$ означает «ложь». Тем самым $2 \cdot 2 = 4$, $2 > 1$, $3 < 5$ означают одно и то же, так что записав $(2 \cdot 2 = 4) = (2 > 1) = (3 < 5)$, мы получаем верное равенство. Отсюда напрашивается возражение, что равенство – одинаковость – значений не влечет равенство мысли. Фреге с этим согласен. Когда мы говорим «Вечерняя звезда есть планета, период обращения которой меньше периода обращения Земли» мы выражаем мысль, отличную от мысли «Утренняя звезда есть планета, период обращения которой меньше периода обращения Земли»; ибо, как отмечает Фреге, тот, кто не знает, что Утренняя звезда есть Вечерняя звезда, может счесть одно предложение истинным, а другое – ложным. Но значение обоих предложений (истинностное значение) должно быть одним и тем же, так как термины «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» взаимозаменяемы. Если проанализировать эти высказывания в терминах функций, то получим функцию « x есть планета, период обращения которой...», которая для аргумента «Утренняя звезда» и для аргумента «Вечерняя звезда» означает истину.

Функция выражает некое равенство. Языковой формой равенства является утвердительно-повествовательное предложение. Каждое такое предложение может рассматриваться как состоящее из двух частей. Фреге отказывается от традиционного субъектно-предикатного анализа высказываний. В высказывании «Цезарь завоевал Галлию» он выделяет две составляющих: собственное имя – Цезарь, которое является аргументом для функции « x завоевал Галлию». Здесь с помощью функции обозначается предикатное выражение. Для одного аргумента данная функция будет давать значение «истина», для другого «ложь». Объемом понятия «завоеватель Галлии» будет класс предметов, относительно которого функция « x завоевал Галлию» будет давать значение «истина». Поскольку имя «Цезарь», помещенное на место аргумента в функции, будет давать значение «истина», постольку обозначаемый этим именем объект – сам Цезарь – входит в объем понятия «завоеватель Галлии». Фреге идет дальше и допускает обозначение предметов в качестве функциональных выражений. Например, «столица Германской империи» выражает функцию «столица x ». Взяв в качестве аргумента Германскую империю, получаем Берлин.

¹²⁴ Там же с. 222.

Важно отметить, что Фреге отделяет выражение, которое обладает значением истинности, от акта суждения, что данное выражение является истинным. Так, он полагает, что «в записях « $5 > 4$ » или « $1 + 3 = 5$ » мы имеем дело с выражениями, обозначающими истинностные значения, и эти выражения не предполагают, будто нечто утверждается. «В противном случае, – добавляет Фреге, – нельзя выразить одно лишь допущение, одно лишь полагание подпадания под понятие, не высказывая тут же суждения о его осуществлении»¹²⁵. Поэтому чтобы что-то утверждать, мы нуждаемся в особом знаке. Фреге использует знак \vdash , например,

$$\vdash 2+3=5,$$

мы утверждаем, что $2+3$ равно 5 ¹²⁶.

Более подробно различие понятия смысла и значения выражений Фреге разъясняет в статье «О смысле и значении». Фреге разделяет следующие виды выражений: имена собственные, понятийные выражения и целые высказывания. Для каждого типа выражений смысл и значение устанавливается отдельно. Самым простым случаем являются имена собственные, такие как «Платон», «Аристотель», «Земля» и т.п. Фреге определяет собственное имя как всякий знак, указывающий на предмет.

Понятие «смысл» Фреге четко не определяет. Но из примеров видно, что Фреге понимает под смыслом не мысленный образ или представление, которое связывается с понятием, а объективные свойства вещей. Например, выражения «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» имеют разный смысл потому, что выражают разные свойства планеты Венера, а именно, свойство появляться на небе вечером и свойство появляться на небе утром. Свойства есть нечто объективное, и они даже могут быть доступны для восприятия, хотя не всякое свойство доступно для восприятия. Этим обеспечивается связь смысла и значения. Например, если взять выражение «круглый квадрат», то оно не будет иметь

¹²⁵ Там же. С. 224.

¹²⁶ Вопрос о том, придерживался ли Фреге избыточной теории истины, не имеет однозначного ответа. Ср.: «С каждым свойством вещи связано некое свойство мысли, а именно свойство быть истиной. Примечательно также, что предложение «Я вдыхаю аромат фиалки» имеет, по-видимому, то же содержание, что и предложение «Я вдыхаю аромат фиалки». Таким образом, к мысли ничего не добавляется, когда я приписываю ей свойство быть истиной. И все же! Небольшой это успех, когда после долгих колебаний и кропотливых изысканий исследователь в конце концов может сказать: «верно, что я и предполагал». Там же. С. 328.

значения потому, что в реальности свойства быть квадратным и круглым не встречаются одновременно у одного предмета. Предложения с мнимыми именами Фреге считает лишенными значения: «Предложение “У Сциллы шесть голов” не истинно; но не истинно и предложение “Сциллы не шесть голов”; ибо для этого было бы нужно, чтобы имя “Сцилла” что-то обозначало»¹²⁷. Что является смыслом и значением термина «Аристотель»? В качестве смысла термина «Аристотель» можно принять «ученик Платона» или иной, например, «учитель Александра Великого». Но, задавая любым из указанных способов смысл термина «Аристотель», мы можем быть уверены, что указываем именно на самого Аристотеля – великого древнегреческого философа, а не на его тезку из платоновского диалога «Парменид». Знак, напротив, является совершенно произвольным и не имеет объективной связи со смыслом и значением.

Значением собственного имени, по Фреге, является предмет, обозначенный этим именем. В данном случае, значение имени «Аристотель» – сам Аристотель. В примечании Фреге признает допустимость колебания в смыслах, но до тех пор, пока значение остается тем же самым. Т.е. мы можем связывать разный смысл с термином «Аристотель», но до тех пор, пока мы говорим об одном и том же человеке, это несущественно. Любое грамматически правильное выражение языка имеет смысл, но не всякое выражение имеет значение (*Bedeutung*). Например, выражение «самое удаленное от Земли небесное тело» имеет смысл, но вряд ли имеет значение, признает Фреге. От смысла и значения следует отличать представление. По Фреге, смыслы и значения объективны, тогда как представления субъективны. Художник, кавалерист, зоолог свяжут с именем «Буцефал» очень разные представления. Любое имя выражает некий смысл и означает свое значение¹²⁸. Фреге настаивает на том, что когда мы пользуемся языком, мы не говорим о наших представлениях (Локк), – мы предполагаем значение. «Допускать, что в предложении «Луна меньше Земли» речь идет о чем-то представлении о Луне – значит совершенно исказить смысл. Если бы говорящий хотел это выразить, то применил бы оборот «мое представление о Луне»»¹²⁹. Философским скептикам Фреге готов ответить, что

¹²⁷ Там же с. 308.

¹²⁸ Знаменитый «треугольник» Фреге.

¹²⁹ Там же. С. 234

мы можем ошибаться, но в данном случае имеет значение, прежде всего, намерение, которое руководило нами во время речи или мышления.

В качестве собственных имен могут рассматриваться также понятия и предложения. Например, в выражении «Понятие человек не пусто» первые два слова здесь следует рассматривать как собственное имя. В выражении ««Der Schnee ist weiss» – предложение немецкого языка» первая часть «Der Schnee ist weiss» тоже может рассматриваться как имя собственное. В общем случае, понятия и предложения отличаются от имен собственных. Понятие предикативно. В высказывании «Утренняя звезда есть Венера» не просто два имени собственных и связка. По Фреге, «есть» в данном предложении является не связкой, а частью предиката, так что в слове «Венера» не содержится весь предикат. То, что здесь говорится, правильнее было бы выразить так: «Утренняя звезда есть не что иное, как Венера». И теперь «есть» – действительно только связка. Фреге подчеркивает: «то, что здесь высказывается, – это не Венера, а *не что иное, как Венера*»¹³⁰. Выражение, выделенное курсивом, есть понятие. Предметы же никогда не могут быть предикатами (хотя могут быть употреблены как грамматический предикат). Когда я говорю «понятие равнобедренный треугольник», то следуя языковой аналогии, можно допустить, что я говорю о некоем понятии, так же как, говоря «планета Нептун», я говорю о некоем предмете. Но это не так. По Фреге, тут отсутствует предикативность. Это заблуждение связано с употреблением понятий в языке: «Когда я завожу разговор о каком-то понятии, язык почти с непреодолимой силой навязывает выражение, которое затемняет мысль – делает ее, можно сказать, почти ложной»¹³¹. Поэтому Фреге отказывается от привычного употребления «понятие х», заменяя его функциональным выражением. Выражение «данное значение понятийного слова А» следует отбросить, потому что оно указывает на предмет и отвергает предикативность понятия. Только через насыщения функции с помощью аргумента мы можем определить значение понятия. Значение понятия, таким образом, есть значение функции. Традиционное разделение на объем и содержание понятия при этом отбрасывается. Но если и встать на точку зрения различения объема и содержания, Фреге поддерживает сторонников «объемной точки зрения» в логике:

¹³⁰ Там же. С. 254.

¹³¹ Там же. С. 248.

«Они правы, когда, оказывая предпочтение объему понятия по сравнению с его содержанием, считают, что для логики важен не смысл, а значение слов. Сторонники логики содержания охотно останавливаются на смысле; ибо то, что они называют содержанием, есть если не представление, то все-таки – смысл. Они не понимают, что логике нет дела до того, как одни мысли вытекают из других, если не учитываются их истинностные значения; что необходимы переходы от мысли к ее истинностному значению, вообще переходы от смысла к значению; что логические законы – это прежде всего законы в области значений, которые лишь опосредованно относятся к смыслу. Если дело идет об истине – а логика нацелена на него, то надо задаваться вопросом о значениях, надо отбрасывать собственные имена, которые ничего не обозначают, не называют никакого предмета, хотя они и могут иметь некий смысл; надо отбрасывать понятийные слова, если они не обладают значением. Это не столько, скажем, такие имена, которые несут в себе противоречие – ибо понятие очень даже может быть пустым, – сколько такие, границы которых расплывчатые. Относительно каждого предмета должно быть определено, подпадает ли он под данное понятие или нет; каждое понятие, которое не удовлетворяет этому требованию, значения лишено...»¹³².

Исключением является выражения поэзии, театра и т.п. Там, безусловно, важен смысл, а значение неинтересно.

В связи с функциональным подходом к пониманию понятия Фреге ставит вопрос о смысле и значении высказываний в целом¹³³. Во-первых, смысл и значение высказываний зависит от смысла и значения выражений, которые входят в состав высказывания. Этот принцип в семантике получил название принципа композициональности. Во-вторых, когда мы ставим некий аргумент на место *x* в функциональном выражении, мы получаем некую мысль.

Определение термина «мысль» (*Gedanke*) у Фреге необычно. В статье «О смысле и значении» он не останавливается подробно на определении того, что он понимает под «мыслью», и лишь в подстрочнике замечает: «я понимаю под мыслью не субъективную деятельность мышления, но его объективное содержание, которое может быть общим до-

¹³² Там же с. 250-251.

¹³³ Речь идет о высказываниях в форме повествовательного предложения.

стоянием многих»¹³⁴. Более подробно к определению понятия «мысль» Фреге обращается в статье «Мысль. Логическое исследование». Там он задается вопросом о том, является ли мысль представлением? Представлению, по Фреге, свойственны следующие признаки: представления нельзя воспринимать; представлениями обладают; представления нуждаются в носителе; у каждого представления есть только один носитель. Мысли, по Фреге, не описываются с помощью этих определений. Теорема Пифагора, например, не принадлежит к содержанию моего сознания, иначе надлежало бы говорить «моя теорема Пифагора», «его теорема Пифагора» и т.д.:

«Если каждая мысль нуждается в носителе, к содержанию сознания которого она принадлежит, то это – мысль лишь данного носителя, и тогда не существует науки, которая была бы общей для многих людей и в которой могли бы работать многие; и возможно, что я имею свою науку, то есть совокупность мыслей, носителем которых я являюсь, другой человек имеет свою науку. Каждый из нас занимается содержанием своего сознания. Противоречия между двумя науками тогда невозможны; пустым занятием был бы спор об истине – он был бы бесцелен, да и смешон, подобно спору двух людей, настоящей ли является купюра в сто марок, когда каждый из них имеет в виду банкноту в своем кармане, а слово «настоящая» понимает в своем собственном смысле. Когда кто-либо считает мысли представлениями, тогда то, что он признает истинным, составляет, по его мнению, содержание его сознания и не имеет, собственно говоря, никакого касательства к другим людям. И услышав от меня, что мысли не являются представлениями, он не мог бы этого оспаривать; ибо это опять-таки его никак не касалось бы»¹³⁵.

Чем же являются мысли? По Фреге, мысли – это и не вещи внешнего мира и не представления:

¹³⁴ Уже у Больцано есть понятие о «мысли-в-себе», «предложении-в-себе» по аналогии с «вещами-в-себе» Канта. «Мысли-в себе» у него являются «истинами-в-себе», им не присуща пространственно-временная характеристика. Больцано определяет «мысли-в-себе» следующим образом: «под предложением в себе я понимаю любое высказывание о том, что нечто есть или нет, безразлично, выражается ли оно кем-то в слогах или нет, а также мыслится в уме или не мыслится». Цит. по Колядко В. И. Бернард Больцано. М.: 1982. С. 42. Это понятие также можно соотнести с гуссерлевским понятием «ноэма», которое, являясь составной частью интенционального акта, не является его объектом. Позднее в аналитической философии то, что Фреге называл «мыслью» будет обозначаться с помощью термина «пропозиция».

¹³⁵ Там же с. 335

«Надо признать третий мир (Reich). То, что к нему принадлежит, совпадает с представлениями в том, что оно не может восприниматься органами чувств, а с вещами – в том, что оно не нуждается нив каком носителе, сознанию которого оно принадлежало бы. Так, например, мысль, которую мы высказываем в теореме Пифагора, истинна вне всякого времени и не зависит от того, считает ли ее кто-нибудь истинной. Она не требует носителя. Она не стала истиной только после того, как была открытой – подобно планете, находившейся во взаимодействии с другими планетами еще до того, как кто-либо ее увидел»¹³⁶.

Постижению (fassen) мыслей, по Фреге, отвечает особая умственная способность – сила мысли. Когда мы мыслим, мы не создаем мыслей, – мы их постигаем. Факты, которые познает естествоиспытатель, так же есть мысли: «факт есть мысль, которая истинна»¹³⁷. Но как же мысль может быть вне времени и вне изменений, если мир фактов изменчив? Для завершеного во всех отношениях предложения необходимо указание времени. Например, «Сегодня вон то дерево покрыто листвой». В таком виде мысль остается истинной не только сегодня или завтра, она истинна независимо от времени. Но, в основном, в науке имеют дело с предложениями без указания времени, в грамматической форме простого настоящего времени¹³⁸.

Можно ли учение об объективном существовании мыслей считать платонизмом? По мнению Бирюкова, если под платонизмом понимать признание мира идеальных сущностей общего характера, определяющих мир единичных вещей, то нет. Скорее, его взгляды близки схоластическому умеренному реализму¹³⁹. Э.А. Тайсина называет учение Фреге своеобразным «логическим и лингвистическим реализмом, выносящем идеальное содержание нашего сознания за пределы последнего и утверждающего существование своеобразного мира идей»¹⁴⁰. Хотя некоторые исследователи находят скрытый номинализм в учении Фре-

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 339.

¹³⁸ Немецкое настоящее время Präsens, также как и английское Present Simple употребляются для действий, которые осуществляются регулярно (в прошлом, настоящем и будущем). Например, «Солнце встаёт на Востоке», «рыбы дышат жабрами» и т.п.

¹³⁹ Там же. С. 470.

¹⁴⁰ Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии. В 4-х ч. Очерк III. Гносеология экзистенциального материализма / Э.А. Тайсина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2011. С. 145.

ге. Например, Г. Бергманн отмечает, что, по крайней мере, в области понятий Фреге выступает как номиналист. По Фреге, понятия это функции, а функции являются ненасыщенными, невосполненными, пока они не получают аргумент. Аргументом функции, по Фреге, являются имена, обозначающие индивидуальные объекты. В общей форме схоластический реализм (или платонизм) определяется как учение о самостоятельном существовании общего, но этого нельзя сказать про учение Фреге. Общее (т.е. предикатное функциональное выражение) приобретает значение у него только после объединения с единичным (аргументом).¹⁴¹

Фреге задается вопросом: как следует рассматривать мысль – как смысл предложения или как его значение? Допустим, что предложение имеет значение. Если заменить в нем одно выражение другим выражением с тем же самым значением, но другим смыслом, то это не должно влиять на значение предложения. Возьмём два выражения: «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда». Мы установили, что они обладают разным смыслом, но одинаковым значением. Теперь сравним два предложения, содержащие эти выражения: «Утренняя звезда есть тело, освещаемое Солнцем» и «Вечерняя звезда есть тело, освещаемое Солнцем». Мысли, содержащиеся в этих предложениях разные. Тот, кто не знает, что Вечерняя звезда есть Утренняя звезда, мог бы считать, что первое предложение истинно, а второе – ложно. Следовательно, мысль не может быть значением, она есть смысл предложения. Что же тогда является его значением? Значением имен собственных являются объекты – физические вещи. Значением предложений тоже должны быть объекты. Такими объектами, которые являются значениями предложений, Фреге считает истинностные значения предложений¹⁴². Фреге обосновывает идею, что истина и ложь являются особого рода предметами, относящимся к типу абстрактных объектов (как числа). Они принадлежат не сфере наших представлений, а реальности. В этом отношении Фреге порывает с классическим учением об истине, сформулированным Аристотелем, и которого придерживался даже Кант. А именно, что истина есть свойство суждений (представлений в форме логического высказывания) о мире. И что это свойство заключается в соответствии суждений реальности. По Фреге, истина – онтологическая категория, хотя

¹⁴¹ Bergmann G. Frege's Hidden Nominalism// The Philosophical Review, Vol. 67, No. 4 (Oct., 1958), pp. 437-459 <http://www.jstor.org/stable/2182943>

¹⁴² Еще до Фреге понятия истинностных значений использовал Ч. Пирс.

принадлежит не к физическому универсуму, а к логическому. Понятие «истина» разбирается им в статье «Мысль. Логическое исследование». К истине Фреге не относит ни подлинность, ни правдивость. Можно говорить о подлинности чувств или правдивости какого-либо произведения искусства, но язык и тут нас в заблуждение. Поскольку слово «истинный» в языке выступает в качестве прилагательного, постольку язык сам ограничивает набор того, что может быть истинным. Фреге обрушивается на корреспондентскую теорию, согласно которой истина есть соответствие наших представлений реальности. Во-первых, соответствие есть отношение, а этому противоречит способ употребления слова «истинный», которое не является относительным словом, не содержит указания на что-либо иное, с чем нечто должно находиться в соответствии. Во-вторых, соответствие может быть полным только тогда, когда вещи совпадают:

«Подлинность банкноты можно проверить, пытаясь стереоскопически совместить ее с настоящей купюрой. Однако смехотворной была бы попытка совместить кусок золота с ассигнацией в двадцать марок. Совместить представление с вещью было бы возможно, только если бы вещь была представлением. А если одно представление полностью соответствует другому представлению, они совпадают. Но как раз этого и не желают, когда определяют истину как соответствие представления чему-то действительному. Тут как раз важно, что действительность отлична от представления. Но тогда нет никакого полного соответствия, никакой полной истины. Тогда вообще ничто не было бы истинным; ибо, что истинно наполовину, то не истинно. Истина не терпит «больше» или «меньше». Или все же терпит? Нельзя ли принять: истина существует, когда имеется соответствие в некотором отношении. Но в каком? И что мы должны были бы делать, чтобы решить, что нечто истинно? Мы должны были бы исследовать, что это нечто истинно потому, что они – представление и нечто реальное – соответствуют друг другу с принятой точки зрения. Но тем самым перед нами снова возникает вопрос того же рода, и игра начинается сызнова. Так проваливается попытка определить истину как некое соответствие. Таким же образом, однако, проваливается и всякая иная попытка дать дефиницию истины. Ибо в дефиниции должны быть приведены известные признаки. А при ее применении к частному случаю речь всегда идет о том, верно ли, что эти

признаки тут налицо. Получается, что мы движемся по замкнутому кругу»¹⁴³.

Итак, если суммировать то, что удалось сделать Фреге, получится довольно внушительный список:

- 1) В философии математики Фреге впервые предпринял попытку объяснения арифметики исходя из чисто логических понятий. Фреге считается основоположником направления в философии математики, которое называется логицизм. Фреге изгнал психологизм из логики и философии математики, задав вектор развития этих дисциплин на протяжении всего последующего XX столетия.
- 2) Для этого он реформировал традиционную логику, введя в нее понятия математического анализа: исчисления, функции и т.д. В полемике с Кантом он реабилитировал понятие анализа, обосновав его как продуктивный метод исследования. Фреге успешно применил метод анализа для построений в области философии математики и логики.
- 3) Он сформулировал трехчленную семантику, в которой главный акцент сделал на связь знака со значением, т.е. с реальностью. В этом он выступил против теории Локка, согласно которому знак относится к Идеям (представлениям), а также против Канта, основная идея которого заключалась в том, что знание относится к сфере представления, а не к реальности. Фреге отделил смысл и значение от представлений, показав их объективное содержание, создав референциальную (денотативную) семантику.
- 4) Фреге расширил онтологию, включив в нее, помимо субъективных представлений и объективных физических вещей, мысли, а также такие абстрактные объекты, как «истина» и «ложь». Кроме того, Фреге напрямую увязал проблемы онтологии с проблемами семантики и логики, опираясь на анализ как научного, так и обыденного языка.

Идеи Фреге были во многом революционными, поэтому его выводы вызвали ряд вопросов:

¹⁴³ Там же. С. 327.

1) в философии математики: насколько далеко простирается могущество анализа, каковы его границы? Возможно ли непротиворечивое логическое обоснование математики?

2) в онтологии: каков статус значений абстрактных выражений математики? Правомерно ли придавать особый онтологический статус мыслям? Если мысли – объективны, то каков статус ложных мыслей, мыслей о несуществовании?

3) в семантике: насколько оправдано различие смысла и значения? Насколько правомерно говорить о фиксированных, навечно заданных смыслах? Насколько правомерно переносить результаты, полученные в ходе анализа точных языков, в область естественных языков?

4) в логике и эпистемологии: правомерно ли сводить истину к абстрактным объектам «истина» и «ложь»? Могут ли быть другие истинностные значения? Как быть с истинностью суждений, которые не имеют форму повествовательно-утвердительных высказываний (модальные суждения)?

5) в философии языка: правомерно ли рассматривать язык как готовую систему, в формировании которой не принимают никакого участия те, кто использует язык? Правомерно ли в анализе языка отвлекаться от всех остальных функций, кроме репрезентативной, т.е. рассматривать язык только как инструмент для описания мира?

В полемике с Фреге по поводу этих и других вопросов происходило дальнейшее развитие АФ. От многих его идей аналитические философы впоследствии вынуждены были отказаться или переформулировать их. В любом случае, Фреге задал определенное направление развития, которого придерживалась вся ранняя аналитическая философия – усиленное внимание к точной формулировке проблем, к вопросам семантики и теории значения, поиску оснований онтологии и эпистемологии в сфере логики и семантики.

ГЛАВА 3. АНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД Б. РАССЕЛА

3.1. Рассел о субъектно-предикатной логике и проблеме отношений

Г. Фреге по праву считается предтечей аналитической философии, но поскольку он занимался преимущественно проблемами логики и математики, его работы в то время оказались вне внимания большинства философов. Б. Рассел (1872-1970), во-первых, популяризировал идеи Фреге в британской философии, во-вторых, он в полной мере осознал последствия достижений Фреге в области логики и философии математики для собственно философии и создал предпосылки для дальнейшего развития аналитического метода в философии. Идеи Рассела оказали значительное влияние на современников. Если до начала активной деятельности Рассела в британской философии господствовало неогегельянство, то уже с начала 1910-х гг. аналитический метод постепенно становится доминирующим. Исследование философии Рассела представляет собой трудность, так как в течение своей долгой жизни Рассел менял свои взгляды по конкретным проблемам, что злило его оппонентов. А.С. Колесников выделяет 3 периода в интеллектуальном развитии Б. Рассела:

1) Ранний (1894-1910) – становление философских взглядов, влияние неокантианства и неогегельянства, восприятие неореализма.

2) Зрелый (1910-1940) – обоснование неореализма, логического атомизма как разновидности реализма, нейтрального монизма.

3) Поздний (1940-1970) – неореализм юмистско-кантианского толка, совмещение в отдельных вопросах радикального и критического реализма и метафизического материализма¹⁴⁴.

В данном пособии мы рассмотрим лишь те идеи Рассела, которые нам кажутся важными для понимания дальнейшего развития аналитической философии. В основном они касаются положений, выраженных Расселом в его статье «Об обозначении», а также в «Философии логического атомизма». Прежде чем перейти непосредственно к новым идеям, которые высказал Б. Рассел, необходимо выделить тех философов, помимо Г. Фреге, чьи идеи оказали значительное влияние на философ-

¹⁴⁴ Колесников А.С. Философия Бертрانا Рассела. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 22.

скую позицию Рассела. Поскольку таких философов было множество (практически все философы британского эмпиризма, прежде всего, Юм; а также Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель и многие другие), то для наших целей мы выберем главного союзника и главного оппонента Рассела в истории философии. Первым был Г. Лейбниц, вторым – Г. Гегель (и неогегельянство)¹⁴⁵. Сам Рассел в разных работах возвращался к обсуждению идей этих философов, поэтому остановимся на его критике взглядов этих философов подробнее.

Критика идей Лейбница. Достигнув значительных результатов в математической логике, Лейбниц не опубликовал их, поскольку они противоречили Аристотелю. Тем не менее, он всю жизнь надеялся создать универсальную математическую систему, с помощью которой можно было бы заменить мышление исчислением:

«Если бы она была у нас, – говорил он, – мы бы имели возможность рассуждать в области метафизики и нравственности так же, как мы делаем это в области геометрии и математического анализа». «Если бы возникли противоречия, нужды в спорах между двумя философами было бы не больше, чем между двумя счетоводами, так как им было бы достаточно взять в руки карандаш, сесть за грифельные доски и сказать друг другу (если они хотят, при наличии доброжелательного свидетеля): давайте подсчитаем»¹⁴⁶.

Основное достоинство системы Лейбница, по Расселу, заключается в том, что он пытался найти основания метафизики в логике. Такой тип аргументации, в которой заключают от языка к внелингвистическим фактам, по Расселу, восходит к Пармениду и Платону. К этому же типу относится философия Спинозы и Гегеля. Но никто из них не смог с такой явностью заключать от синтаксиса к действительному миру.

В частности, основополагающее понятие метафизики Декарта, Спинозы и Лейбница – субстанция – выводимо из логических категорий субъекта и предиката.

¹⁴⁵ Следует отметить тот факт, что Рассел глубоко знал историю философии, многое подвергал критике (подчас, необъективно) как любой самостоятельный мыслитель, но ему вовсе не было присуще стремление игнорировать, вычеркнуть всю историю философии, характерное впоследствии для Витгенштейна и логических позитивистов. Обращение к истории философии, особенно к Юму, Канту, характерно и для современной аналитической философии.

¹⁴⁶ Рассел Б. История западной философии. Глава XI. Лейбниц. Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/russell/01/05.html>

Традиционная логика выделяет в суждении субъект и предикат: S есть P. Отношение между ними описывается как отношение присущности¹⁴⁷. Например, в суждениях «небо – голубое», «Сократ смертен» утверждается присущность какого-то свойства, выраженного понятием предиката, некоторой субстанции, выраженной понятием субъекта. Т.е. понятие предиката (в утвердительных суждениях) включается в понятие субъекта. Субъект определяется через предикат и был бы иным, если бы обладал другими предикатами. Поэтому каждое суждение субъектно-предикатной формы аналитично.

Исключением, по Лейбницу, является предикат существования, он не содержится в субъекте. Поэтому суждения о существовании (за исключением существования Бога) синтетичны. Поскольку все предикаты содержатся в субъекте, то, обладая совершенным знанием о субъекте, мы могли бы дедуцировать все его предикаты. Но это знание доступно только для Бога. Для людей же, которые обладают несовершенным знанием, существует различие между истинами, познаваемыми с помощью логики, и истинами, познанными при помощи опыта. Первые являются необходимыми и аналитическими, вторые – случайными и синтетическими. Если взять понятие самости – то, что я всегда остаюсь самим собой, – то оно не возникает из внутреннего опыта, а основано на априорном рассуждении. Я всегда остаюсь тем же самым субъектом, и мои настоящие и прошлые атрибуты принадлежат к одной и той же субстанции. Поэтому вневременное понятие обо мне включает вечно все мои состояния и связи. Отличием индивидуальной субстанции является принцип деятельности, связывающий предикаты этой субстанции с понятиями пространства и времени. Полное понятие об индивидуальной субстанции включает в себя все предикаты, поэтому никакие две субстанции не являются полностью похожими. Отсюда, заключает Рассел, легко выводится учение о монадах¹⁴⁸.

К данной теории у Рассела возникает ряд критических замечаний. Все ли суждения редуцируемы к субъектно-предикатной форме? Данный вопрос являлся существенным не только в отношении философии Лейбница, но и современной Расселу философии гегельянцев, в частности, Брэдли. Брэдли считал, что все предикаты принадлежат одному

¹⁴⁷ Сам язык здесь указывает на определенную онтологию – быть-при-сущности.

¹⁴⁸ Russell B. A critical exposition of the philosophy of Leibniz with an appendix of leading passages. Cambridge: At the University Press, 1900. Pp. 9-11. Электронный ресурс: <http://archive.org/details/cu31924052172271>

субъекту, который является Реальностью. Анализируя структуру суждения (judgement) в своей логике, он считает, что в каждом суждении существует не две идеи, а одна. Изначально существует тотальность качеств и отношений, и лишь позже мы вводим разделения и различения¹⁴⁹. Брэдли отрицает, что в суждении с отношениями (А равно В) мы рассуждаем о классах, например «вещи равные В». В суждениях «А одновременно с В», «С к востоку от D», «Е равно F» неправильно рассматривать А, С, Е как единственные субъекты, а остальное как атрибуты. Можно перевернуть отношение, а лучше сказать «А и В одновременно», С и D находятся на западе и востоке», «Е и F равны». В данном случае существуют два и более субъекта и отношения между ними¹⁵⁰.

Суждение не есть утверждение, что субъект и предикат равны. $S=P$ означает, что различные атрибуты S и P объединены в одной субстанции. Брэдли уточняет: «Утверждение, что S есть P, вызвано реальностью x. И эта реальность, какова бы она не была, есть субъект суждения. Она есть то же самое, что объективность»¹⁵¹. Такое толкование предполагает, что копула «есть» в суждении должна всегда трактоваться как «существовать» (exist). Именно такую интерпретацию Брэдли считает единственно возможной¹⁵². Он не считает это проблемой, поскольку, по Брэдли, все, в конечном счете, существует только для воспринимающего сознания. Возражая Гербарту, который на примере суждения «Гомеровские боги ужасны»¹⁵³ спрашивает, какому субъекту мы можем предиктировать гомеровских богов, Брэдли отвечает: «Мы все верим, что мышьяк яд, но в момент, когда он не действует, и никто в мире не думает о мышьяке, он ничего не отравляет»¹⁵⁴.

Рассел выступает как против трактовки Лейбница, так и против Брэдли. В противовес монизму, Рассел утверждает, что существуют суждения о множестве. Прежде всего, это суждения математики. Например, суждение: «Существуют три человека» явно утверждает

¹⁴⁹ Bradley F.G. Principles of logic. Oxford University Press, 1883. pp. 11-12 Электронный ресурс: <http://archive.org/details/theprinciplesof101braduoft>

¹⁵⁰ Там же. С. 22.

¹⁵¹ Там же С. 41.

¹⁵² Там же С. 43.

¹⁵³ В оригинале стоит англ. «fearful», что можно перевести с английского как «страшный», «ужасный» и одновременно «испуганный», «напуганный». Данный пример, когда слово обладает противоположными значениями, дал бы повод Расселу еще раз посоветовать на несовершенство естественного языка.

¹⁵⁴ Там же.

множество субъектов. Рассел критикует также трактовку Лейбницем суждений с отношениями. Возьмем суждение о двух отрезках «L длиннее M». С точки зрения субъектно-предикатной логики, данное суждение тоже может рассматриваться как суждение о свойстве по форме «S есть P», т.е. L имеет свойство «быть длиннее M», либо наоборот, M имеет свойство «быть короче L». Но нельзя рассматривать как «отношение быть длиннее» между L и M. Отсюда можно сделать вывод, что существуют две различные субстанции – L и M, которые обладают двумя различными свойствами: «быть длиннее M» и «быть короче L», соответственно. Они не имеют ничего общего, так как в любом суждении с субъектно-предикатной структурой предикат всегда относится к субъекту, т.е. к субстанции, а не наоборот. Но тогда невозможно объяснить, как происходит взаимодействие субстанций. Единственный выход – апелляция к Предустановленной гармонии. Рассел так формулирует позицию Лейбница:

«Субстанции не действуют друг на друга, но все согласованно отражают Вселенную, каждая со своей точки зрения. Взаимодействия быть не может потому, что все, что случается с каждой субстанцией, является частью ее собственного понятия и определено вечно, если эта субстанция существует»¹⁵⁵.

По Расселу, Лейбниц повинен в непоследовательности: в соединении субъект-предикатной логики с плюрализмом. Последовательный сторонник того, что все суждения имеют субъект-предикатную форму, должен быть монистом. L и M в таком случае будут рассматриваться как свойства единой субстанции, как некое самотождественное единство, между членами которого снимается противоположность. Однако Рассел не устраивает ни плюрализм, ни монизм в такой форме. Отдавая предпочтение плюрализму, Рассел считает необходимым найти для него новые основания. Традиционная логика не подходит для выражения отношений. Для этого лучше подходит функциональная логика, в которой отношение обозначается специальным знаком R, как в IRm ¹⁵⁶. Следствия, вытекающие из такой трактовки отношений, Рассел разовьет в своей философии логического атомизма.

Критика идей Гегеля. Трактовка отношений является тем, что отличает расселовскую философию от гегелевской. Гегель считает, что

¹⁵⁵ Рассел Б. История западной философии. Глава XI. Лейбниц. Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/russell/01/05.html>

¹⁵⁶ Читается как существует некое отношение между L и M.

любой предикат, если он берется как характеристика реального целого, обнаруживает самопротиворечивость. Существует одна реальность, которая описывается с помощью диалектических противоположностей. Любое выражение типа: «Абсолют есть то-то» является априори ложным, так как истинно будет также противоположное: «Абсолют не есть то-то». Истина это всегда свойство целого. Никакое утверждение не обладает истиной само по себе. В то же время, как отмечает Гегель в предисловии к «Феноменологии духа», на такие вопросы, как «когда родился Цезарь», «сколько футов содержалось в стадии», должен быть дан определенный ответ, но природа этих истин отличается от природы философских истин. Данные истины должны быть установлены, по видимому, научным познанием. Но почему философия должна ограничиваться лишь спекулятивными истинами? Что значит, что истина, что Цезарь родился в таком-то году, является безукоризненной истиной? Означает ли это, что Гегель был радикальным эмпириком по поводу истинности простых научных высказываний? Сомнительно.

В этом коренное различие между Гегелем и Расселом: Рассел считал, что философия должна начинать с анализа вот этих простых предложений. В этих предложениях – обычных, и даже научных, истина устанавливается относительно любого высказывания изолированно, без обращения к истинности целого. Представьте человека, который поклялся в суде говорить правду, *всю правду* и ничего кроме правды. Далее ему задают вопрос: «В каких отношениях находятся Джон и Джемс?». Допустим, он говорит: «Джон отец Джемса». По Расселу:

«Гегель и те, кто верит в то, что маршал Смэтс называет «хотливым», скажут: «Чтобы понять это высказывание, вы должны знать, кто такие Джон и Джемс. Знать, кто такой Джон, – это знать все его признаки, так как без них его нельзя отличить от кого-либо другого. Но все его признаки включают других людей или вещи. Он характеризуется отношениями к родителям, жене, детям, тем, хороший он или плохой гражданин, и страной, к которой он принадлежит. Все это вы должны знать, прежде, чем вы можете сказать, что вы знаете, к кому относится слово «Джон». Шаг за шагом в нашей попытке сказать, что вы подразумеваете под словом «Джон», вы придете к тому, чтобы принять во внимание всю вселенную, и ваше

исходное высказывание окажется каким-то сообщением о вселенной, а не о двух отдельных людях, Джемсе и Джоне»¹⁵⁷.

Возможно, данное рассуждение бьет мимо Гегеля, который возразил бы, что высказывание «Джон отец Джемса» не является философской истиной. Но тогда получается, что существуют две логики. Одна – традиционная, с помощью которой анализируются эмпирические высказывания вроде «Земля круглая», и другая, спекулятивная, диалектическая, с помощью которой анализируются высказывания вроде «Абсолют есть бытие». Допущение двух логик, описывающих реальность, является спорным. По Расселу, логика должна быть способна анализировать все типы высказываний. И если ваша логика не способна на это, то это плохая логика¹⁵⁸.

3.2. Теория определенных дескрипций Рассела

Прежде всего, рассмотрим, что Рассел понимал под философией логического анализа. Ее возникновение он связывает, прежде всего, с достижениями в математике¹⁵⁹.

Математика стремится очистить рассуждение от неточностей и неряшливых выводов. В XIX веке в этой науке были достигнуты существенные успехи: логическое обоснование исчисления бесконечно малых величин в математике Вейерштрасса, теория непрерывности и бесконечных чисел Кантора, логическое обоснование арифметики Г. Фреге, наконец, собственная попытка Рассела совместно с Уайтхедом достичь логического обоснования математики в «Principia Mathematica». Данные успехи подвигли философов на то, чтобы попытаться разре-

¹⁵⁷ Рассел Б. История западной философии. Глава XXII. Гегель. Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/russell/01/06.html#22>

¹⁵⁸ Идея независимого существования явлений разрабатывается отечественными философами в т.н. интервальной теории познания. Основным понятием этой теории является «интервал абстракции». Данная концепция основана на признании независимости в мире событий и явлений: «Постулат диалектической философии о всеобщей связи явлений, о том, что «каждая вещь (явление, процесс и т.д.) связаны с каждой», необходимо отбросить как теологический, заменив его научно обоснованным утверждением о существовании независимых явлений. Отсюда, как следствие, «одной из важнейших задач философии естественных наук... является выяснение и уточнение тех предпосылок, при которых можно какие-либо данные действительные явления рассматривать как независимые». Новоселов М.М. Логика абстракций (методологический анализ) Часть первая. М., 2000, с. 19.

¹⁵⁹ Рассел Б. История западной философии. Глава XXXI. Философия логического анализа. <http://philosophy.ru/library/russell/01/07.html#31>

шить традиционные философские проблемы с помощью логики. По Расселу, процесс обоснованного философствования состоит в переходе от того, что очевидно, но нечетко и двусмысленно, к чему-то точному, ясному, определенному¹⁶⁰.

Одна из проблем, которая традиционно волновала философов, начиная с Парменида, это проблема объяснения небытия. Если я утверждаю, что нечто не существует, то я впадаю в противоречие. Допустим, кто-либо утверждает, что Золотой горы не существует. Но он утверждает нечто о Золотой горе, следовательно, она существует как некий объект. Это затруднение Рассел преодолевает в своей теории дескрипций. Уже Фреге высказывал идею, что всякое имя собственное есть сокращенная дескрипция (обозначающая фраза). Фреге считал, что имена собственные функционируют также как обозначающие разы и являются единичными понятиями. Единичные понятия указывают на объекты. Кроме того, всякое выражение имеет смысл. Главное возражение Рассела, которое он обосновал в своей знаменитой статье «Об обозначении», состоит в том, что, по крайней мере, обозначающие фразы не указывают на объекты. Он также строит семантику, в которой понятие смысл становится избыточным.

Различение смысла и значения у Фреге показало свою значимость при анализе неэкстенциональных контекстов. Возьмем предложение: «Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором “Веверлея”». Вальтер Скотт действительно опубликовал роман «Веверлей», но анонимно, поэтому согласно теории Фреге выражения «Вальтер Скотт» и «автор “Веверлея”» имеют одинаковое значение, поэтому они взаимозаменяемы. Однако в данном предложении замена одного выражения другим приводит к бессмыслице: «Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом». Контекст употребления, в котором нельзя заменить одно выражение другим выражением, имеющим то же значение, называется неэкстенциональным, или интенциональным, или просто «непрозрачным». Такой контекст характерен для т.н. эпистемических высказываний, т.е. высказываний, начинающихся с «х полагает, что», «х верит, что», и т.п. По Фреге, в данных предложениях используется косвенная речь. Особенность косвенной речи, по Фреге, заключается в том, что имена обозначают не значение, как обычно, а смысл.

¹⁶⁰ Рассел Б. Философия логического атомизма. //Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009. С. 124.

При этом значение истинности данных предложений не зависит от истинности или ложности придаточного предложения.

Рассел предлагает решить все эти проблемы с помощью своей теории определённых дескрипций¹⁶¹, а также проблему «неработающего» закона исключенного третьего в предложениях, содержащих мнимые имена. Согласно закону исключенного третьего, из двух предложений: «Теперешний король Франции лыс» и «Теперешний король Франции не лыс» одно необходимо истинно, а другое ложно. Однако очевидно, что оба эти предложения ложны¹⁶². С точки зрения теории Фреге, мы должны рассматривать данные предложения как не имеющие значения, поскольку выражение «нынешний король Франции» не имеет значения. Но по Расселу, данное выражение вовсе не бессмысленно, оно явно ложно. Затруднение происходит от того, что обозначающей фразе приписывается и смысл, и значение; и что делать, если значением такой фразы является «нуль-класс».

Рассел различает собственные имена и обозначающие фразы. То, что обозначается с их помощью, доступно либо с помощью непосредственного восприятия, которое Рассел называет «знание-знакомство», либо по описанию. Большинство собственных имен нам доступно по описанию, т.е. через обозначающие фразы. Рассел дает следующее определение обозначающей фразы: «Под «обозначающей фразой» я подразумеваю фразу одного из следующих типов: какой-то человек, некоторый человек, любой человек, нынешний король Англии, нынешний король Франции»¹⁶³. Фраза может быть обозначающей, но не обозначать ничего (нынешний король Франции); может обозначать ровно один объект (нынешний король Англии); может обозначать неопределенно (какой-то человек, собака, кабинет министров и т.п.)¹⁶⁴. Именно определенные дескрипции интересуют Рассела в большей степени, поскольку они могут быть подставлены вместо собственных имен.

¹⁶¹ А. Айер считал теорию дескрипций Рассела парадигмальным примером аналитического метода в философии.

¹⁶² Как остроумно замечает Рассел, неогегельянцы, любящие синтезы, вероятно, заключили бы, что он носит парик.

¹⁶³ Рассел Б. Об обозначении// Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009. С. 18

¹⁶⁴ В английском языке различие между определенными и неопределенными дескрипциями сделать легче, поскольку оно выражается грамматически с помощью артикля (the или a).

Рассел предлагает заменить обозначающие фразы на выражения, содержащие функции и истинностные значения. Главная цель такой замены – построить предложение таким образом, чтобы лишить собственного значения обозначающие фразы, без употребления в составе функционального выражения. Функцию, которая, будучи восполненной, дает целое предложение, Рассел называет пропозициональной функцией, например, « x смертен». Высказывание «все люди смертны» при таком подходе преобразуется в условное высказывание: «если x человек, то x смертен». Или:

$$\forall x (x \text{ человек} \rightarrow x \text{ смертен})$$

Дело в том, что если людей не существует, по Фреге, то высказывание становится бессмысленным. Однако, пишет Рассел, как справедливо утверждал Брэдли, фраза «Правонарушители будут привлекаться к ответственности» вполне может быть истинной, даже если правонарушителей нет. Т.е. данная фраза может интерпретироваться гипотетически: «Если x – правонарушитель, то x привлекается к ответственности», где «область значения, которую может иметь x , кем бы он ни был, определенно не ограничивается теми, кто совершил правонарушение»¹⁶⁵. Таким образом, сами по себе выражения «все люди», «автор Веверлея» не имеют значения. Только само предложение в целом имеет значение, а именно, что если нечто удовлетворяет пропозициональной функции « x человек», то оно удовлетворяет пропозициональной функции « x смертен»; «существует такой x , что x написал Веверлея» и т.п. В «Философии логического атомизма» он называет определенные дескрипции «неполными символами», потому что они являются конститuentами правильно проанализированной пропозиции.

Кроме того, Рассел выступает против трехчленной семантики Фреге: имя – смысл – значение. Затруднение, по Расселу, заключается в следующем. Мы не можем сохранять связь смысла и значения, не допуская их отождествления. Пусть выражение S имеет смысл и значение. Но если мы говорим «смысл S » (где S сокращенно обозначает данное выражение), то это дает нам смысл значения:

«Смысл первой строфы “Элегии” Грея» то же самое, что «Смысл фразы “Погребальные звонят колокола в день прощания”» и отличается от «Смысл фразы “Первая строка «Элегии» Грея”». Поэтому, чтобы по-

¹⁶⁵ Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. С. 32.

лучить смысл, который нам нужен, мы должны говорить не «смысл С», но «смысл “С”», что совпадает с самим “С”¹⁶⁶.

Затруднение, по Расселу, заключается в том, что:

«В тот момент, когда мы в пропозиции полагаем комплекс, эта пропозиция говорит о значении; и если мы высказываем пропозицию, субъектом которой является «смысл С», тогда субъект – это смысл значения, который не имелся в виду. Это приводит нас к тому, чтобы сказать, что, различая смысл и значение, мы должны иметь дело со смыслом; смысл имеет значение и является комплексом, и помимо смысла нет ничего другого, что можно было бы назвать комплексом и говорить как о том, что имеет как смысл, так и значение»¹⁶⁷.

Эта путаница вызвана тем, что, в целом, различие смысла и значения ошибочно. К тому же, в такой теории неизбежно умножение смыслов: смысл выражений, обозначающих индивидуумы; смысл выражений, имеющих такой смысл; смысл выражений, имеющих этот смысл и т.д., и т.п. Например, в выражении «Смысл выражений, используемых Фреге для обозначения Венеры» мы имеем смысл выражения, которое означает смысл выражения, которое обозначает индивид (Венеру).

Рассмотрим, как теория Рассела помогает решить некоторые затруднения. Первое затруднение касается короля Георга, который интересовался, был ли Скотт автором «Веверлея». Чтобы избежать затруднения, что король хотел знать, является ли верным закон тождества, не вводя при этом различия смысла и значения, Рассел предлагает следующий анализ. В данном выражении имеется определенная дескрипция «автор Веверлея». Она анализируема только в составе пропозиции. Допустим, мы говорим «Автор “Веверлея” был человеком». Анализируя (т.е. разлагая в буквальном смысле) данное высказывание, мы получаем следующее: «Одна и только одна сущность написала “Веверлея”, и эта сущность была человеком». Пропозиция «Скотт был автором “Веверлея”» в таком случае приобретает вид: «одна и только одна сущность написала “Веверлея”, и Скотт тождествен этой сущности». В этом предложении растворяется (разлагается) фраза «автор Веверлея». Это является следствием того, что под внешней грамматической формой высказывания скрывается его внутренняя логическая форма. В логической форме эта пропозиция приобретает следующий вид:

¹⁶⁶ Рассел Б. Об обозначении// Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009. С. 23

¹⁶⁷ Там же. С. 24.

$\exists x (x \text{ написал "Веверлея"} \wedge x \text{ был человеком} \wedge \forall y (y \text{ написал "Веверлея"} \rightarrow y = x))$.

Следовательно, когда мы говорим «Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором Веверлея», мы подразумеваем «Георг IV хотел знать, один ли и только ли один человек написал “Веверлея”, и был ли Скотт этим человеком», т.е. Георг IV хотел знать, действительно ли:

$\exists x (x \text{ написал "Веверлея"} \wedge x \text{ был человеком} \wedge \forall y (y \text{ написал "Веверлея"} \rightarrow y = x) \wedge x = \text{Скотт})$

В последнем случае, по Расселу, «автор Веверлея» имеет *первичное* вхождение, в первом – *вторичное*¹⁶⁸.

Та же процедура применяется к анализу предложения «Нынешний король Франции не является лысым», чтобы решить проблему логического статуса фраз, которые ничего не обозначают. Данное предложение *ложно*, если фраза «король Франции» имеет первичное вхождение: «Существует какая-то сущность, которая является королем Франции и не является лысой», т.е.

$\exists x (x \text{ король Франции} \wedge \forall y (y \text{ король Франции} \rightarrow y = x) \wedge \neg(x \text{ лысый}))$.

Но данное предложение *истинно*, если подразумевает: «Ложно, что существует какая-то сущность, которая является нынешним королем Франции и является лысой», т.е.

$\neg \exists x (x \text{ король Франции} \wedge \forall y (y \text{ король Франции} \rightarrow y = x) \wedge (x \text{ is лысый}))$ ¹⁶⁹.

В любом случае, оно не является бессмысленным. Тем самым закон исключенного третьего сохранен, и нам не требуется прибегать к тому, что король Франции носит парик.

¹⁶⁸ Рассел не дает четкого определения, что такое первичное и вторичное вхождение. Но приводит следующий пример: «Я слышал от обидчивого владельца яхты, которому гость, впервые ее осмотревший, сказал: «Я думал, ваша яхта больше, чем она есть», и владелец ответил: «Нет, моя яхта не больше, чем она есть». То, что подразумевал гость, было: «Размер, который, как я думал, имеет ваша яхта, больше, чем размер вашей яхты», смысл, приписанный ему, был: «Я думал, размер вашей яхты больше, чем размер вашей яхты». Т.е., в данном случае различие возникает в зависимости от того, относится ли обозначающая фраза к пропозиции в целом (вторичное вхождение), либо к подчиненной пропозиции (первичное вхождение).

¹⁶⁹ В последнем случае фраза «король Франции» входит в подчиненную пропозицию после фразы «Ложно, что» (вторичное вхождение). В первом случае фраза «король Франции» является частью пропозиции в целом (первичное вхождение).

То же касается отрицательных предложений о существовании, содержащих выражения: «круглый квадрат», «первое четное число, отличное от 2» и т.д. Из любой пропозиции мы можем сделать обозначающую фразу, которая обозначает сущность, если пропозиция является истинной, но не обозначает сущность, если пропозиция является ложной. Допустим, у нас есть выражение «Вращения Солнца вокруг Земли не существует». Если фраза «Вращение Солнца вокруг Земли» имеет первичное вхождение, то получим: «Существует такой x , что x есть «вращение Солнца вокруг Земли» и x не существует».

$\exists x$ (x есть вращение Солнца вокруг Земли $\wedge \neg \exists x$)

Данное предложение самопротиворечиво, потому ложно. Если данная фраза имеет вторичное вхождение, то получим истинное высказывание: «Неверно, что существует x , такой, что x является «вращением Солнца вокруг Земли», т.е.

$\neg \exists x$ (x есть вращение Солнца вокруг Земли),

что эквивалентно высказыванию «Солнце не вращается вокруг Земли». Это позволяет отказаться от деления всех сущностей на реальные и нереальные, как считали Мейнонг и МакКолл. В результате они определяли нуль-класс как класс, состоящий из нереальных индивидуумов. По мнению Рассела, его теория позволяет определять нуль-класс просто как класс, не содержащий элементов.

Д. Каплан отмечает еще одно важное различие семантики Фреге и Рассела с точки зрения современной семантики возможных миров¹⁷⁰. Он делит философов на «хэксейтистов» и «анти-хэксейтистов»¹⁷¹. Первые считают, что референт имени собственного является одним и тем же во всех возможных мирах. Например, в каждом мире можно указать на Сократа (это есть Сократ), независимо от того, какими определениями обладает Сократ в этих мирах. «Анти-хэксейтисты» отрицают, что в другом возможном мире Сократ является Сократом, если он не был

¹⁷⁰ Kaplan D. How to Russell a Frege-Church// The Journal of Philosophy, Vol. 72, No. 19, Seventy-Second Annual Meeting American Philosophical Association, Eastern Division (Nov. 6, 1975), pp. 716-729 Published by: Journal of Philosophy, Inc. Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/2024635>

Название статьи содержит каламбур – «Как расколоть церковь Фреге». Возражение в защиту Фреге и антиэтоизма можно найти в статье Saarinen E. How to Frege a Russell-Kaplan Nous, Vol. 16, No. 2 (May, 1982), pp. 253-276 Published by: Wiley-Blackwell Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/2215372>

¹⁷¹ От лат. haecceitas - «этовость»: субстантивированное указательное местоимение «это» – универсалия, введенная средневековыми схоластами.

учителем Платона, не выпил чашу с цикутой и т.п., так как то, что есть Сократ, вводится с помощью определенной дескрипции, а в разных возможных мирах они являются разными, поэтому в разных возможных мирах Сократы являются различными индивидуумами. По Фреге, имена собственные являются, по сути, сокращенными дескрипциями, следовательно, согласно этой терминологии, его следует считать «анти-хэксейтистом». Рассел в своей денотативной семантике оставил только значения. В высказывании «Сократ – учитель Платона» термин «Сократ» указывает на определенную сущность – Сократа, без посредства фрегевского «смысла». С точки зрения терминологии возможных миров, эта пропозиция выражает функцию, которая является истинной во всех мирах, где Сократ действительно учитель Платона, и ложной, где не он – учитель Платона¹⁷². С этой точки зрения обретает смысл расселовское учение о различии знания-знакомства и знания по описанию. С точки зрения Фреге, всякое знание, в конечном счете, сводится к знанию по описанию. По Расселу, возможно знание-знакомство, которое указывает на объект непосредственно, без дескрипций. Таким образом, в каждом возможном мире, где существует Сократ, мы могли бы указать на Сократа и сказать: «Вот Сократ». Каплан отмечает, что в связи с таким толкованием возникают вопросы гносеологического характера. Это уязвимость любой онтологии, которая допускает сущности, какие существуют независимо от описания¹⁷³.

3.3. Онтология Рассела

Как отмечает У.В.О. Куайн, онтологические взгляды Рассела прошли через несколько периодов¹⁷⁴. В период «Principia Mathematica» Рассел считал, что каждое слово обозначает какой-то объект. При этом к объектам относится все, в т.ч. мгновения времени, точки пространства, гомеровские боги и химеры, хотя последние являются не реаль-

¹⁷² То же касается возможных миров, где Сократа не существует, поскольку предложения о несуществовании Расселом разлагаются на выражения, не содержащие определенных дескрипций.

¹⁷³ На эти вопросы во второй половине XX в. обратили преимущественное внимание теоретики эпистемологического реализма С. Крипке, Х. Патнэм и др.

¹⁷⁴ Quine W. V. Russell's Ontological Development // The Journal of Philosophy, Vol. 63, No. 21, American Philosophical Association Eastern Division Sixty-Third Annual Meeting (Nov. 10, 1966), pp. 657-667 Published by: Journal of Philosophy, Inc. <http://www.jstor.org/stable/2024157>.

ными вещами, а концептами (concepts). Но уже в 1905 г. Рассел полностью отказывается от нереальных и невозможных объектов в онтологии. Это, по мнению Куайна, напрямую связано с теорией определенных дескрипций, которая помогла Расселу отказаться от необходимости допущения таких сущностей. В «Введении в математическую философию» Рассел рассуждает о том, как анализировать такие суждения, как «Я встретил единорога» или «Я встретил морского змея»¹⁷⁵. Решение заключается в том, что данные суждения, правильно проанализированные, не будут содержать конститuentы «единорог». По Расселу, грамматическая форма вводит в заблуждение, когда мы рассматриваем пропозиции «Я встретил Джонса» и «Я встретил человека» в качестве одинаковых. Если первая именуется действительное лицо, то в последнем случае мы имеем пропозициональную функцию, и она принимает следующий вид в логическом выражении: «Функция “Я встретил x и x есть человек” иногда истинна». Использование пропозициональных функций позволяет образовывать истинные суждения даже с такими выражениями, как «круглый квадрат», «единорог» и т.п. По Расселу, чувство реальности должно сохраняться даже в наиболее абстрактных исследованиях: «Логика, я должен повторить, должна допускать единорогов не в большей степени, чем зоология, поскольку логика имеет дело с реальным миром точно так же, как зоология, хотя с его более абстрактными чертами»¹⁷⁶. Рассел продолжает: допущение существования единорогов в геральдике или в искусстве является ничтожной уловкой, так как то, что существует в геральдике, не есть животное из плоти и крови – существует картинка или словесное описание. Точно также допущение существования Гамлета в «своем собственном мире» – мире шекспировского воображения – является запутывающим. Существует один мир – реальный мир, и воображение Шекспира является его частью. Мысли, чувства, вызванные прочтением Гамлета, реальны, но это не означает, что существует объективная реальность – Гамлет. Надежное чувство реальности (*the robust sense of reality*) необходимо для корректного анализа пропозиций, содержащих термины «единорог», «золотая гора», «круглый квадрат» и т.п.

Когда мы имеем дело с пропозициями, мы имеем дело с символами, наделенными значениями. Если мы наделяем значением символы,

¹⁷⁵ Рассел Б. Введение в математическую философию. С. 191-200.

¹⁷⁶ Там же. С. 192-193.

которые не имеют значения, мы допускаем нереальные сущности. Реалистическую позицию Рассела в математике отмечает К. Гёдель:

«Он сравнивает аксиомы математики и логики с законами природы, а логическую очевидность с чувственным восприятием, так что аксиомы вовсе не должны быть необходимо очевидными, а их оправдание лежит (точно так же, как и в физике), в том факте, что они делают возможным дедуцирование этих самых “чувственных восприятий”»¹⁷⁷.

Важным отличием семантики Рассела от Фреге является то, что для Рассела значениями (meanings) высказываний являются не абстрактные объекты «истина» и «ложь», а пропозиции. А поэтому истина и ложь лишаются своего онтологического статуса.

В критической литературе существует спор о том, как следует переводить английский термин «proposition». Е.Е. Ледников полагает, что данный термин следует переводить как «суждение», ссылаясь на то, что такая традиция сложилась в логике¹⁷⁸. Такого же мнения придерживается П. Куслий¹⁷⁹. Другие исследователи (В. Суровцев, Л. Ламберов) считают такой перевод искажением, поскольку в термине «суждение» содержится оттенок субъективного полагания. «Суждению» соответствуют немецкое «Urteil» и английское «judgement». «Пропозиция» же – это нечто иное, а именно – объективное значение предложения и больше соответствует фрегевскому «Gedanke». Такой подход кажется нам более верным, поскольку это позволяет различать: 1) предложение «Снег бел», 2) суждение (утверждение, полагание), что снег белый (субъективная трактовка определенной мысли как истинной или ложной)¹⁸⁰ и 3) пропозицию как содержание суждения – абстрактный объект, который выражается подчиненным предложением, начинающимся после слова «что». То, что предшествует придаточному предложению со словом «что» обозначается как пропозициональная установка: А утверждает, что p , А полагает, что p , А верит, что p , А отрицает, что p и т.д., где p – это соответствующая пропозиция. Такой же позиции при-

¹⁷⁷ Гедель К. Расселовская математическая логика // Рассел Б. Введение в математическую философию. С. 239.

¹⁷⁸ Ледников Е. Е. Б. Рассел. Философия логического атомизма // Вопросы философии, №7, 2000.

¹⁷⁹ Куслий П. Термин «proposition» в статье Б. Рассела «On Denoting» // Логос, №2, 2005.

¹⁸⁰ Отсюда понятна противоречивость суждения «Идет дождь, но я в это не верю». Если первая часть предложения понимается как суждение, то, в целом, оно противоречиво. Если часть «идет дождь» поставить на место пропозиции: «Я не верю, что идет дождь», то тогда противоречия не возникает.

держивается М.В. Лебедев: «Пропозиция – абстрактный объект. Это информационное содержание полного предложения в изъявительном наклонении. Пропозицией является также содержание подчиненного предложения в утверждениях, заключающих о ментальных состояниях»¹⁸¹. В то же время, следует отметить, что иногда аналитические философы используют термины «предложение», «суждение» и «пропозиция» взаимозаменяемо, что создает определенную путаницу. Например, если утверждается, что «предложение “*p*” соответствует положению дел “*s*”», то имеется в виду, что “*p*” есть не акустический или графический комплекс, и не субъективный акт полагания, а именно пропозиция¹⁸².

В «Философии логического атомизма» Рассел излагает целостный взгляд на мир. Он подчеркивает, что его идеи в области онтологии вытекают из тех теорий, которые он развивает в логике и математике. Свою логику Рассел прямо противопоставляет логике Гегеля, которую он называет монистической. Название «логический атомизм» говорит о том, что в результате анализа Рассел приходит к простым элементам, из которых состоит мир – атомам, только не к физическим, а логическим. Такими атомами, прежде всего, являются индивиды, предикаты и отношения.

По Расселу, мир содержит факты. Факт есть то, что делает истинной пропозицию. Факты принадлежат объективному миру. Факты являются атомарными или молекулярными. Последние выражаются пропозициями, содержащими пропозициональные связи (конъюнкция, дизъюнкция, отрицание и т.д.). Сами факты являются комплексными и состоят из чувственных данных (*sensibilia*). Именно чувственные данные являются атомами логического атомизма¹⁸³. У.В.О. Куайн отмечает, что то, что Рассел называет фактом, есть, по сути, пропозиция в современном смысле, т.е. то же, что Фреге называл «мыслями». Но Рассел

¹⁸¹ Лебедев М.В. Значение, истина, обоснование. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 127.

¹⁸² Подробнее об обсуждении перевода термина «proposition» см. Ламберов Л. Что такое пропозиции? // *Analytica* №1, 2007. Электронный ресурс: <http://www.analytica-journal.org/pdf/2007-01-05.pdf>

¹⁸³ В трактовке чувственных данных (*sense data*) Рассел позднее (в «Человеческом познании») перешел от феноменализма к нейтральному монизму. Хотя уже в «Философии логического атомизма» он заявляет о близости к данной позиции. Отказ от определенной метафизической позиции по вопросу об онтологическом статусе фактов-чувственных восприятий, как поясняет Рассел, является результатом применения «бритвы Оккама».

не хотел, чтобы лингвистические сущности имели реальность, поэтому называл их фактами¹⁸⁴. Это, по Куайну, подтверждается тем, что любой непредубежденный читатель «Философии логического атомизма» обратит внимание на то, как анализ фактов зависит от анализа языка.

Существуют только положительные факты, отрицательных фактов не существует. Каждый факт является комплексным и имеет конститuenty. Например, факт «Сократ любит Платона» имеет Сократа и Платона в качестве конститuent. Кроме того, каждый факт имеет форму. Существует бесконечное число форм фактов. Формой данного факта является отношение xRy , где R – отношение «любит». Члены данного отношения являются индивидами. Индивиды являются сущностями¹⁸⁵. Факты не являются сущностями. Отношения и предикаты не являются индивидами, они являются универсалиями. Рассел особенно подчеркивает то, что в традиционной философии, в основном, обращали внимание на универсалии, которые поименованы прилагательными и существительными («человек», «белый»), но упускали из виду универсалии, которые поименованы глаголами и предлогами. Прилагательные и нарицательные существительные выражают качества и свойства единичных вещей, в то время как предлоги и глаголы выражают отношение между двумя и более вещами. Это, по мнению Рассела, привело к следующей ложной дизъюнкции: или во Вселенной существует только одна вещь (монизм Спинозы, Брэдли), или существует много вещей, которые не могут взаимодействовать друг с другом, так как любое взаимодействие было бы отношением, а отношения невозможны (монадология Лейбница). Универсалии не являются ментальными сущностями. В этом смысле Рассела можно считать умеренным реалистом. Рассел энергично возражает против номиналистического учения о том, что

¹⁸⁴ Quine W. V. Russell's Ontological Development // The Journal of Philosophy, Vol. 63, No. 21, American Philosophical Association Eastern Division Sixty-Third Annual Meeting (Nov. 10, 1966), pp. 664. Published by: Journal of Philosophy, Inc. Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/2024157>.

¹⁸⁵ В данном случае Рассел употребляет англ. слово «entity», что обозначает просто нечто существующее. Существование сущностей как субстанций (essences) Рассел отрицал. Это связано, в т.ч., с его теорией пропозиций. Сущность в философском смысле есть наследие традиционной субъектно-предикатной логики, где предикаты всегда должны принадлежать к какому-то субъекту, который не сводится к совокупности своих предикатов. Логический анализ позволяет избежать постулирования сущностей. Понятия, по Расселу, представляют собой сокращенные дескрипции, которые выражаются с помощью пропозициональных функций. В этой концепции исчезает субъект-субстанция традиционной логики, а вместе с ней понятие сущности, как того, чему приписываются предикаты.

универсалии существуют «в голове». Если универсалии существуют только как «идеи», ментальные сущности, то они перестают быть универсальными. Акт мышления одного человека неизбежно отличается от акта мышления другого человека и даже того же человека, но в другое время: *«Если бы “белизна” была мыслью в противоположность объекту мысли, никакие два различных человека не могли бы размышлять о ней или ни один человек не мог бы размышлять о ней дважды. То общее, что имеют многие различные мысли о белизне, это их объект, и этот объект отличен от них всех. Таким образом, универсалии не есть мысли, хотя, будучи познанными, они являются объектами мысли»*¹⁸⁶. В предложении «Эдинбург находится севернее Лондона» имеется отношение между двумя местами, которое существует независимо от нашего знания о нем. Универсалии субсистентны (subsist), они имеют «бытие», хотя не имеют «существования»:

*«Мир универсалий может быть описан как мир бытия. Мир бытия неизменен, неподвижен, точен, восхитителен для математиков, логиков, создателей метафизических систем и всех, кто совершенство любит больше жизни. Мир существования подвижен, лишен определенности, не имеет четких границ, не обладает четким планом и порядком, но содержит все мысли, все чувственные данные, все физические объекты, все, что может принести добро и зло, все, что придает ценность жизни и миру»*¹⁸⁷.

Решение Расселом логических парадоксов. Важным для онтологии также является решение Расселом логических парадоксов, касающихся классов, таких как «Куча», «Лысый», «каталог всех каталогов» и т.д.¹⁸⁸. В ходе размышлений по поводу этих парадоксов Рассел пришел к теории типов, в которой классы не существуют как реальные сущности, а рассматриваются как символы. Классы Рассел также рассматривает как универсалии, а не как индивиды. Если бы классы рассматривались как индивиды, то тогда реальность бы не только удвоилась, как у

¹⁸⁶ Рассел Б. Проблемы философии// Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009. С. 86-87.

¹⁸⁷ Там же. С. 87.

¹⁸⁸ Парадокс возникает, когда класс может рассматриваться в качестве собственного члена. Допустим, что некая библиотека захотела составить список всех библиографических каталогов, в который входили бы только те каталоги, которые не содержат ссылки на самих себя. Должен ли такой каталог включать ссылку на самого себя? Положительный или отрицательный ответ дает противоречие.

Платона, но и умножилась до бесконечности: классы классов, классы классов классов и т.д.

Обычно класс не является членом самого себя. Класс всех чайных ложек не является чайной ложкой¹⁸⁹. Противоречие возникает, когда допускаются классы, которые являются членами самих себя. Примером является античный парадокс «Лжец»¹⁹⁰. Данный пример разрешается Расселом с помощью теории типов. Согласно этой теории, существует иерархия типов. Тип определяется как «область значимости пропозициональной функции, т.е. как совокупность аргументов, для которых данная функция имеет значения»¹⁹¹. В соответствие с этим, Рассел выделяет пропозиции первого порядка, например «Все критяне лжецы». Данная пропозиция имеет в качестве аргумента критян. Когда Эпименид утверждает, что все критяне лжецы, он утверждает пропозицию второго порядка, т.е. по сути, он утверждает: «Все пропозиции первого порядка, утверждаемые мною, ложны». Аргументом пропозиции второго порядка будет пропозиция первого порядка. Парадокс возникает из смешения пропозиций первого и второго порядка, которые имеют разные области значений для аргументов. Ошибка парадокса «Я лгу» заключается в утверждении: «Я делаю утверждение о пропозиции n -порядка и она ложная» без того, чтобы утверждать пропозицию n -порядка.

Проблема бытия пропозиций. Каким типом бытия обладают пропозиции? Вопросом об онтологическом статусе пропозиции Рассел задается в разделе 2 главы IV «Философии логического атомизма» «Каков статус p в «Я убежден, что p ». По Расселу, нельзя сказать, что вы убеждены в фактах, поскольку ваши убеждения могут оказаться ложными (а ложных фактов не бывает). Должно говорить, что вы убеждены в пропозициях. Но в этот период Рассел, по-видимому, изменил свою позицию по поводу онтологического статуса пропозиций, в чем он и сам признается. Если раньше он был склонен, как и Фреге, считать их некими особыми сущностями, то теперь он теперь он полагает, что неправомерно говорить, что вдобавок к фактам, существуют еще и такие странные призрачные вещи типа «что сегодня среда». Рассел называет

¹⁸⁹ Отрицательные классы являются исключениями: класс всех вещей, которые не являются чайными ложками, также не является чайной ложкой.

¹⁹⁰ В простой форме он выражается как «Я лгу». С точки зрения традиционной логики, данное предложение нарушает закон непротиворечия, так как если оно истинно, то в нем утверждается ложь, если оно ложно, то по закону двойного отрицания оно истинно.

¹⁹¹ Рассел Б. Введение в математическую философию. С. 37

пропозицию символом¹⁹². Онтологически, пропозиции суть ничто. В отличие от фреговской мысли, Рассел не считает пропозицию вечной и неизменной, наподобие «лектона» стоиков. Пропозиция может быть истинной или ложной, в зависимости от факта, который делает ее истинной или ложной. Рассел не называет факт значением пропозиции, поскольку в случае ложной пропозиции она не указывает ни на какой факт. Тем не менее, пропозиция «указывает на» («refers to») свой объективный коррелят. Допустим, я вызываю образ комнаты, которая мне известна, и у меня образ окна находится слева от образа камина¹⁹³. В этом случае объективный коррелят состоит из окна и камина и отношения между ними. Т.е. структура пропозиции и структура фактов соотносятся определенным образом. По Расселу, истина заключается в корреспонденции между ними:

«Объективный коррелят пропозиции состоит из значений его конституентных образов, находящихся (или, что тоже может быть, не находящихся) в том же самом отношении, как и то, что имеет место между конституентными образами в пропозиции. Когда объективный коррелят заключает то же самое отношение, пропозиция является истинной; когда объективный коррелят не заключает того же самого отношения, пропозиция является ложной... Всегда существует тот или другой из этих двух возможных объективных коррелятов, а стало быть, пропозиция всегда является либо истинной, либо ложной»¹⁹⁴.

Рассел признает, что такая идиллическая простота корреспонденции бывает редкой. Например, отношение пропозиций с отрицательными фактами не является таким простым. К тому же, отношение пропозиции и факта многократно усложняется, когда мы переходим к более сложным типам пропозиций: дизъюнктивным, гипотетическим и т.д. Рассел подчеркивает, что истинность и ложность первично являются свойствами пропозиций, а не убеждений. Производно мы называем убеждение истинным, когда оно представляет собой убеждение в истинной пропозиции.

¹⁹² «Пропозиция есть только символ. Она представляет собой комплексный символ в том смысле, что состоит из частей, также являющихся символами». Рассел Б. Философия логического атомизма// Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009.С. 129.

¹⁹³ Рассел различает образную пропозицию (image proposition) как пропозицию, состоящую из образов и словесную пропозицию (word proposition).

¹⁹⁴ Рассел Б. О пропозициях// Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009.С. 253.

В целом, заслугой Рассела считают то, что он показал успешный пример решения традиционных философских проблем с помощью анализа языка. Не во всем его проекты оказались успешными. Денотативная семантика Рассела, во многом, не нашла последователей, и философам, после Куайна, снова пришлось ввести различие значения и референции. То же касается его проекта сведения всей математики к логике. Но неудача этого проекта не помешала Расселу успешно использовать математическую логику при решении философских задач. Многие исследователи считают Рассела аналитическим философом *par excellence*. Он заложил основы определенного типа философствования, который характерен для современной академической аналитической философии: точность формулировок, строгость выводов, тщательный анализ и детальное обсуждение проблем, нацеленность на решение конкретных, пусть и небольших, задач. Идея Рассела построить онтологию на базе логики получила дальнейшее развитие в АФ. На онтологию фактов Рассела, во многом, повлиял ранний Витгенштейн, рассмотрению идей которого посвящена следующая глава.

ГЛАВА 4. ФИЛОСОФИЯ «ТРАКТАТА» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Философия Витгенштейна до сих пор привлекает внимание отечественных и зарубежных философов¹⁹⁵. Творчество Витгенштейна принято делить на два периода. Первый связан с написанием «Логико-философского трактата (1919), второй с «Философскими исследованиями» (1945). Поскольку в данном пособии нас интересует, преимущественно, ранний период АФ, то предметом нашего исследования станет именно философия Трактата.

«Логико-философский трактат» является одним из самых влиятельных философских произведений в мировой философской литературе¹⁹⁶. И это несмотря на то, что сам Витгенштейн позже во многом пересмотрел собственные взгляды, изложенные в Трактате. Трактат читается и переиздается. Ему посвящен ряд монографий. Особенностью данного философского произведения является то, что он состоит из тезисов, которые Витгенштейн не считает нужным подробно аргументировать. Неаргументированность тезисов ведет к тому, что Трактат имеет множество интерпретаций.

Язык, логика, реальность. Во введении к английскому изданию Трактата Рассел писал, что основная идея произведения состоит в том, чтобы построить символизм, который стал бы условием для создания

¹⁹⁵ Витгенштейну посвятили ряд монографий отечественные исследователи: А.Ф. Грязнов («Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна», 1985, «Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства», 2009), З.А. Сокулер (Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в.: Курс лекций, 1994.). Зарубежные монографии и статьи исчисляются десятками и сотнями.

¹⁹⁶ Основная тенденция Трактата (которая заключается в сведении семантических проблем к синтаксическим) является привлекательной современных философов, которые занимаются т.н. «формальной философией». Термин «формальная философия» является устоявшимся и используется для обозначения определенного метода, родоначальниками которого стали Фреге, Рассел и Витгенштейн. С помощью формального анализа мы не решаем никакие философские проблемы, мы проясняем их: выявляем онтологические обязательства, которые предполагает данное учение, и те следствия, которые вытекают из его принятия. У Рассела любая философская проблема при должном прояснении будет или нефилософской или логической. Тем не менее, большинство современных философов считают такую точку зрения слишком радикальной. Среди работ отечественных философов, написанных в русле формальной философии, можно назвать: Васюков В.Л. Формальная феноменология, М.: Наука, 1999, Васюков В.Л. Формальная онтология. М: ИФ РАН, 2006, Драгалина-Черная Е.Г. Формальные онтологии: аналитическая реконструкция. М., 2000.

логически совершенного языка. Главный вопрос: какое отношение должен один факт (такой как предложение) иметь к другому факту, чтобы быть символом для этого факта¹⁹⁷. На практике, пишет Рассел, наш язык неясен, неточен. Логически совершенный язык имеет правила синтаксиса, которые не допускают бессмыслицу, и символы такого языка имеют строго определенное значение. Наш язык не совершенен, и мы не можем создать совершенный язык, но основная функция языка – иметь значение – выполняется настолько, насколько он приближается к этому идеальному и совершенному языку.

Витгенштейн считал, что такая интерпретация не соответствует замыслу Трактата. Зачем создавать совершенный язык, когда каждый язык, в сущности, совершенен и самодостаточен. Витгенштейн полагал, что в языке уже все показано, язык должен говорить сам за себя. Из-за подобного отношения стиль Витгенштейна часто сравнивают со стилем Хайдеггера, который также полагал, что необходимо прислушиваться к языку, и он сам раскроет все тайны бытия.

4.002. «Человек обладает способностью строить язык, в котором можно выразить любой смысл, не имея представления о том, как и что означает каждое слово»¹⁹⁸.

5.473. «Логика должна сама о себе позаботиться».

Задача, по Витгенштейну, состоит не в том, чтобы создать новый язык, а в том, чтобы исследовать сущность, внутреннюю структуру языка. Каждый язык уже обладает своей логикой: «в некотором смысле мы не можем делать ошибок в логике» (5.473). В дневниковых записях, предшествующих, опубликованию Трактата, он пишет, что если Фреге считал, что любое правильно сформированное предложение должно иметь смысл, то «я говорю: любое возможное предложение является правильно сформулированным, и если оно не имеет смысла, это происходит от того, что мы не придали смысла его определенным частям. Даже если мы полагаем, что мы сделали это» (22.8.14)¹⁹⁹. Эту же мысль он продолжает в Трактате:

¹⁹⁷ Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. First published by Kegan Paul (London), 1922. side - by- side- by- side edition, version 0.28 (November 4, 2012), p.1

¹⁹⁸ Здесь и далее русский текст «Логико-философского трактата цитируется по изданию: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. — М.: Наука, 1958.

¹⁹⁹ Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916. Harper and brothers publishers. New-York, 1961. P. 2

3.031. *Когда-то говорили, что бог может создать все, за исключением того, что противоречит законам логики. Мы не могли бы сказать о каком-либо "нелогическом" мире, как он выглядит.*

3.032. *Изобразить в языке нечто "противоречащее логике" так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством ее координат изобразить фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты несуществующей точки.*

5.473. *«Возможный знак тоже должен быть способен обозначать. Все то, что в логике возможно, является также дозволенным. ("Сократ тождествен" ничего не означает потому, что нет свойства, называемого "тождественный". Предложение бессмысленно потому, что мы не дали некоторого произвольного определения, а не потому, что символ сам по себе не дозволен)».*

Витгенштейн различает то, что язык выражает (отображает), и то, что язык показывает. Если язык выражает отношение между фактами, то как он это делает, само не выражается в языке – он это показывает:

4.121. *«Предложения не могут изобразить логическую форму, она отражается в них. Язык не может изображать то, что само отражается в языке. Мы не можем выразить языком то, что само выражается в языке. Предложение показывает логическую форму действительности. Оно выявляет ее».*

С этих позиций Витгенштейн считает, что говорить о том, что предложение имеет субъектно-предикатную форму, или выражается с помощью логических функций, как у Фреге и Рассела, бессмысленно. Точнее, это невозможно выразить – язык сам показывает свою форму, а в его форме – саму реальность. Он спрашивает, почему мы считаем, что предложение «А есть благо» является предложением субъектно-предикатной формы, а предложение «А ярче, чем В» является предложением с отношением? Единственный ответ, который здесь возможен – самоочевидность. Но Витгенштейн считает, что эта очевидность «чрезмерно сомнительна»²⁰⁰.

5.4731. *Самоочевидность, о которой так много говорил Рассел, в логике может стать лишней только благодаря тому, что язык сам предотвращает каждую логическую ошибку. Априорность логики заключается в том, что нельзя нелогически мыслить.*

²⁰⁰ Там же. С. 3

А.Ф. Грязнов отмечает, что в этот период Витгенштейну был присущ безграничный оптимизм в отношении возможностей логики, своеобразный логический фетишизм. В логике все закономерно, нет ничего неожиданного. Ошибки являются принципиально недопустимыми. Нет необходимости ссылаться на обманчивую самоочевидность. Любой знак что-то обозначает²⁰¹.

Свое видение основной цели Трактата Витгенштейн излагает во введении:

«Книга излагает философские проблемы и показывает, как я полагаю, что постановка этих проблем основывается на неправильном понимании логики нашего языка. Весь смысл книги можно выразить приблизительно в следующих сливах: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать. Следовательно, книга хочет поставить границу мышлению, или скорее не мышлению, а выражению мыслей, так как для того, чтобы поставить границу мышлению, мы должны были бы мыслить обе стороны этой границы (следовательно, мы должны были бы быть способными мыслить то, что не может быть мыслимо).

Эту границу можно поэтому установить только в языке, и все, что лежит по ту сторону границы, будет просто бессмыслицей».

В этих словах уже заявлено основное кредо Витгенштейна. Следуя Расселу и Фреге, которым он выражает далее особую признательность, Витгенштейн видит задачу философии в прояснении логики нашего языка. Многие проблемы философии являются просто псевдопроблемами при правильном логическом прояснении наших понятий. Также в этом отрывке выражено стремление сделать философию максимально ясной. О чем невозможно говорить – т.е. то, что нельзя прояснить средствами формального анализа нашего языка, следует молчать.

В намерения Витгенштейна не входило открытие нового; вводные утверждения «Трактата» совпадают по своему содержанию с тем, что в современном западном обществе именуется «здравым смыслом». Витгенштейн с самого начала попытался дать точную формулировку этого содержания, закрепить прозрачным и однозначным образом узус таких слов как мир, происходить, факт, положение вещей, вещь, предмет.

Во второй части процитированного фрагмента Витгенштейн пишет о том, что хочет поставить границу мышлению. Такой подход отсылает

²⁰¹ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. – М.: Высшая школа, 2006. С. 91-94.

нас к Канту, который также считал, что задача философии состоит в том, чтобы исследовать границы нашего познания. На близость исходной установки Витгенштейна к Канту указывают многие исследователи²⁰², но на этом сходство заканчивается. Как увидим, Витгенштейн, по сути, элиминирует субъекта и всю эпистемологическую проблематику из логико-философского рассмотрения, что прямо противоположно духу кантовской философии. Новизной Трактата является то, что заявлено в последнем предложении, а именно, что границу мышления можно установить только в языке. Это новый шаг по сравнению с Фреге и Расселом, которые рассматривали, прежде всего, мышление, а язык считали лишь символическим средством для выражения мышления. Витгенштейн придает языку гораздо большую значимость. Язык определяет мышление: то, что можно помыслить ясно, то можно выразить в языке, и только то, что можно ясно выразить в языке, можно помыслить. В этом смысле, именно после Трактата можно говорить о лингвистическом повороте в философии XX века. Начиная с Витгенштейна, логический анализ и анализ языка в аналитической философии стали неотделимы. Это является характерной чертой АФ и по сей день.

Как отмечает А. Маслоу, основная цель Трактата заключается в том, чтобы выявить формальные требования для построения правильной системы языка и познания, в целом²⁰³. И не только для построения познания, но и всего мира. Язык и мир связаны внутренними отношениями: мы не можем рассматривать мир отдельно от той перспективы, которая задается языком. Язык, в свою очередь, связан с логикой. Таким образом, мир, логика и язык образуют неразрывное единство:

5.61. «Логика наполняет мир; границы мира являются также ее границами. Поэтому мы не можем говорить в логике: это и это существует в мире, а то – нет. Ибо это, по-видимому, предполагало бы, что мы исключаем определенные возможности, а этого не может быть, так как для этого логика должна была бы выйти за границы мира: чтобы она могла рассматривать эти границы также с другой стороны. То, чего мы не можем мыслить, того мы мыслить не мо-

²⁰² Morris Engel S. Wittgenstein and Kant// Philosophy and Phenomenological Research, Vol. 30, No. 4 (Jun., 1970), pp. 483-513 Published by: International Phenomenological Society

Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/210563>

²⁰³ Maslow A. A study in Wittgenstein's Tractatus. University of California Press, Los Angeles, 1961. P. 1.

жем; мы, следовательно, не можем и сказать того, чего мы не можем мыслить».

Как отмечает З.А. Сокулер, все рассуждения Витгенштейна о мире априорны и не являются обобщениями эмпирических наук²⁰⁴. Это связано с тем, что содержанием рассуждения является логика, а все, что связано с логикой, априорно. Исходным элементом онтологии мира являются факты, т.е. комплексные события:

1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей.

1.11. Мир определен фактами и тем, что это все факты.

Среди всех фактов Витгенштейн особо выделяет атомарные факты, т.е. факты, которые далее неразложимы на другие факты. Атомарные факты составлены из объектов:

2.01. Атомарный факт есть соединение объектов (вещей, предметов).

Атомарному факту в языке соответствует атомарное высказывание, которое Витгенштейн называет элементарным:

4.21. Простейшее предложение, элементарное предложение, утверждает существование атомарного факта.

Витгенштейн не определяет, что является элементарным предложением, но поясняет, что признаком элементарного предложения является то, что ни одно элементарное предложение не может ему противоречить.

4.22. Элементарное предложение состоит из имен. Оно есть связь, сцепление имен.

Поскольку имена обозначают все объекты, которые существуют, то:

4.26. Указание всех истинных элементарных предложений полностью описывает мир. Мир полностью описывается указанием всех элементарных предложений вместе с указанием того, какие из них истинны, а какие ложны.

Для разъяснения своей позиции Витгенштейн использует метафорические выражения, например, логическое пространство. Каждая пропозиция имеет определенное место в логическом пространстве, и если дано одно предложение, то вместе с тем уже дано все логическое про-

²⁰⁴ Сокулер. З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в.: Курс лекций. – Долгопрудный: Алегро-Пресс, 1994. Электронный ресурс: http://philosophy.ru/library/witt/sokuler/sokuler_witt.html#_Toc83549802

странство, поскольку оно является конечным и определенным: каждому предложению определена своя точка в логическом пространстве (3.42).

Витгенштейн рассматривает предложения как образы (а не как знаки) реальности:

3.1431. Сущность пропозиционального знака станет очень ясной, если мы будем представлять себе его составленным не из письменных знаков, а из пространственных объектов (например, столов, стульев, книг). Пространственное взаиморасположение этих вещей выразит тогда смысл предложения.

2.14. Образ состоит в том, что его элементы соединяются друг с другом определенным способом.

В дневниковых записях он приводит в пример иероглифическое письмо как суть любого предложения. Рассмотрим следующую фигуру:

В иероглифическом письме каждое слово есть репрезентация того, что оно обозначает. Если правая фигура на рисунке представляет человека А, вторая – человека В, то можно утверждать, что «А фехтует с В».

3.1432. Мы не должны говорить: "Комплексный знак "aRb" означает, что a находится в отношении R к b", но должны говорить: "то, что "a" стоит в определенном отношении к "b", означает, что aRb".

Витгенштейн очищает понятие «образ» от всего психологического. Образ есть образ факта (2.1), но он сам также есть факт (2.141). Так Витгенштейн пытается избежать ловушки, в которую попадают все теории соответствия – то, что соответствие устанавливается между принципиально разными родами действительности.

Полностью проанализированное предложение должно представлять свое значение. Структуру факта показывает логическая структура пропозиции, поэтому логическая структура имеет образный характер:

2.182. Каждый образ есть также логический образ. (Напротив, не каждый образ есть, например, пространственный образ.)

2.19. Логический образ может отображать мир.

2.2. Образ имеет общим с отображаемым логическую форму отображения.

2.151. Форма отображения есть возможность того, что предметы соединены друг с другом так же, как элементы образа.

2.1511. Так образ связан с действительностью; он достаёт до нее.

2.16. Чтобы быть образом, факт должен иметь нечто общее с тем, что он отображает.

Отношение отображения принадлежит образу имманентно:

2.161. В образе и в отображаемом должно быть нечто тождественное, чтобы первый вообще мог быть образом второго.

2.17. То, что образ должен иметь общим с действительностью, чтобы он мог отображать ее на свой манер – правильно или ложно, – есть его форма отображения.

2.172. Но свою форму отображения образ не может отображать. Он ее обнаруживает.

2.174. Но образ не может выйти за пределы своей формы изображения.

Проблема истины. В Дневниках Витгенштейн формулирует следующий тезис. Чтобы сделать утверждение о чем-либо вообще, мы должны знать, при каких условиях оно может быть истинным: «предложение выражает то, что я не знаю, но то, что я должен знать, чтобы вообще мочь высказать его, я показываю в нем» (24.10.14)²⁰⁵. В Трактате Витгенштейн пересматривает эту точку зрения. Предложение имеет смысл независимо от того, знаем ли мы его истинность или нет.

Также, следуя за Расселом, Витгенштейн не считает истину и ложь какими-то объектами:

4.441. Ясно, что комплексу знаков "Л" и "И" не соответствует никакой объект (или комплекс объектов); не более, чем горизонтальным и вертикальным линиям или скобкам соответствуют какие-либо объекты. Не существует "логических объектов". Аналогично, конечно, и для всех знаков, выражающих то же самое, что и схемы "И" и "Л".

Из этих фрагментов многие исследователи делают вывод, что Витгенштейн в этот период придерживался корреспондентской теории истины, и даже рассматривают Трактат как парадигмальный пример такой теории. Но существуют возражения против такой интерпретации. Как полагает Х. Глок, Витгенштейн, говоря об изоморфизме между

²⁰⁵ Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916. Harper and brothers publishers. New-York, 1961. P. 18

языком и реальностью, имеет в виду корреспондентскую теорию не истины, но смысла.

2.221. То (в действительности), что образ изображает, есть его смысл.

В. Ладов отмечает, что понимание термина смысл у Витгенштейна отличается от фреговского и гуссерлевского тем, что этот термин не предполагает никаких онтологических обязательств²⁰⁶. Смысл есть логическая форма действительности:

4.022. Предложение показывает свой смысл.

4.121. Предложение показывает логическую форму действительности.

Но поскольку логическая форма действительности не может быть зафиксирована в языке (об этом нельзя говорить, а можно только показать) и вообще попасть в поле исследования в качестве отдельного предмета, постольку вопрос об онтологическом статусе смысла некорректно поставлен.

2.222. Но истинность или ложность предложения состоит в соответствии его смысла действительности.

Данное предложение может быть интерпретировано как выражение корреспондентской теории истины. Однако версия корреспондентской теории истины у Витгенштейна своеобразна. В процитированном отрывке «предложение» и «действительность» не следует толковать в обычном смысле. Для Витгенштейна предложения и действительность суть факты. Поэтому есть соответствие факта «предложения» и факта «реальность», между которыми есть отношение структурного логического изоморфизма. Джонстон формулирует теорию истины Трактата следующим образом:

«Предложение S истинно тогда и только тогда, когда оно изоморфно тому, что оно отображает»²⁰⁷.

2.22. Образ изображает то, что он изображает, независимо от своей истинности или ложности, через форму отображения.

Однако согласно образной теории предложения, которую развивает Витгенштейн, любое значимое предложение является образом реально-

²⁰⁶ Ладов В.А. Об употреблении «Sinn» в «Трактате» Витгенштейна. Электронный ресурс: fsf.tsu.ru/faculty/philosophy/caf/otksp/prepods/ladov/sinn.pdf

²⁰⁷ Цит. по: Glock Hans Johann Truth in the Tractatus// Synthese, Vol. 148, No. 2 (Jan., 2006), pp. 345-368 Published by: Springer Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/20118694>

сти. Все значимые предложения, а не только истинные, изоморфны тому, что они отображают. Таким образом, изоморфизм гарантирует лишь, что предложение обладает условиями истинности, но не то, что оно удовлетворяет им.

Х. Глок предлагает такую интерпретацию понятия истины в Трактате:

«Предложение S истинно тогда и только тогда, когда существует возможное положение дел x такое, что S изображает x, и x имеется (obtains).»²⁰⁸.

Как отмечает Д. Вайсманн, сам термин «Tatsache», который в русском тексте переводится как факт, онтологически нейтрален²⁰⁹. Факт может быть действительным, а может быть возможным положением дел:

2.0121. Логика трактует каждую возможность, и все возможности суть все факты.

Атомарные факты также могут рассматриваться как возможные положения дел:

3.0321. Мы можем, пожалуй, пространственно изобразить атомарный факт, противоречащий законам физики.

То, что противоречит законам физики, явно не есть реальность. Реальному миру соответствует тотальность положений дел:

2.04. Совокупность всех существующих атомарных фактов есть мир.

Отметим, что в этом месте существует разночтение. В русском переводе, также как и в английском переводе Огдена/Рамсея, используется термин «атомарный факт». В английском переводе Пирса/МакГиннеса, вместо атомарных фактов используется термин «положение дел» (state of affairs), более точно соответствующий немецкому Sachverhalte²¹⁰. И хотя *fact* происходит от *лат. fascere, делать*, термин «положение дел» более онтологически нейтрален.

²⁰⁸ Там же. С. 363.

²⁰⁹ Weissman D. Ontology in the Tractatus //Philosophy and Phenomenological Research, Vol. 27, No. 4 (Jun., 1967), pp. 475-501 Published by: International Phenomenological Society <http://www.jstor.org/stable/2105792>

²¹⁰ Ср. все три варианта: немецкий оригинал и два английских перевода: Die Gesamtheit der bestehenden Sachverhalte ist die Welt/The totality of existing state of affairs is the world/The totality of existent atomic facts is the world.

Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus First published by Kegan Paul (London), 1922. side - by- side- by- side edition, version 0.28 (november 4, 2012), p.15

Существующий в возможности мир – логический мир:

1.13. Факты в логическом пространстве суть мир.

Возможный мир населяют объекты, которые, не являются объектами в физическом смысле:

2.0123. Если я знаю объект, то я также знаю все возможности его вхождения в атомарные факты. (Каждая такая возможность должна заключаться в природе объекта.)

2.0124. Если даны все объекты, то этим самым даны также и все возможные атомарные факты.

2.0232. Между прочим: объекты бесцветны.

Это можно интерпретировать так, что существует возможный мир – сумма всех возможных комбинаций объектов и положений дел, и наш мир – в котором реализована только некоторая часть возможностей.

Антисубъективизм Трактата. 3. Сокулер отмечает, что в описываемой Витгенштейном системе отсутствует субъект – тот, кто понимает смысл образов. Смысл существует сам по себе. Для Витгенштейна существует только один мир и один язык, соответствующий этому миру. Но такая точка зрения отнюдь не является наивным реализмом. Сам Витгенштейн свою позицию называл близкой к солипсизму:

5.62. Это замечание дает нам ключ к решению вопроса о том, а какой мере солипсизм является истиной. То, что в действительности подразумевает солипсизм, вполне правильно, только это не может быть сказано, а лишь показывает себя. Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира.

5.63. Я есть мой мир (микрокосм).

Язык Витгенштейна полностью игнорирует коммуникацию. Язык есть мой язык, а не наш язык:

Что мне до истории? Первый и единственный мир есть для меня²¹¹.

Я есть мой мир²¹².

При этом для Витгенштейна «Я» отнюдь не есть эмпирическое «Я» психологии.

5.641. Следовательно, действительно имеется смысл, в котором в философии можно не психологически говорить о Я.

²¹¹ Там же 82.

²¹² Там же 84.

Я выступает в философии благодаря тому, что "мир есть мой мир".

Философское Я есть не человек, человеческое тело и человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница – а не часть мира.

Но, как отмечает, Я. Хинтикка, концепция раннего Витгенштейна далека от солипсизма в его традиционном понимании²¹³. Дело в том, что границы языка для Витгенштейна не только определяют границы мира, но и границы моего Я:

5.631. Мыслящего, представляющего субъекта нет. Если я пишу книгу "Мир, как я его нахожу", в ней должно быть также сообщено о моем теле и сказано, какие члены подчиняются моей воле и какие – нет и т. д. Это есть, собственно, метод изоляции субъекта, или скорее, показа, что в некотором важном смысле субъекта нет, т.е. о нем одном не может идти речь в этой книге.

5.632. Субъект не принадлежит миру, но он есть граница мира.

Единственные границы, которые я не могу пересечь есть границы моего языка. Поэтому границы субъекта (трансцендентального, философского субъекта) есть также границы моего языка.

5.541. На первый взгляд, кажется, будто предложение может также входить в другое и другим способом. В особенности в определенных формах предложений психологии, как "А думает, что р имеет место" или "А мыслит р". Здесь на первый взгляд кажется, что предложение р как будто стоит к объекту А в каком-то отношении. (Так понимались эти предложения и в современной теории познания (Рассел, Мур и т. д.).)

5.542. Но ясно, что "А мыслит р", "А говорит р" являются предложениями формы: "р говорит р"; и здесь мы имеем не координацию факта и объекта, а координацию фактов посредством координации их объектов.

5.633. Где в мире можно заметить метафизический субъект? Вы говорите, что здесь дело обстоит точно так же, как с глазом и полем зрения. Но в действительности вы сами не видите глаза. И не из чего в поле зрения нельзя заключить, что оно видится глазом.

²¹³ Hintikka J. On Wittgenstein's `Solipsism'/Mind, New Series, Vol. 67, No. 265 (Jan., 1958), pp. 88-91 Published by: Oxford University Press Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/2251341>.

Можно возразить, что если это верно для зрения, то неверно для мысли. Мышлению свойственно иногда делать объектом самого себя. Но, как отмечает Я. Хинтиikka, это возражение не затрагивает Витгенштейна. Если философский субъект есть тотальность пропозиций, то он не может относиться (*refer to*) к самому себе, поскольку, как сказано в Трактате:

3.332. Ни одно предложение не может высказывать что-либо о самом себе, потому что пропозициональный знак не может содержаться в самом себе (это есть вся "теория типов").

Можно даже сказать, что у Витгенштейна присутствует солипсизм «наоборот». Если в традиционном солипсизме существует только «мое», за границы которого невозможно выйти, то у Витгенштейна во всем мире невозможно найти «Я», потому что оно за границами этого мира:

5.64. Здесь видно, что строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом. Я солипсизма сокращается до непротяженной точки, и остается соотношенная с ним реальность.

Антисубъективистская установка Витгенштейна является продолжением антипсихологизма его учителя Г. Фреге. В этом смысле Витгенштейн заложил основы тенденции современной аналитической философии рассматривать мир исключительно в объективных терминах. Но это не возврат к эмпиризму Нового времени, а новая попытка синтеза субъективного и объективного. Здесь позиция Витгенштейна близка к Гуссерлю, который в своем призыве «Назад, к вещам!» также пытался избежать солипсизма, с одной стороны, и наивного материализма, с другой. Как отмечает Х. Слуга, Витгенштейн начинает с чисто объективного мира: мира, состоящего из простых объектов и объединенных в сложные факты – того, что полностью описывается в терминах естественнонаучного знания. Но в процессе рассуждения он приходит к тому, что объективный мир конкретизируется только как мир субъекта, описываемый в языке субъекта²¹⁴. Однако эта субъективность не входит в мир, оставаясь на его границе. Если субъект является частью мира, то тогда он должен будет стать простым объектом или комплексом. Но он не является ни тем, ни другим. Поэтому Витгенштейн изолирует субъект за пределами мира. Но такая точка зрения есть трансцендентализм.

²¹⁴ Sluga H. Subjectivity in the "Tractatus" // *Synthese*, Vol. 56, No. 2, Ludwig Wittgenstein: Proceedings of a Conference Sponsored by the Austrian Institute, New York, Part I (Aug., 1983), pp. 123-139 Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/20115896>.

Слуга отмечает влияние на Витгенштейна идей Шопенгауэра, который различал два взгляда на «Я». Первый – научный – ставит «Я» среди других объектов. Второй – философский – рассматривает «Я» как чистый субъект, для которого тело есть манифестация Воли. Эта позиция приводит Шопенгауэра от философии к искусству и, в конечном счете, к мистицизму – тому, что лежит «за пределами всякого познания».

Проблема философского знания. Точно также за границами этого мира остаются все метафизические понятия. Это приближает нас к определению того, что Витгенштейн понимал в Трактате под философией.

Во-первых, Витгенштейн ставит философию вне конкретно-научного познания:

4.111. Философия не является одной из естественных наук. (Слово "философия" должно означать что-то стоящее над или под, но не наряду с естественными науками.)

Это относится к любой науке или научной теории.

4.1121. Психология не ближе к философии, чем любая другая естественная наука.

4.1122. Дарвиновская теория имеет не большие отношения к философии, чем любая другая естественно-научная гипотеза.

В этом смысле определение философии Витгенштейна нельзя назвать сциентистским.

Во-вторых, Витгенштейн формулирует понимание философии как методологии, а не как теории. Эта методология направлена на то, чтобы прояснить наши мысли:

4.112. Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия не теория, а деятельность. Философская работа состоит по существу из разъяснений. Результат философии – не некоторое количество "философских предложений", но прояснение предложений. Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми.

Можно ли полагать, что в таком определении философия есть то, чем занимались Сократ и Платон? Ведь они также занимались прояснением наших понятий о мире, познании, человеке. Но такое сравнение только видимость:

4.114. Философия должна ставить границу мыслимому и тем самым немислимому. Она должна ограничивать немислимое изнутри через мыслимое.

4.115. Она означает то, что не может быть сказано, ясно показывая то, что может быть сказано²¹⁵.

Задача философии говорить только то, что может быть сказано «ясно»:

4.116. Все то, что вообще может быть мыслимо, должно быть ясно мыслимо. Все то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано.

Поэтому Витгенштейн отвергает традиционную метафизику и делает категорическое заключение:

6.53. Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, – следовательно, кроме предложений естествознания, т. е. того, что не имеет ничего общего с философией, и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях. Этот метод был бы неудовлетворителен для нашего собеседника – он не чувствовал бы, что мы учим его философии, но все же это был бы единственный строго правильный метод.

В таком виде данная позиция в отношении предмета философии стала основным кредо логического позитивизма, который впоследствии развил антиметафизическую программу Витгенштейна.

Но установка Витгенштейна отличается от позитивистской тем, что он признает то, что он называет «мистическим»:

6.522. Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно показывает себя; это – мистическое.

Понятие мистического занимает особое место в системе раннего Витгенштейна. Мистическое – это то, что мы знаем, чувствуем, но не можем (не имеем права) выразить. Завершенное понимание этого понятия содержится в Трактате. Еще Дневниках Витгенштейн отводит значительное место рассуждениям экзистенциального характера. Он пишет о понятии Мира в целом, Судьбы, Бога, добра и зла, счастья:

«Мир не зависит от моей воли... Существует только логическая связь между мной и миром, которая выступает как неумолимая судьба.... Человек осуществляет цель своего существования, если он не

²¹⁵ Ср. у Гераклита: «Государь, чей оракул находится в Дельфах, не говорит и не скрывает, но знаками указывает».

нуждается ни в какой другой цели, кроме существования... Мы зависим от Бога... Бог есть судьба, или что тоже самое – мир, который существует независимо от нашей воли... Я могу сделать себя независимым от судьбы... Человек который счастлив, осуществляет смысл жизни... Добра и зла не существует... Счастливый человек не должен бояться ничего, даже смерти... Только тот, кто живет в настоящем, счастлив. Для жизни в настоящем нет смерти... Смерть не есть событие жизни. Она не есть факт мира... Живи счастливо!»²¹⁶. И далее: «Этика не имеет дело с миром. Этика есть состояние мира. Этика и эстетика есть одно»²¹⁷. Он поясняет эту связь: произведение искусства есть объект, который может рассматриваться с точки зрения вечности, а благая жизнь есть рассмотрение мира с точки зрения вечности.

Но уже в Трактате подобные рассуждения Витгенштейном выносятся за пределы познаваемого. В письме издателю Витгенштейн признавался, что его книга состоит из двух частей: первая – та, что написана, и вторая – та, что не написана, о чем в книге автор умолчал. Та часть, которая не написана, посвящена этике. И о ней как раз следует молчать, так как при должном анализе все этические проблемы обнаружатся как псевдо проблемы.

Возможно, на Витгенштейна повлияли идеи Рассела, изложенные в статье «Мистицизм и логика», написанной им в 1917 г. Рассуждениям об этике, смерти, Боге Витгенштейн посвящает несколько пассажей в конце Трактата. Мистическое, если оно и существует, не может быть выражено в языке:

6.42. *Не может быть никаких предложений этики. Предложения не могут выражать ничего высшего.*

6.421. *Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна.*

6.44. *Мистическое не то, как мир есть, но то, что он есть.*

6.45. *Созерцание мира *sub specie aeterni* есть его созерцание как ограниченного целого. Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое.*

6.5. *Для ответа, который не может быть высказан, не может быть высказан вопрос. Загадки не существует. Если вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно также и ответить.*

²¹⁶ Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916. Harper and brothers publishers. New-York, 1961. P. 73-75

²¹⁷ Там же. С. 77.

Но в понимании мистицизма между Витгенштейном и Расселом есть принципиальное разногласие. Если Рассел считал, что философия должна быть отделена от мистического, то Витгенштейн полагал, по видимому, что философия сама по себе есть нечто мистическое – то, что не может быть сказано. К этому подводит заключительный пассаж Трактата:

6.54. Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как он взберется по ней наверх). Он должен преодолеть эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир.

Витгенштейн тем самым хочет показать, что дойдя до границ логики, мы понимаем, что сама логика была только способом понять пределы нашей логики, что, на самом деле, мир невыразим и неизъясним:

7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Наследие Трактата и АФ. К какому рубежу приводит аналитическую философию Витгенштейн? В советской философии было принято отождествлять философию раннего Витгенштейна с логическим позитивизмом. В частности, И.С. Нарский считал его, наряду с М. Шликом и Р. Карнапом, основателем неопозитивизма²¹⁸. Однако некоторые современные исследователи считают такую точку зрения ошибочной и называют сходство между позицией Витгенштейна и логическим позитивизмом видимостью²¹⁹. Так, польский исследователь Б. Вольневич считал, что в «Логико-философском трактате» представлен тип мышления, совершенно отличающийся от всех позитивистских и эмпирических традиций...»²²⁰. Как отмечает М. Козлова, «в отличие от позитивизма – в любом его варианте – в центре внимания Л. Витгенштейна была вовсе не наука, а сама философия – ее своеобразие, роль и место в интеллектуальной, духовной культуре, в жизни человека. А это ориентация, полярная позитивизму»²²¹. В подтверждение своей позиции, она также цитирует Б. Страуда, который говорил о Витгенштейне: «Ключ к

²¹⁸ Нарский И.С. Современный позитивизм. М., 1961. С. 33, 42, 118.

²¹⁹ Козлова М.С. Был ли Витгенштейн логическим позитивистом? (К пониманию природы философии). Электронный ресурс: iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp5/1.pdf

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

пониманию значения его философии – в оценке длившейся всю его жизнь оппозиции сциентизму».

Как же тогда определить философию Витгенштейна? Нужно еще раз подчеркнуть, что система Витгенштейна далека от наивного реализма и вообще от какой-либо формы реализма. Устанавливая взаимно-однозначное соотношение между языком и реальностью, он не только приравнивает язык к реальности, но и реальность к языку. Данная система замкнута на язык, замкнута на индивидуальное сознание. Здесь нет ничего внешнего – даже социально-значимого дискурса, который бы властвовал над нашим сознанием. Витгенштейн построил систему последовательного холизма, где все отношения – внутренние. В этой системе нет выхода за пределы «Я», за пределы языка к реальности, к вещи в себе. В этом смысле интенция Витгенштейна прямо противоположна интенциям Фреге и Рассела. Если они хотели вывести язык к реальности – даже такой абстрактный язык как язык логики и математики, – то анализ языка Витгенштейна привел его к прямо противоположному результату: он свел всю реальность к языку. Поэтому в Трактате впервые с полной ясностью в европейской философии выражена позиция лингвистического идеализма: вся реальность есть язык и ничего, кроме языка. Разница между позицией Витгенштейна в Трактате и его последующими взглядами, выраженными преимущественно в «Философских исследованиях», в том, что Витгенштейн позже уже не считал, что язык (а, следовательно, и мир) можно описать с помощью логики. Но основной мировоззренческой позиции – лингвистическому идеализму – Витгенштейн остался верен. Ближайшим образом лингвистический идеализм нашел развитие уже в теории языковых каркасов Р. Карнапа, а позже – в неопрагматизме и холизме У. Куайна и Д. Дэвидсона. Интересно, что идеи Витгенштейна подняли на свои знамёна и логические позитивисты, которые увидели в них оружие против метафизики, и, позже, неопрагматисты, и даже постструктуралисты.

Безусловно, Витгенштейн не является представителем мейнстрима аналитической философии. Он не стремился к точности и не утруждал себя ясностью формулировок, как Рассел. Если аналитические философы рассматривали язык в качестве орудия для решения традиционных философских проблем, то Витгенштейн путем анализа языка пришел фактически к обоснованию тезиса о невозможности философии, объ-

явив бессмысленными (в буквальном, констатирующем, а не оценочном значении этого слова²²²) все философские предложения.

Если под аналитической философией понимать анализ языка, то это именно то, возможность чего Витгенштейн, в конечном счете, отрицал. Любые мета-предложения о языке, по Витгенштейну, бессмысленны. Именно к пониманию этого мы приходим, «отбросив лестницу». Вспомним еще раз: *«Язык не может изображать то, что само отражается в языке. Мы не можем выразить языком то, что само выражается в языке»*. Фактически, в Трактате Витгенштейн ставит под сомнение изначальный проект аналитической философии как философского анализа языка. В этом смысле, парадоксальность философии Витгенштейна заключается в том, что, будучи одним из вдохновителей АФ, он одновременно бросает ей самый серьезный вызов. После Трактата АФ должна дать ответ на два вопроса: 1) как возможно делать значимые высказывания о языке; и если это возможно, то 2) к чему имеют отношение эти высказывания. На первый вопрос должна ответить теория значения, на второй – теория референции. Обоснованию этих теорий и посвящена значительная часть последующей аналитической философии.

Все же, Витгенштейна необходимо причислить к аналитическим философам хотя бы потому, что значительная часть рассуждений в аналитической философии после Витгенштейна есть либо развитие его взглядов, либо ожесточенная полемика с ним. В любом случае, фигура Витгенштейна является выдающейся в истории философии и заслуживает пристального изучения. Как заключает З.А. Сокулер, «философию Витгенштейна можно понять как ответ на кризис классической философии. Его философские искания как бы раскрывают глубину и серьезность этого кризиса. И в то же время они свободны от признаков декаданса и указывают путь к новым теоретическим горизонтам»²²³.

²²² Там же.

²²³ Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в.: Курс лекций. – Долгопрудный: АLEGRO-Пресс, 1994. Электронный ресурс: http://philosophy.ru/library/witt/sokuler/sokuler_witt.html#_Toc83549802

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ²²⁴

Представьте устройство, способное разобрать ваше тело на молекулы, послать «молекулярный чертеж» в другое место, где принимающее устройство мгновенно соберет по вас приложенному чертежу обратно. Сможете ли вы сказать себе: «Я – тот же самый человек»? Чем является это устройство – телепортером или убийцей – производителем близнецов-клонов? Этот вопрос, поставленный Д.Деннетом в недавно вышедшей коллективной монографии, посвященной актуальным проблемам философии сознания²²⁵, репрезентирует неослабевающий интерес к одной старой философской проблеме.

Проблема тождества личности (personal identity), существует в философии с давних времен. В Новое время она была наиболее четко сформулирована Дж. Локком и Д. Юмом. В споре со схоластическим реализмом и религиозной антропологией, которая субстанциализировала понятие души, они высказали обоснованное сомнение в существовании «Я» как такового, как некоей реальности, являющей субъектом «моих переживаний», «моих желаний», «моих мыслей» и т.д. В современной аналитической философии сознания проблема тождества личности рассматривается как несколько взаимосвязанных между собой подпроблем: тождество личности во времени (диахронное тождество), синхронное тождество (деление и слияние личности), проблема критериев тождества личности, проблема самости²²⁶. Мы будем говорить о проблеме тождества личности в единственном числе, подразумевая единство всех названных проблем.

Многие концепции современной аналитической философии сознания (например, теория тождества, функционализм, вычислительная теория сознания) формулируются без понятия «Я» или субъекта. Но то-

²²⁴ Данные рассуждения, в основном, изложены автором в статье: Каримов А.Р. Проблема тождества личности в аналитической философии// Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии. Материалы международной научно-образовательной конференции. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2012. С. 12-18

²²⁵ Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2003. – С.4

²²⁶ Olson E.T. Personal identity. In «The Blackwell guide to philosophy of mind/edited by Stephen P. Stich and Ted A. Warfield». Oxford, UK. 2003. P. 352-368

гда почему вообще состояния сознания не происходят «в темноте», зачем должен быть некто, «Я», кто их испытывает? Откуда мы знаем, что другие люди обладают сознанием и не являются «зомби»²²⁷? Несмотря на кажущуюся абсурдность самой постановки вопроса, по этой проблеме за последние 30 лет вышли десятки монографий и сотни статей именитых зарубежных авторов. Даже выделились различные направления по этому вопросу: «зомбисты», «антизомбисты», «нейтральные зомбисты» и т.д.²²⁸. Проблема «зомби» это, по сути, попытка решения проблемы «другого сознания» на языке концептуального анализа.

В отношении АФ можно сделать интересное замечание. Если континентальная европейская философия XX века может быть вкратце представлена как история критики понятия субъекта, закончившаяся победоносным объявлением о его «смерти», то в аналитической традиции, он (субъект) «умер», так и не родившись. Хайдеггеровское Dasein это прямой отход от самой идеи субъекта, трансцендентального «Я», оно просто здесь (da), при Бытии, «присутствие»²²⁹. «Я» постструктуралистов растворилось в дискурсивных практиках и подвергло себя деструкции вместе с другими метафизическими категориями. Закономерно ли возникновение «трансатлантического союза» Р.Рорти и Ж.Деррида, и можно ли сказать, что дивергенции мировой философии, после многовекового перерыва, сходятся вновь?

Вернемся к истокам проблемы. О тождестве и различии Дж. Локк рассуждает в главе 27 второй книги «Опыта о человеческом разумении». В параграфе «Тождество человека» Локк критикует понятие тождества как тождества души – некоей субстанции, являющейся субъектом всех ментальных процессов. Ведь тогда нам пришлось бы признать Сократа, Августина и Ч. Борджиа одной и той же личностью²³⁰. С другой стороны, тождество нельзя рассматривать как тождество частиц материи, ибо тогда возникает проблема, является ли человек, потерявший один волосок, тем же самым человеком. Решение этой проблемы ви-

²²⁷ Термин «зомби» в философской литературе имеет мало общего с персонажами голливудских фильмов и используется для обозначения бессознательных систем, которые физически и поведенчески идентичны, неотличимы, подобны сознательным существам.

²²⁸ Алексеев А.Ю. Понятие «зомби» и проблема сознания. В сб. «Проблема сознания в философии и науке». Под ред. Д.И.Дубровского. – М.: «Канон+», 2009. С.195-214.

²²⁹ О сближении идей Хайдеггера и восточной философии с ее обезличенным пантеизмом писали многие авторы, в частности Е.А. Торчинов «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур».

²³⁰ Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении.(Философское наследие. Т.93). – М.: Мысль, 1985. С. 383

дится Локку в тождестве личности во времени: «насколько это сознание может быть направлено назад, к какому-нибудь прошлому действию или мысли, настолько простирается тождество этой личности, эта личность есть теперь то же самое Я, что и тогда, и действие было совершено индивидуальностью, тождественной с теперешним Я и в настоящее время размышляющей об этом действии»²³¹ Т.о., по Локку, тождество личности – это, прежде всего, тождество сознания.

Однако сознание может меняться. Являюсь ли Я тем же самым Я, который был ребенком в смысле единства сознания? Я смотрю на свои детские фотографии и спрашиваю себя, неужели это я? Являются ли собственные воспоминания критерием тождества, ведь я могу иметь воспоминание о других, а другие обо мне? Буду ли я собой, если впаду в состояние глубокой комы? Ведь в таком случае ни о каком единстве сознания не может быть и речи. Подход Локка может быть назван психологическим, так как в качестве критериев он выделяет психологические состояния: память, убеждения, качества личности и т.д. Очевидно, что, решая психологическую проблему тождества личности, метафизическую проблему Локк не решает.

Д. Юм выступает против картезианской концепции самости как души и против локковской идеи единства сознания во времени. Его критика тождества личности носит более утонченный характер. Первый аргумент заключается в том, что нет необходимости постулировать понятие субъекта, который бы сопровождал каждое восприятие. Этот аргумент заслуживает рассмотрения, поскольку здесь больше, чем простая психология. Напомним, что Кант основывает свою трансцендентальную аналитику как раз на идее Я, которая должна, по Канту, сопровождать все мои восприятия. На основании противопоставления Я с его восприятиями и объекта Кант выводит свое учение о «вещах-в-себе». Обоснованно ли смешивать рефлексивные акты сознания, с обычными актами, интенция которых, выражаясь феноменологически, направлена на объект, а не на само восприятие? Но если Я – это не мои восприятия, не мои желания, мои мысли и т.д. (а больше этого я не могу обнаружить в своем сознании), то Я – это просто иллюзия сознания. К такому выводу приходит Юм.

Как резюмирует И.Г. Гаспаров, теории тождества личности можно свести к трем вариантам: субстанциализм – основание тождества лич-

²³¹ Там же. С. 386.

ности есть некая субстанция (Декарт), реляционизм – основание тождества личности есть некое отношение, например, отношения непрерывности сознания во времени (Локк), и нигилизм – отсутствует какой-либо критерий тождества (Юм)²³².

Современный вариант нигилизма в вопросе о тождестве личности представлен в работах Д. Парфита²³³. Парфит предлагает совершить мысленный эксперимент. Допустим, наш мозг отделяют от тела и пересаживают в другое тело, в котором отсутствует мозг. Будет ли новая личность мной? Большинство исследователей согласятся, что да. Теперь представим другой случай. Мой мозг рассечен надвое, и каждое полушарие пересажено в другое тело. Оба индивида в результате должны иметь мою личность, мои воспоминания и т.д. Возможны три варианта: мое Я перестает существовать и на его месте возникают два других Я; мое Я становится одним из двух Я, получившихся в результате эксперимента; мое Я остается одновременно в двух новых личностях. По Парфиту, первый вариант отпадает, поскольку науке известны реальные случаи людей, которым в результате оперативного вмешательства было удалено одно полушарие мозга, но они выжили и сохранили все качества личности. Аргумент о том, что мое Я не выживет в одном полушарии, если где-то в другом теле выживет мое второе полушарие, несостоятелен. Второй вариант также отпадает, так как по условию мысленного эксперимента оба индивида успешно пережили операцию и обрели личность. Так почему же Я должен стать той, а не иной результирующей личностью? Третий вариант кажется более приемлемым. Науке известны случаи, когда пациентам рассекали полушария мозга как метод лечения эпилепсии, и в результате, каждое полушарие контролировало половину тела и в каждом полушарии образовалось свое сознание, свои восприятия и т.д. Но получится ли в результате одна личность (та же самая) с двумя сознаниями, или правильнее говорить, что получится две разных личности? Парфит считает, что здесь нельзя дать определенного ответа, так как ни один из предлагаемых критериев тождества личности не позволяет дать однозначного ответа. Причиной этого является то, что сам вопрос о тождестве личности является не-

²³² Гаспаров И.Г. Парфит, нигилизм и тождество личности. Электронный ресурс:

<http://www.analytica-journal.org/pdf/2007-01-03.pdf?attredirects=0>

²³³ Parfit D. Personal Identity //The Philosophical Review, Vol. 80, No. 1 (Jan., 1971), pp. 3-27Published by: Duke University Press on behalf of Philosophical Review
Электронный ресурс: <http://www.jstor.org/stable/2184309>

корректным. Отношение тождества есть отношение «один-к-одному» (one-one). Ни тождество моих переживаний во времени, ни тождество моих восприятий в настоящем не есть тождество «один-к-одному», а отношение «один-к-нескольким». В целом, по Парфиту, мысленный эксперимент с рассеченным мозгом показывает несостоятельность концептуального анализа при решении проблемы тождества личности.

Можно сказать, что вся проблема поиска критериев тождества личности связана с нечеткостью самого этого понятия. Это напоминает античные парадоксы «Куча», «Лысый»: что делает кучу кучей? что будет, если от кучи отнять одну песчинку? и т.п.

В современной АФ можно выделить несколько альтернатив парфитовскому нигилизму:

1. Логический конвенционализм (Д. Брэддон-Митчел и К. Миллер): установление тождества личности зависит от социальных конвенций. В случае с рассеченным мозгом в мысленном эксперименте в обществе не существует конвенции по данному вопросу, так как пока с этим не сталкивались на практике²³⁴.
2. «Квази-релятивизм» (Д. Сайдер, Т. Робинсон): выделяет разные концепты «личность» – для каждого контекста существуют свои критерии тождества личности²³⁵.
3. Минимализм (М. Джонстон): считает достаточным для целей повседневного существования обыденного убеждения о тождестве личности, а поиск метафизических оснований тождества личности лишенным смысла²³⁶.
4. Субстанциализм (И.Г. Гаспаров): попытка возродить субстанциальную концепцию тождества личности на основе синтеза аристотелевского понимания формы как имманентной силы, оформляющей вещь как целое, с идеей существования

²³⁴ Braddon-Mitchell D., Miller K. How To Be a Conventional Person // The Monist, Vol. 87, Issue 4, 2004.

²³⁵ Sider T. Criteria of Personal Identity and the Limits of Conceptual Analysis // Philosophical Perspectives, Vol. 15, 2001, p. 189.

Robinson D. Failing to Agree or Failing to Disagree?: Personal Identity Quasi-Relativism // The Monist, Vol. 87, Issue 4, 2004, p. 512.

²³⁶ Johnston M. Human Concerns without Superlative Selves // J. Dancy (ed.). Reading Parfit. – Oxford: Blackwell Publishers, 1997, pp. 149-150

хэксцентических свойств, являющихся онтологической основой единичной индивидуальности конкретной вещи²³⁷.

Другая проблема, связанная с юмовской критикой идеи Я, – это более фундаментальная проблема тождества прошлого и будущего: будут ли в будущем регулярно осуществляться те же закономерности, что и в прошлом? Как известно, на основании отрицания этого тождества, Юм отрицал объективный характер причинности, а вместе с этим и индукцию как вывод, основанный на тождестве прошлых и будущих событий. Эта проблема напрямую связана с идеей тождества личности во времени, так как уже никакие факты априори не смогут это тождество подкрепить. Является ли вера в Я такой же привычкой, как вера в причинность? Эту проблему обсуждает один из ведущих российских представителей современной аналитической философии В.В.Васильев, правда, в аспекте возможной каузальной связи между ментальными и физическими событиями. Выступая против тезиса о каузальной замкнутости физического (каждое физическое событие имеет только физическую причину), он замечает, что вера в тождество прошлого и будущего лежит в основе убеждений здравого смысла, и что эта вера «заставляет нас размещать причины среди данностей наших чувств»²³⁸. Но, в целом, что касается проблемы тождества личности, он стоит на позиции Юма. Человеческое сознание так устроено, что оно верит в соответствие между прошлым и будущим.

Вся эта дискуссия очень характерна для аналитической философии еще потому, что она, в целом, склонна игнорировать социальный аспект проблемы. Однако именно в данном вопросе обойти проблему Другого не представляется возможным. Специфика постановки проблемы Другого в аналитической философии кардинально отличает ее от аналогичных рассуждений в континентальной европейской философии.

Впервые в континентальной европейской философии проблематику Другого на метафизический уровень вывел Гегель. В известном пассаже о диалектике раба и господина в «Феноменологии духа» Гегель показывает становление самосознания. Можно сказать, что после Геге-

²³⁷ Гаспаров И.Г. Философско-аналитическая концепция тождества личности.// Дисс. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Воронеж, 2007. Электронный ресурс: <http://www.dissercat.com/content/filosofsko-analiticheskaya-kontseptsiya-tozhdestva-lichnosti#ixzz2CtHpCdNE>

²³⁸ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 210.

ля вся последующая дискуссия развивалась в заданном им ключе. А именно: Я как Я становится самим собой благодаря Другому. Левинас, Бубер, Сартр – все они развивали именно этот тезис. Почему здесь важно упомянуть еще раз Гегеля? У Гегеля сама возможность обсуждения этой проблемы предполагает фундаментальное основание – Абсолют, единство бытия и мышления, тождество всех противоположностей. Именно поэтому Другой появляется не вдруг, а изначально присутствует, но в неразличенном виде. Затем противостояние Я и Другого развивается в спирали диалектики самостановления Абсолютного духа. Несколько переформулировав исходный тезис можно сказать так: Я становится Я благодаря Другому *не* потому что он(а) Другой, Чужой, а потому что Другой и Я изначально есть одно и то же. Не случайно распространено обсуждение этой проблемы в религиозном ключе (исключением являются Хайдеггер и Сартр). Хайдеггер тоже сводит эту проблему к онтологии, к специфике основоустройства экзистенции. Бытие-с (Mitsein) уже изначально нам дано.

В чем принципиальное отличие постановки вопроса о Другом в аналитической философии? Проблема Другого здесь – проблема другого сознания, другой субъективной реальности. Т.е. вопрос в том, как Я, как субъективная реальность, могу найти нечто в своей субъективности, что выводило бы меня на другую, отличную от моей, субъективную реальность. Данный подход изначально исключает бытие Другого. Но можно ли, исключив Другого, потом вернуть его обратно в данность сознания? Нет ли здесь опасности впасть в солипсизм? Можно говорить, что Другой обладает сознанием на основании того, что осуществляет определенные действия, и я, на основании аналогии, могу приписать ему качества субъектности. Но вера в то, что другой обладает сознанием, основанная на аналогии, сталкивается со всем набором возражений против бихевиоризма, теста Тьюринга и т.д.²³⁹

С этой проблемой столкнулся уже Гуссерль, попытавшийся обосновать интерсубъективность на основе трансцендентально-феноменологической редукции. Трудность этого можно усмотреть в «Картезианских размышлениях». Несмотря на пространные и глубоко-мысленные рассуждения, Гуссерль, по сути, возвращается к старому «аргументу аналогии». Как резюмирует А.Шюц, «Наш главный источ-

²³⁹ Дубровский Д.И. «Сознание», «Другое сознание», «Другая субъективная реальность». В сб. «Проблема сознания в философии и науке». Под ред. Д.И.Дубровского. – М.: «Канон+», 2009. С.153-171.

ник, V Картезианское размышление, не показывает того, как Другой конституируется в качестве трансцендентальной субъективности, но лишь как он конституируется в качестве посюстороннего психофизического единства»²⁴⁰.

Рассуждая о точках соприкосновения англо-американской и континентальной европейской философии, отметим, что проблема Другого в современной аналитической философии сознания обсуждается преимущественно в русле, сходном с гуссерлианской традицией, а потому сталкивается с теми же трудностями, в частности, с неустрашимостью идеи аналогии. Другая тенденция, отличающая АФ, связана с редукционизмом – попыткой свести обсуждение к решению проблем на уровне эмпирических наук. Полемика между сторонниками концептуального анализа и редукционистами в аналитической философии сознания продолжается. Какая из этих тенденций окажется более продуктивной для АФ покажет ближайшее будущее.

²⁴⁰ Цит. по: Смирнова Н.М. Трансцендентально-феноменологический анализ сознания и проблема интерсубъективности//Проблема сознания в философии и науке/ Под. ред. Д.И. Дубровского. – М.: Канон+, 2009. С. 194.